

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 10 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Гусев А.В., к.ю.н., доцент

Члены редакционного совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакшин В.С., д.ю.н., профессор; Бозров В.М., д.ю.н., профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент; Грибунов О.П., д.ю.н., профессор; Давлетов А.А., д.ю.н., профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент; Дегтярев С.Л., д.ю.н., профессор; Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н., профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Мансуров Г.З., д.ю.н., профессор; Осинцев Д.В., д.ю.н., профессор; Савоськин А.В., д.ю.н., доцент; Семякин М.Н., д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н., профессор; Стельмах В.Ю., д.ю.н., доцент; Татьяна Л.Г., д.ю.н., профессор; Шабуров А.С., д.ю.н., профессор; Шнарбаев Б.К., д.ю.н., доцент

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Аюпова Г.Ш., к.ю.н.; Головизнин А.В., к.ю.н.; Гребенщикова И.В., к.ю.н., доцент; Дерюгин Р.А., к.ю.н.; Западнава Ю.А., к.ю.н.; Казанцев А.О., к.ю.н., доцент; Климович Ю.С., к.ю.н., доцент; Кокорин Д.Л., к.ю.н., доцент; Крысанов А.В., к.ю.н., доцент; Курилов С.И., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н., доцент; Макеева И.С., к.ю.н., доцент; Носкова Ю.Б., к.ю.н., доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент; Пересадица О.В., к.ю.н.; Сазон К.Д., к.ю.н., доцент; Спиринов А.В., к.ю.н., доцент; Сергеев Д.Н., к.ю.н., доцент; Хамидуллин Р.С., к.ю.н.; Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент; Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь Кудоярова Г.Р.

Редактор Бебих И.Б.

Переводчик Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 28.03.2024. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 40 экз. Заказ № 19

Дата выхода в свет 29.03.2024. Свободная цена

BULLETIN № 1 (41) • 2024

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-63039 dated September 10, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Gusev A.V., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., dr. of law, professor; Balakshin V.S., dr. of law, professor;

Bozrov V.M., dr. of law, professor; Goncharov D.YU., dr. of law, associate

professor; Gribunov O.P., dr. of law, professor; Davletov A.A., dr. of law,

professor; Darmenov A.D., cand. of law, associate professor;

Degtyarev S.L., dr. of law, professor; Karasyov A.T., dr. of law, professor;

Kodan S.V., dr. of law, professor; Majorov V.I., dr. of law, professor;

Mansurov G.Z., dr. of law, professor; Osincev D.V., dr. of law, professor;

Savos'kin A.V., dr. of law, associate professor; Semyakin M.N., dr. of law,

professor; Smykalin A.S., dr. of law, professor; Stelmakh V.Yu., dr. of law,

associate professor; Tat'yanina L.G., dr. of law, professor; Shaburov A.S.,

dr. of law, professor; SHnarbaev B.K., dr. of law, associate professor

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Board:

Ayupova G.SH., cand. of law; Goloviznin A.V., cand. of law;

Grebenshchikova I.V., cand. of law, associate professor; Deryugin R.A.,

cand. of law; Zapadnova Ju.A., cand. of law; Kazancev A.O., cand. of law,

associate professor; Klimovich YU.S., cand. of law, associate professor;

Kokorin D.L., cand. of law, associate professor; Krysanov A.V.,

cand. of law, associate professor; Kurilov S.I., cand. of law; Lappo E.A.,

cand. of law, associate professor; Makeeva I.S., cand. of law, associate

professor; Noskova Yu.B., cand. of law, associate professor; Orlov K.A.,

cand. of law, associate professor; Peresadina O.V., cand. of law; Sazon K.D.,

cand. of law, associate professor; Sergeev D.N., cand. of law, associate

professor; Spirin A.V., cand. of law, associate professor;

Khamidullin R.S. cand. of law; Schetinina N.V., cand. of law, associate

professor; Kharlamova A.A., cand. of law, associate professor

Executive Secretary *Kudoyarova G.R.*

Editor *Bebikh I.B.*

Translator *Guzikova V.V.*

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house / printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64; E-mail: ural-yui@mvd.ru Website: <http://www.ural-mvd.ru> ISSN 2312-5640 The index E43226

Signed in the press on March 28, 2024. Format 60x84 / 8 Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 18.0. Uch.-ed. L. 18.0 Edition 40 copies. Order No. 19 Date of publication on March 29, 2024. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2024

Содержание

Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства	
<i>Гаджиев Ш.Ф.</i> Значение результатов административной деятельности полиции в процессе доказывания по уголовным делам	6
<i>Ганага В.С.</i> Проблемы реализации участниками уголовного судопроизводства права на собирание доказательств по уголовным делам	12
<i>Иванов А.Ю., Болотин С.В.</i> Особенности выявления и расследования уголовных дел, связанных с незаконными действиями при банкротстве (часть 1 статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации)	17
<i>Ногайбаева А.С., Жусипбекова А.М.</i> Самостоятельность следователя при решении вопроса о начале досудебного производства	22
<i>Политыко О.Е.</i> Сущность и содержание института представительства в уголовном процессе России	26
<i>Соколова А.С.</i> Роль прокурора в избрании судом мер пресечения в стадии предварительного расследования: правообеспечительный аспект	31
<i>Титов П.М.</i> Существует ли в настоящее время «местный» розыск обвиняемых и подозреваемых, скрывающихся от органов предварительного расследования?	37
<i>Черкасова А.М.</i> Актуальные проблемы правовой регламентации сроков рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе	41
Актуальные проблемы административного права и процесса	
<i>Борноволоков П.А.</i> Взаимодействие органов здравоохранения, прокуратуры и органов внутренних дел по прекращению права управления транспортными средствами	48
<i>Ладыгина О.А.</i> Защита отдельных элементов специального правового статуса сотрудника полиции в Республике Казахстан	54
Актуальные проблемы частного права	
<i>Кузин Д.А.</i> Особенности договорной работы в вертикально интегрированных компаниях нефтегазовой отрасли: актуальные вопросы	58
<i>Тарасов П.А.</i> Становление и развитие гражданско-правового регулирования отношений в сфере информации: историко-правовой аспект	62
Вопросы криминалистики	
<i>Андроник Н.А.</i> Ложное алиби как прием противодействия расследованию преступлений	69
<i>Бахтеев Д.В., Шевырталов Е.П.</i> Способы нейтрализации штатных и нештатных средств защиты автомобиля как элемент совершения угонов и хищений транспортных средств	74
<i>Боровик П.Л., Самойло В.А.</i> Подходы к построению оптимальной структуры криминалистической характеристики легализации («отмывания») преступных доходов посредством использования криптовалют	80
<i>Дмитриев К.О.</i> Понятие и проблемные аспекты преступлений в сфере предпринимательской деятельности	86
Основные тенденции государственно-правового развития	
<i>Безруков А.В.</i> Конституционные преобразования как фактор укрепления конституционного правопорядка в России	92
<i>Карасев А.Т., Кожевников О.А., Крысанов А.В.</i> Обеспечение национальной безопасности как одно из направлений взаимодействия органов единой системы публичной власти в Российской Федерации	96
Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений	
<i>Ковалик Б.В.</i> Классификация типичных оперативно-розыскных ситуаций, возникающих в ходе раскрытия мошенничеств, совершаемых дистанционным способом	101
<i>Рукавишников Г.А.</i> О некоторых вопросах оперативно-розыскной территориальности	106
Теория и практика борьбы с преступностью	
<i>Акаева К.А.</i> Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства: криминологический портрет личности преступника	112
<i>Ермакова А.Л.</i> Некоторые вопросы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу	117
<i>Лукошина П.А.</i> Механизмы финансирования экстремистской и террористической деятельности с использованием криптовалюты	121
<i>Старостенко О.А.</i> Особенности виктимологического предупреждения киберхищений на групповом и индивидуальном уровнях	125
Уголовное право и уголовная политика	
<i>Василькова Е.В.</i> Объект преступления, предусмотренного статьей 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: рассмотрение через призму вертикальной классификации	129
<i>Воспякова О.Ф., Свиридов Д.А.</i> К вопросу о пропаганде и рекламе незаконного оборота наркотиков	136
<i>Глебова Е.П.</i> Проблемы применения статьи 124.1 Уголовного кодекса Российской Федерации	140
<i>Ермолаев Н.В.</i> К вопросу о содержании термина «иная компьютерная информация» для целей статьи 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации	146
<i>Малышев К.С.</i> Особенности уголовно-правовой оценки предмета составов преступлений, предусмотренных статьями 207.1, 207.2 и 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации	151
<i>Фризен П.Д., Суверов С.Е.</i> Подходы к пониманию условий освобождения от уголовной ответственности (на основе анализа судебно-следственной практики применения статей 76 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации)	157

Contents

Topical issues of legal procedure and criminal procedure legislation

<i>Gadjiev Sh.F.</i> The importance of the results of the administrative activities of the police in the process of proving criminal cases	6
<i>Ganaga V.S.</i> Problems of realization by participants in criminal proceedings of the right to collect evidence in criminal cases	12
<i>Ivanov A.Yu., Bolotin S.V.</i> Features of identification and investigation of criminal cases related to illegal actions in bankruptcy (part 1 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation)	17
<i>Nogaybayeva A.S., Zhussipbekova A.M.</i> Independence of the investigator when deciding on the start of pre-trial proceedings	22
<i>Polityko O.E.</i> The essence and content of the institution of representation in the criminal process of Russia	26
<i>Sokolova A.S.</i> The role of the prosecutor in the election of preventive measures by the court at the stage of preliminary investigation: the legal aspect	31
<i>Titov P.M.</i> Is there currently a «local» search for the accused and suspects hiding from the preliminary investigation authorities?	37
<i>Cherkasova A.M.</i> Actual problems of legal regulation of terms for consideration and resolution of petitions in criminal proceedings	41

Topical problems of administrative law and process

<i>Bornovolokov P.A.</i> Interaction of health authorities, prosecutor's office and internal affairs bodies on termination of the right to drive vehicles	48
<i>Ladygina O.A.</i> Protection of certain elements of the special legal status of a police officer in the Republic of Kazakhstan	54

Topical problems of private law

<i>Kuzin D.A.</i> Features of contractual work in vertically integrated companies in the oil and gas industry: current issues	58
<i>Tarasov P.A.</i> Formation and development of civil law regulation of relations in the sphere of information: historical and legal aspect	62

Questions of criminalistics

<i>Andronik N.A.</i> False alibi as a method of countering the investigation of crimes	69
<i>Bakhteev D.V., Shevyrталov E.P.</i> Methods of neutralization of regular and non-standard means of protection of the car as an element of theft and theft of vehicles	74
<i>Borovik P.L., Samoilo V.A.</i> Approaches to building the optimal structure of the forensic characteristics of the legalization («laundering») of criminal proceeds through the use of cryptocurrencies	80
<i>Dmitriev K.O.</i> Concept and problematic aspects of business crime	86

The main trends of state and legal development

<i>Bezrukov A.V.</i> Constitutional changes as a factor strengthening the constitutional legal order in Russia	92
<i>Karasev A.T., Kozhevnikov O.A., Krysanov A.V.</i> Ensuring National Security as one of the Areas of Interaction between bodies of the Unified System of Public Authority in the Russian Federation	96

Improving the activities of law enforcement agencies in the detection and investigation of crimes

<i>Kovalik B.V.</i> Classification of typical detective situations that arise during solve of internet fraud	101
<i>Rukavishnikov G.A.</i> About some questions operational-investigative territoriality	106

Theory and practice of combating crime

<i>Akaeva K.A.</i> Inducement to commit suicide and facilitating suicide: criminological portrait of the criminal's personality ...	112
<i>Ermakova A.L.</i> Some issues of choosing a preventive measure in the form of detention	117
<i>Lukashina P.A.</i> Mechanisms for financing extremist and terrorist activities using cryptocurrencies	121
<i>Starostenko O.A.</i> Features of victimological prevention of cyber theft at the group and individual levels	125

Criminal law and criminal policy

<i>Vasilkova E.V.</i> The object of the crime stipulated in Article 193.1 of the Criminal code of the Russian Federation: consideration through the prism of vertical classification	129
<i>Vosp'yakova O.F., Sviridov D.A.</i> To the question of propaganda and advertising of illegal drug traffic	136
<i>Glebova E.P.</i> Problems of application of Article 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation	140
<i>Ermolaev N.V.</i> On the question of the Concept of «Other Computer Information» in the Context of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation	146
<i>Malyshev K.S.</i> Features of the criminal legal assessment of the subject of the elements of crimes provided for in Articles 207.1, 207.2 and 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation	151
<i>Frizen P.D., Suverov S.E.</i> Approaches to understanding the conditions for exemption from criminal liability (based on an analysis of the judicial and investigative practice of applying Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)	157

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Журналу «Вестник Уральского юридического института МВД России» исполняется 10 лет. Вы держите в руках 41-й выпуск, что само по себе является значимой вехой в истории издания.

За годы своего существования журнал превратился в авторитетное периодическое издание, на страницах которого обсуждаются актуальные проблемы права. Журнальные публикации отмечены высоким качеством, фундаментальностью изложения материала и многоплановостью проблематики. Вестник продолжает транслировать лучшие традиции юриспруденции и сегодня стоит в ряду достойных российских периодических изданий по юридическим наукам.

«Вестник Уральского юридического института МВД России», без сомнений, – гуманитарное издание нового типа: сочетает юридическую междисциплинарность с глубиной теоретического анализа. Читать его всегда интересно, подбор авторов основателен и разнообразен. За годы своего существования журнал стал верным помощником многочисленным авторам, защитившим при его содействии диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата юридических наук.

Редакционная политика Вестника заключается в развитии и совершенствовании юридической науки, юридического образования и юридической практики. Журнал является дискуссионной площадкой, способствующей развитию научного потенциала образовательных организаций, совершенствованию деятельности научных школ, изложению оригинальных

авторских позиций известных и начинающих ученых, а также лиц, непосредственно занимающихся правоприменительной деятельностью.

За десять лет журнал сумел стать серьезным научным изданием и приобрел своих постоянных читателей. В этом немалая заслуга редакции, коллективу которой хочется выразить благодарность за столь важную работу.

Поздравляем наших авторов и читателей, желаем журналу долголетия, творческих удач, продолжения плодотворного сотрудничества с уже печатавшимися на его страницах авторами и знакомства с новыми именами, здоровья и успехов всем, кто был с ним рядом на протяжении этих лет и будет в будущем!

*Главный редактор журнала
«Вестник Уральского юридического
института МВД России»
Никита Владимирович Голубых*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья

УДК 343.1

Значение результатов административной деятельности полиции в процессе доказывания по уголовным делам

Гаджиев Шахбаз Феликсович

Академия управления МВД России, Москва, Россия, shahgadjiev265@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-6312-6896>

Аннотация. На основе изучения уголовно-процессуальной доктрины в статье рассматриваются особенности, связанные со значением результатов административной деятельности полиции в уголовно-процессуальном доказывании. Установлено, что данные результаты обеспечивают достижение целей и задач, законодательно закрепленных как в КоАП РФ, так и в Законе о полиции. В том числе благодаря этим результатам, полученным в ходе проведения административных мероприятий, сотрудниками полиции выявляются признаки преступления, имеющие непосредственное отношение к отдельным категориям уголовных дел. Анализ судебно-следственной практики по ст. 222 и 228 УК РФ позволил подтвердить объективную значимость результатов административной деятельности полиции в доказывании по уголовным делам.

Ключевые слова: доказывание, досудебное производство, непроцессуальная деятельность, результаты ОРД, результаты административной деятельности полиции

Для цитирования: Гаджиев Ш. Ф. Значение результатов административной деятельности полиции в процессе доказывания по уголовным делам // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 6–11.

Original article

The importance of the results of the administrative activities of the police in the process of proving criminal cases

Gadjiev Shahbaz F.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

shahgadjiev265@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6312-6896>

Abstract. Based on the study of the criminal procedure doctrine, the article examines the features associated with the importance of the results of administrative activities of the police in criminal procedural evidence. It is established that these results ensure the achievement of the goals and objectives legally enshrined in both the Administrative Code of the Russian Federation and the Law on the Police. In particular, thanks to these results obtained during the

course of administrative measures, police officers identify signs of a crime that are directly related to certain categories of criminal cases. The analysis of judicial and investigative practice under Articles 222 and 228 of the Criminal Code of the Russian Federation allowed us to confirm the objective significance of the results of the administrative activities of the police in proving criminal cases.

Keywords: proving, pre-trial proceedings, non-procedural activities, the results of the ORD, the results of the administrative activities of the police

For citation: Gadjiev Sh. F. The importance of the results of the administrative activities of the police in the process of proving criminal cases // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 6–11.

В наши дни остро встает вопрос, предопределяющий использование результатов административной деятельности полиции не только в качестве самостоятельного вида непроцессуальной информации, но и в качестве отдельного средства уголовно-процессуального доказывания. Однако не всеми специалистами в области уголовно-процессуального права акцентируется внимание на сущностной характеристике этих результатов, их значении, а также на определении конкретного места в системе средств доказывания по уголовным делам. В связи с чем большинство ученых-процессуалистов упускают эти результаты из виду, именно поэтому происходит своего рода подмена одних средств доказывания другими средствами. Следовательно, результаты административной деятельности полиции, как правило, не рассматриваются в качестве самостоятельных доказательств, а умело скрываются как за результатами оперативно-розыскной деятельности, которые получены в соответствии с Законом об оперативно-розыскной деятельности, так и за непосредственными уголовно-процессуальными доказательствами, полученными в порядке ч. 2 ст. 74 УПК РФ, в том числе за иными средствами доказывания.

Взяв на себя всю ответственность, мы попытаемся полноценно раскрыть вопрос, связанный со значением результатов административной деятельности полиции как средств доказывания в уголовном судопроизводстве, а также постараемся в полном объеме проиллюстрировать выведенные нами закономерности посредством анализа научно обоснованных точек зрения, материалов судебно-следственной практики и собственных умозаключений, в том числе посредством выдвижения собственных аргументированных гипотез.

Итак, впервые в 1958 г. профессором С. П. Митричевым был поднят вопрос о применении и реализации результатов административной деятельности милиции. Учёный-процессуалист говорит о применении определенных форм и методов административной деятельности милиции для решения задач, стоящих перед правоохранительными органами, по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. С. П. Митричев упомянул, что вопросы, касающиеся розыска, задержания виновных в совершении преступлений и осуществления уголовной регистрации, в большинстве случаев регламентируются нормами, предусмо-

тренными административным правом [1, с. 10]. Схожие позиции были выражены и другими учеными в разных гуманитарных (юридических) науках, которые, в свою очередь, заявляли, что оперативно-розыскная деятельность обязана основываться как на научной, так и на практико-ориентированной работе конкретных субъектов административной деятельности, а также органов внутренних дел МВД России.

Соответственно, в первую очередь хотелось бы отметить, что сбор результатов административной деятельности полиции, в целом, ложится «на плечи» различных подразделений системы МВД России, в частности, на участковых уполномоченных полиции, сотрудников патрульно-постовой службы, кинологической службы, инспекторов дорожно-патрульной службы, оперативных сотрудников, сотрудников транспортной полиции и иных субъектов, осуществляющих административную деятельность полиции. В последующем все результаты, которые были получены субъектами административной практики, могут быть напрямую использованы в процессе доказывания по уголовным делам в качестве отдельных и полноценных доказательств, а в некоторых случаях – в качестве основных доказательств, которые имеют первостепенное значение по конкретному уголовному делу. Таким образом, полученные результаты административной деятельности полиции, как правило, являются поводом к возбуждению уголовного дела.

Так, например, в феврале 2023 г. на территории привокзальной площади железнодорожного вокзала ст. Улан-Удэ сотрудниками полиции (двумя сотрудниками патрульно-постовой службы полиции и одним кинологом) благодаря служебно-розыскной собаке по кличке Гертруда был выявлен гражданин В. А. Ухинов, который имел при себе незаконные наркотические средства. Почуввав наркотические средства, служебно-розыскная собака обозначила мужчину азиатской внешности как лицо, у которого при себе могут находиться наркотические средства. После чего сотрудниками полиции было принято решение сопроводить В. А. Ухинова в пункт досмотра (в помещение комнаты досмотра ж/д вокзала ст. Улан-Удэ), расположенный по адресу: г. Улан-Удэ, ул. Революции 1905 г., д. 35. Затем был проведён личный досмотр в присутствии двух понятых, в результате был обнаружен и изъят свёрток из бумаги со смесью массой 0,97 г (в пересчёте на высушенное состояние – массой 0,873

г), содержащий в своём составе части растения табак и наркотическое средство растительного происхождения – масло каннабиса (гашишное масло) массой 0,097 г в высушенном виде. Данное наркотическое средство согласно постановлению Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особого крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особого крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей ст. 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ» относится к значительному размеру. В итоге было возбуждено уголовное дело в отношении В. А. Ухинова, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ¹. В приговоре суда указаны в качестве основных доказательств следующие письменные доказательства: 1) рапорт об обнаружении признаков преступления сотрудника ППС; 2) акт о применении розыскной собаки № 176 от 14 февраля 2023 г.; 3) протокол личного досмотра.

Следовательно, благодаря проведённому анализу судебной и следственной практики, мы наглядно показали, как в повседневной служебной деятельности сотрудниками полиции используются и благополучно реализуются результаты административной деятельности полиции в качестве средств доказывания по отдельным категориям уголовных дел.

Конечно, не только в теории уголовно-процессуального права, но и в правоприменительной деятельности возникают такие случаи, когда результаты административной деятельности полиции нередко смешивают с результатами оперативно-розыскной деятельности. В связи с чем С. А. Лукьянчикова и М. А. Андреев утверждают, что «оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство отображают взаимосвязь процессуального и непроцессуального. Данная взаимосвязь выражается в проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий» [2, с. 9]. Проще говоря, данные учёные «автоматически» (не задумываясь) относят все перечисленные выше результаты только к результатам оперативно-розыскной деятельности, так как считают, что непроцессуальная деятельность заключается, как правило, только в проведении оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых сотрудниками различных оперативных подразделений МВД России. Однако мы считаем данное высказывание ошибочным, так как сами результаты административной деятельности полиции возникают посредством проведения конкретных административных мероприятий (административных досмотров и др.) и, соответственно, имеют иную нормативную правовую основу – это КоАП РФ, Закон о полиции и т. д. К тому же результаты административной деятельности полиции следует

относить к самостоятельному виду непроцессуальной информации.

Для более детального понимания и раскрытия исследуемого нами вопроса необходимо обратиться к следственно-судебной практике в целях оптимизации нашего восприятия применительно к использованию результатов административной деятельности полиции в уголовно-процессуальном доказывании.

Например, в ходе проведения административных мероприятий инспекторами ДПС ГИБДД УВД по СЗАО ГУ МВД России по г. Москве А. А. Муравьевым и С. С. Ереминым 30 марта 2015 г. был остановлен автомобиль марки «Пежо», водителем которого был А. А. Гулин. Сотрудниками ГИБДД был выявлен факт опьянения, однако водитель проходить освидетельствование отказался, после чего А. А. Гулин был привлечён к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ. О произошедшем сотрудники полиции доложили в дежурную часть. А затем на место происшествия прибыла следственно-оперативная группа, в составе которой находился оперуполномоченный уголовного розыска А. В. Суханов. Последний осуществил проведение личного досмотра в отношении гражданина А. А. Гулина, в результате чего в куртке были обнаружены и изъяты 2 свертка (амфетамин массой не менее 0,46 г). Данный гражданин был задержан. В итоге было возбуждено уголовное дело в отношении А. А. Гулина, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ². В приговоре суда указаны в качестве основных доказательств следующие письменные доказательства: 1) протокол личного досмотра, составленный оперуполномоченным уголовного розыска (сотрудником полиции); 2) рапорт инспектора ДПС ГИБДД о подозрении в совершении преступления гражданином А. А. Гулиным и его задержании; 3) протокол о медицинском освидетельствовании гражданина А. А. Гулина.

Аналогичная практика имеется в г. Ростов-на-Дону. В начале 2022 г. в ходе проведения административных мероприятий инспектором ДПС ГИБДД было остановлено транспортное средство «Дэу Нексия», водителем которого был Ж. Б. Кучимов. Сотрудниками полиции был произведён осмотр салона и багажника этого транспортного средства. После чего в бардачке был найден и изъят полимерный пакет с различными веществами (в состав входило наркотическое средство N-метил-эфедрон массой 0,70 г, что является значительным размером), а в багажнике – огнестрельное оружие и два охотничьих патрона 12 калибра (огнестрельное оружие является двуствольным оружием марки «ТОЗ-34» 12 калибра). В итоге было возбуждено уголовное дело в отношении Ж. Б. Кучимова, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренно-

¹ Уголовное дело от 3 июля 2023 г. № 1-621/2023 // Архив Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ. URL: <https://судебныерешения.рф/77248135> (дата обращения: 03.09.23).

² Уголовное дело от 8 ноября 2016 г. № 1-7/2016 // Архив Тушинского районного суда г. Москвы. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/103691.html> (дата обращения: 03.09.23).

го ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 228 УК РФ¹. В приговоре суда указаны в качестве основных доказательств следующие письменные доказательства: 1) протокол досмотра транспортного средства; 2) рапорт старшего инспектора ДПС ГИБДД; 3) протокол об административном задержании.

Вышеперечисленные примеры являются общераспространенной и общепризнанной судебной практикой. В связи с чем они иллюстрируют тот факт, что все полученные в ходе административной деятельности полиции материалы не только имеют важное значение для уголовного дела, но и являются результатами административной деятельности полиции (как самостоятельные средства уголовно-процессуального доказывания).

Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении говорит о том, что административный досмотр и административное задержание проводятся исключительно в порядке, предусмотренном КоАП РФ, соответственно, не могут выражаться в качестве результатов оперативно-розыскной деятельности².

Однако нельзя не сказать, что некоторая часть судебной и следственной практики обходит стороной вышеобозначенное определение Конституционного Суда Российской Федерации. Так, например, в приговоре Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга в качестве самостоятельного доказательства указан, в частности, административный досмотр, оформленный в качестве результатов оперативно-розыскной деятельности полиции³.

В качестве следующего примера можно привести события, произошедшие в 2018 г. в г. Владимире. Гражданин Е. Е. Пантелеев совершил незаконную передачу взрывчатых веществ, а также другие общественно опасные деяния. При передаче металлической банки с бездымным порохом заводского изготовления массой не менее 256,1 г он был задержан оперуполномоченным уголовного розыска. В отношении гражданина Е. Е. Пантелеева были проведены личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7 КоАП РФ), а также изъятие вещей и документов (ст. 27.10 КоАП РФ), о чем в последующем составлен соответствующий протокол. В дальнейшем он был осмотрен следователем, признан вещественным

доказательством и приобщен к данному уголовному делу. На его основании в отношении Е. Е. Пантелеева было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 222 УК РФ и по иным составам преступления⁴.

Аналогичным образом по уголовному делу, возбужденному по ч. 2 ст. 228 УК РФ в отношении Д. Е. Данилова, у последнего был изъят полимерный пакет с наркотическими средствами, о чем составлен протокол личного досмотра и протокол об административном задержании. Все эти результаты приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств⁵.

В завершение можно привести случай, произошедший 13 апреля 2020 г. в г. Мыски Кемеровской области. Гражданин М. Д. Морозов, имея при себе наркотические средства массой 0,946 г, был задержан сотрудниками ОМВД России по г. Мыски в районе табачного киоска «Табачок». В результате чего в отношении задержанного был составлен протокол досмотра, используемый по данному уголовному делу в качестве иного документа, на основании которого в отношении М. Д. Морозова было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 228 УК РФ⁶.

На основании вышеуказанных приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции по уголовным делам в разных субъектах Российской Федерации, определения Конституционного Суда РФ мы можем сделать вывод, что в каждом приведенном в пример субъекте Российской Федерации существует своя устоявшаяся следственно-судебная практика. В связи с чем мы считаем, что процесс смешивания одних познавательных продуктов с другими в объективной реальности существует и по сей день. К сожалению, даже суды общей юрисдикции по уголовным делам в полной мере не могут решить этот вопрос, потому что в большинстве случаев не рассматривают результаты с точки зрения полноценных доказательств по уголовному делу, причём с учётом соответствия этих результатов требованиям, предъявляемым к доказательствам по УПК РФ.

В науке уголовно-процессуального права на данную проблему обращают своё внимание Б. В. Россинский и С. Б. Россинский, которые говорят, что выделяемая проблема иллюстрирует:

- 1) «процессуальную недоброкачественность таких сведений»;
- 2) «определенную ущербность» при сравнении их с доказательствами, полученными в порядке УПК РФ;
- 3) отсутствие обремененности «достаточными процессуальными гарантиями» [3, с. 313].

⁴ Уголовное дело от 18 мая 2020 г. № 1-12/2020 // Архив Фрунзенского районного суда г. Владимира. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2XvzBqlslcV> (дата обращения: 03.09.23).

⁵ Уголовное дело от 23 июля 2020 г. № 1-109/2020 // Архив Октябрьского районного суда г. Липецка. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/K91xETrCkYNY/> (дата обращения: 03.09.23).

⁶ Уголовное дело от 22 сентября 2020 г. № 1-171/2020 // Архив Мысковского городского суда Кемеровской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ddua2pG7jdNt/> (дата обращения: 03.09.23).

¹ Уголовное дело от 8 ноября 2022 г. № 1-654/2022 // Архив Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону. URL: <https://судебныерешения.рф/69932048> (дата обращения: 03.09.23).

² Определение Конституционного Суда России от 27 февраля 2018 г. № 328-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рачкова С. Е. на нарушение его конституционных прав ст. 6, 7 и 8, п. 1 ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-sudarf-ot-27022018-n-328-o/> (дата обращения 03.09.23).

³ Уголовное дело от 29 июля 2020 г. № 1-72/2020 // Архив Петроградского районного суда г. Санкт-Петербург. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/c5wGHP9RIgQR/> (дата обращения: 03.09.23).

Для упрощенного понимания и осознания вопроса, связанного со значением результатов административной деятельности полиции в уголовном судопроизводстве, нами было условно выделено пять отдельных групп ученых-процессуалистов, имеющих своё видение проблемы использования на практике данного вида непроцессуальной информации.

Первая группа авторов считает, что результаты административной деятельности полиции не имеют доказательственного значения в силу обхода процессуальной формы, предусмотренной УПК РФ [4, с. 27; 5, с. 150–152; 6, с. 50].

Вторая группа ставит под сомнение вопрос о смешивании административных и уголовно-процессуальных процедур, то есть они считают, что такое маловероятно и вряд ли может произойти в уголовном судопроизводстве [7, с. 105; 8, с. 946].

Следующая группа авторов утверждает, что на законодательном уровне необходимо закрепить личный досмотр для того, чтобы исключить процесс смешивания [9, с. 95; 10, с. 442].

Другая группа авторов говорит о том, что признает существование отдельных результатов административной деятельности полиции через материалы административных производств при условии, что данные результаты будут допустимыми в соответствии с УПК РФ, и в последующем они будут использоваться в качестве вещественных доказательств и иных документов [11, с. 99; 12, с. 114–115; 13, с. 92].

Последняя группа заостряет внимание на том, что использовать результаты административной деятельности полиции важно и необходимо, только без смешивания, замены и подмены одних уголовно-процессуальных средств доказывания иными средствами уголовно-процессуального доказывания [3, с. 320].

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что в теоретическом осмыслении результаты административной деятельности полиции не только могут, но и должны рассматриваться в качестве полноценных доказательств, соответственно, при условии, что в юридическом аспекте данные результаты будут правильно преобразованы в уголовно-процессуальную форму в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Однако в практическом осмыслении данных результатов возникают такие проблемы, как недооценка этих средств доказывания и отсутствие должного внимания к ним.

Мы считаем, что поставленные в настоящей статье проблемные вопросы являются весьма актуальными и нуждаются не только в детальном изучении, но и в привлечении широкого внимания со стороны научного сообщества.

Библиографический список

1. Советская криминалистика. М., 1958. 428 с.
2. Лукьянчикова С. А., Андреев М. А. Использование результатов ОРД в доказывании // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 2. № 1 (1). С. 8–12.

3. Россинский Б. В., Россинский С. Б. Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 3. С. 310–329.

4. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса России. М., 2005. Ч. II. 192 с.

5. Костенко Р. В. Понятие и признаки уголовно-процессуальных доказательств. М., 2006. 233 с.

6. Халиков А. Н. Вопросы оптимизации досудебного производства // Российская юстиция. 2006. № 9. С. 50–52.

7. Харатишвили А. Г. Правовые проблемы изъятия наркотиков до возбуждения уголовного дела по делам об их контрабанде // Проблемы экономики и юридической практики. 2006. № 3-4. С. 103–106.

8. Александров А. И., Елагина Е. В., Харатишвили А. Г. Изъятие предметов, веществ и материалов до возбуждения уголовного дела: основания, проблемы и пути их решения // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. Вып. 4. С. 936–949.

9. Терехин В. В. Недопустимые доказательства в уголовном процессе России: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 214 с.

10. Лапатников М. В. Личный досмотр в системе уголовно-процессуальных средств доказывания: проблемы теории и практики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 439–443.

11. Сафонов В. Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 202 с.

12. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. 238 с.

13. Смирнов В. С. Допустимость материалов ОРД и административных производств в качестве доказательств по уголовным делам // Уголовный процесс. 2022. № 8 (212). С. 86–96.

References

1. Soviet criminalistics. M., 1958. 428 p.
2. Lukyanchikova S. A., Andreev M. A. The use of the results of the ORD in proving // Modern criminal procedure law – lessons of history and problems of further reform. 2019. Vol. 2. No. 1 (1). Pp. 8–12.
3. Rossinsky B. V., Rossinsky S. B. Results of administrative activity as evidence in a criminal case // Bulletin of St. Petersburg State University. Right. 2018. Vol. 9. Issue 3. Pp. 310–329.
4. Petrukhin I. L. Theoretical foundations of the reform of the criminal process of Russia. M., 2005. Part II. 192 p.
5. Kostenko R. V. The concept and signs of criminal procedural evidence. M., 2006. 233 p.
6. Khalikov A. N. Issues of optimization of pre-trial proceedings // Russian justice. 2006. No. 9. Pp. 50–52.
7. Kharatishvili A. G. Legal problems of drug seizure before the initiation of a criminal case, in cases of their smuggling // Problems of economics and legal practice. 2006. No. 3-4. Pp. 103–106.

8. Alexandrov A. I., Elagina E. V., Kharatishvili A. G. Seizure of objects, substances and materials before the initiation of a criminal case: grounds, problems and ways of their resolution // Bulletin of St. Petersburg State University. Right. 2020. Vol. 11. Issue 4. Pp. 936–949.

9. Terekhin V. V. Inadmissible evidence in the criminal process of Russia: theoretical and applied aspects: dis. ... cand. jurid. sciences. Nizhny Novgorod, 2006. 214 p.

10. Lapatnikov M. V. Personal inspection in the system of criminal procedural means of proof: problems of theory and practice // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2 (34). Pp. 439–443.

11. Safonov V. Yu. Legal prerequisites and stages of the implementation of the results of operational investigative activities in pre-trial proceedings: dis. ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2005. 202 p.

12. Shafer S. A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. M., 2008. 238 p.

13. Smirnov V. S. The admissibility of the materials of the ORDO and administrative proceedings as evidence in criminal cases // Criminal process. 2022. No. 8 (212). Pp. 86–96.

Статья поступила в редакцию 25.08.2023; одобрена после рецензирования 19.09.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 25.08.2023; approved after reviewing 19.09.2023; accepted for publication 15.03.2024

Научная статья
УДК 343.1

Проблемы реализации участниками уголовного судопроизводства права на сбориание доказательств по уголовным делам

Ганага Виктория Сергеевна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, vikaganaga@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации участниками уголовного процесса права на сбориание доказательств. В частности, исследуются нормы уголовно-процессуального законодательства на предмет их согласованности и практической ориентированности. Анализируется правоприменительная практика о способах реализации невластными участниками уголовного судопроизводства права на представление доказательств. Выявлены проблемы, связанные с сборианием доказательств в уголовном процессе. Автором предлагается структура доказывания, которая отвечает реалиям правоприменительной деятельности; четко и последовательно раскрываются все этапы доказывания.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, доказывание в уголовном процессе, сбориание доказательств в уголовном процессе, права невластных участников уголовного судопроизводства, обеспечение прав, участники уголовного процесса

Для цитирования: Ганага В. С. Проблемы реализации участниками уголовного судопроизводства права на сбориание доказательств по уголовным делам // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 12–16.

Original article

Problems of implementation by participants in criminal proceedings of the right to collect evidence in criminal cases

Ganaga Victoria S.
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, vikaganaga@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of realization by the participants of the criminal process of the right to collect evidence. In particular, the norms of criminal procedure legislation are examined for their consistency and practical orientation. The article analyzes the law enforcement practice on the ways in which non-governmental participants in criminal proceedings exercise the right to present evidence. The problems associated with the collection of evidence in criminal proceedings have been identified. The author proposes a structure of proof that meets the realities of law enforcement, clearly and consistently disclosing all stages of proof.

Keywords: criminal proceedings, criminal proceedings, proving in criminal proceedings, collecting evidence in criminal proceedings, rights of non-governmental participants in criminal proceedings, ensuring rights, participants in criminal proceedings

For citation: Ganaga V. S. Problems of realization by participants in criminal proceedings of the right to collect evidence in criminal cases // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 12–16.

Доказывание в уголовном процессе является основной задачей на каждой стадии уголовного судопроизводства, поскольку на основании собранных доказательств формируется обвинение лица либо его оправдание. В связи с этим формулировка правовых норм о доказывании в уголовно-процессуальном законодательстве оказывает непосредственное влияние на правоприменительную деятельность.

Несмотря на всю важность института доказывания, в уголовно-процессуальном законодательстве имеются неточности и противоречия, что порождает проблемы реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Нормативное закрепление процесса доказывания содержится в гл. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Тем не менее, нормы гл. 11 не раскрывают понятия «доказывание в уголовном процессе», называя в ст. 85 УПК РФ только его составляющие: сбор, проверка и оценка доказательств. Если мы обратимся к ст. 5 УПК РФ, в которой содержатся основные понятия и категории уголовного процесса, то также не обнаружим определения термина «доказывание». Ввиду этого среди ученых и юристов существуют различные точки зрения.

Так, например, С. В. Корнакова предлагает внести в уголовно-процессуальное законодательство следующее определение: «Доказывание состоит в сборе, проверке и оценке сведений с целью получения доказательств, обосновывающих наличие или отсутствие обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса, для правильного разрешения уголовного дела» [1, с. 109].

Н. В. Доброскокин отмечает, что процесс доказывания представляет собой «систему процессуальных действий, совершаемых в определенной последовательности и установленной законом форме, которая складывается из сбора, проверки и оценки доказательств» [2, с. 526].

Предложенные С. В. Корнаковой и Н. В. Доброскокиным определения не являются полноценной дефиницией термина «доказывание», так как не указывают, какие субъекты полномочны осуществлять доказывание. Кроме того, ни одно из представленных определений не отвечает структуре человеческой деятельности. Доказывание, несомненно, является видом деятельности человека, а значит, обладает аналогичной структурой: объект, предмет, субъект, цель, средства, мотив, само действие, результат.

Н. В. Лагуткина утверждает, что «доказывание при осуществлении уголовного преследования производится посредством вовлечения в него доказательств, их исследования, интерпретации и оценки, в результате чего существование исследуемого факта либо подтверждается, либо опровергается» [3, с. 219]. Автор использует слово «доказательства» применительно к этапу исследования и интерпретации. По нашему мнению, доказательства формируются только после этапа оценки, поэтому употребление слова «доказательства» на этапе исследования и интерпретации не совсем верно.

Исходя из положений ст. 85 УПК РФ, доказывание включает в себя три элемента: сбор, проверка, оценка доказательств. При этом важно отметить, что названные этапы поочередно сменяют друг друга. Изначально необходимо отыскать информацию, имеющую значение для уголовного дела, то есть реализовать сбор доказательств. Затем полученные сведения необходимо отфильтровать, то есть проверить на достоверность, относимость, допустимость, достаточность. Далее, в судебном разбирательстве суд производит оценку всех имеющихся в уголовном

деле доказательств для последующего вынесения приговора.

Сбор доказательств является первоначальным этапом, поскольку в нем осуществляется поиск, обнаружение и надлежащая фиксация сведений, предметов, документов, имеющих значение для уголовного дела. Статья 86 УПК РФ определяет сбор доказательств в уголовном процессе, однако в указанной норме отсутствует определение понятия «сбор доказательств», как и в ст. 5 УПК РФ не дано определения указанного термина. В связи с этим ряд ученых предлагают свои дефиниции.

К примеру, А. А. Афанасьева понимает под сбором доказательств «процесс выбора наилучших вариантов доказательственной деятельности с целью достижения наибольшей эффективности уголовного процесса» [4, с. 8]. Представленное определение, по нашему мнению, вполне допустимо для употребления в рамках теории уголовного процесса, поскольку содержит оценочные категории, но для закрепления в нормах УПК РФ требуется более структурированное и детализированное разъяснение термина.

А. Р. Манукян полагает, что «в рамках деятельности по сбору доказательств следователь осуществляет поиск информации, а также закрепляет полученную информацию в установленном законом порядке» [5, с. 154].

Е. С. Клементьева полагает, что под сбором доказательств следует понимать «деятельность следователя, дознавателя, прокурора и суда по обнаружению, закреплению и изъятию предметов и документов путем производства следственных и иных процессуальных действий» [6, с. 191].

А. Р. Манукян в качестве субъектов деятельности по сбору доказательств определяет исключительно следователя, а Е. С. Клементьева – исключительно властных участников уголовного процесса. По нашему мнению, спектр участников, обладающих правом на сбор доказательств, несколько шире, поскольку невластные участники тоже наделены таким правом. Кроме того, Е. С. Клементьева в качестве способов сбора доказательств указывает производство следственных и процессуальных действий, с чем мы не можем согласиться.

Г. А. Миронова считает, что «в одном случае целесообразно оперировать понятием “сбор доказательств”, в другом правильнее обращаться к термину “формирование доказательств”» [7, с. 206]. По нашему мнению, на этапе сбора доказательств говорить о том, что полученная информация является «доказательством», нецелесообразно. Доказательством любые полученные сведения могут стать только после проверки и вынесения соответствующего процессуального документа.

Если анализировать процесс доказывания на основе 3 элементов, которые закреплены законом (сбор, проверка, оценка), то как таковое допустимое «доказательство» может появиться только по окончании проверки. Поэтому считаем целесообразным определять структуру доказывания следующим

образом: сборание сведений, имеющих значение для уголовного дела; проверка сведений, имеющих значение для уголовного дела; формирование доказательств; оценка доказательств. Предложенная нами структура наиболее полно и поэтапно раскрывает процесс доказывания, а также имеет четкую логическую цепочку при работе со сведениями, имеющими значение для уголовного судопроизводства.

В ст. 86 УПК РФ закреплены особенности собирания доказательств. Часть 1 названной статьи определяет, что собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства властными участниками путем производства следственных и процессуальных действий. Исходя из анализа ч. 1 ст. 86 УПК РФ, можем прийти к выводу, что законодатель наделил прокурора, следователя, дознавателя и суд монопольным правом на собирание доказательств. Кроме того, законом указаны конкретные способы реализации правомочия – производство следственных и процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. Отметим, что в указанной норме используется формулировка «сборание доказательств».

Вместе с этим ч. 2 ст. 86 УПК РФ гласит, что невластные участники стороны обвинения и защиты (подозреваемый, обвиняемый, гражданский ответчик, потерпевший, гражданский истец) наделены правом собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. В законе хоть и прямо не закреплено за невластными участниками правомочие «сборить доказательства», но право собирать и представлять предметы и документы для приобщения в качестве доказательств по смыслу является правом на собирание доказательств. При этом важно подчеркнуть, что указанное правомочие невластных участников закреплено в ст. 86 УПК РФ «Сборание доказательств». То есть законодатель, исходя из прямого толкования данных норм, наделил невластных участников именно правом собирать доказательства.

В ч. 3 ст. 86 УПК РФ закреплено право защитника собирать доказательства с указанием конкретных способов реализации данного права. Подчеркнем, что в данном случае законодатель прямо использует формулировку «сборить доказательства». Указанное подтверждает нашу позицию о том, что в уголовном процессе доказывание на этапе собирания доказательств осуществляется как властными, так и невластными участниками. В подтверждение тезиса следует отметить, что защитник представляет интересы уголовно преследуемого лица (невластного участника уголовного процесса), а значит, круг полномочий защитника по собиранию доказательств не должен быть шире по сравнению с подозреваемым или обвиняемым. Напротив, следуя принципу состязательности сторон в уголовном процессе, потерпевший и подозреваемый (обвиняемый) должны быть наделены большим объемом прав по доказыванию своей позиции по сравнению с защитником. Данное право они реализуют на этапе собирания доказательств, а защитник выполняет вспомогательную функцию.

Именно поэтому целесообразно говорить о том, что в уголовном процессе правом на собирание доказательств наделены наряду с властными участниками также потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, их представители, гражданский истец, гражданский ответчик, защитник.

Ввиду того, что уголовный процесс в Российской Федерации базируется на принципе состязательности, в процессе доказывания принимает участие как сторона обвинения, так и сторона защиты. Так, например, правом представлять доказательства наделены: потерпевший (п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ); частный обвинитель (ч. 2 ст. 43 УПК РФ, ч. 5 ст. 246 УПК РФ); гражданский истец (п. 2 ч. 4 ст. 44 УПК РФ); представитель потерпевшего, гражданского истца (ч. 3 ст. 45 УПК РФ); подозреваемый (п. 4 ч. 4 ст. 46 УПК РФ); обвиняемый (п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ); защитник (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ); гражданский ответчик (п. 7 ч. 2 ст. 54 УПК РФ); представитель гражданского ответчика (ч. 2 ст. 55 УПК РФ). Кроме того, в ч. 2 ст. 86 УПК РФ закреплено право подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, а также защитника собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения к уголовному делу.

Обратим внимание, что законодатель использует формулировку «доказательства». Фактически представить доказательство участники уголовного судопроизводства не могут, так как статус доказательства возникает после проверки полученных сведений и наделения их соответствующей процессуальной формой. Считаем, что в данном случае законодатель допустил ошибку, наиболее корректно заменить формулировку «представлять доказательства» на «представлять сведения, имеющие значение для уголовного дела».

Вместе с этим не совсем ясно, каким образом невластные участники уголовного процесса могут реализовать свое право на представление доказательств. Нормы уголовно-процессуального законодательства никаких пояснений не дают, а в практической деятельности данное правомочие фактически не реализуется.

Зачастую представление доказательств происходит посредством института ходатайств, так как потерпевший (п. 5 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), гражданский истец (п. 4 ч. 4 ст. 44 УПК РФ), представители потерпевшего, гражданского истца (ч. 3 ст. 45 УПК РФ), подозреваемый (п. 5 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), обвиняемый (п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), защитник (п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), гражданский ответчик (п. 8 ч. 2 ст. 54 УПК РФ), представитель гражданского ответчика (ч. 2 ст. 55 УПК РФ) наделены правом заявлять ходатайства. Частный обвинитель в соответствии с ч. 7 ст. 318 УПК РФ наделен правами, предусмотренными ст. 42 и ст. 43 УПК РФ, то есть правом заявлять ходатайства в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 42 УПК РФ.

К примеру, подозреваемый представляет следователю предметы, документы, которые считает необходимыми для приобщения к материалам уголов-

ного дела. Данные предметы и документы изучает и анализирует следователь или дознаватель и далее по своему усмотрению выносит постановление о признании вещественным доказательством либо возвращает представленные подозреваемым документы и предметы, не приобщая их к материалам уголовного дела. Иначе говоря, право невластного участника на собрание доказательств может быть и не реализовано, поскольку только следователь или иной властный участник может принять решение об удовлетворении заявленного ходатайства о приобщении каких-либо предметов или документов в качестве доказательств по уголовному делу.

В подобном случае возникает вопрос, соблюдены ли права участников уголовного судопроизводства. Фактически указанное право не может быть реализовано в полной мере, а норма УПК РФ о том, что участники вправе представлять доказательства, является мертвой, не осуществляющейся в практической деятельности.

Особое внимание заслуживает право защитника на собрание доказательств в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Законодателем названы конкретные способы реализации защитником данного права: 1) получение предметов, документов и иных сведений; 2) опрос лиц с их согласия; 3) истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Законом не указано, каким образом защитник должен проводить указанные действия, какие требования предъявляются к опросу лиц, в какой форме должно быть получено согласие на проведение опроса, каким требованиям должны отвечать документы и иные сведения.

В. С. Стародубов подчеркивает, что «процедура сбора доказательств защитником никак не регламентирована, что на практике часто приводит к необоснованным отказам в приобщении таких доказательств к материалам дела» [8, с. 301]. Действительно, отсутствие требований к процедуре собрания защитником предметов, документов, иных сведений приводит к сложности признания полученной информации доказательством по уголовному делу. Решение в таком случае принимает следователь, либо он производит следственное действие, идентичное цели произведенного защитником действия по собранию доказательств.

И. В. Копейкина видит проблему в том, что «отсутствует законодательное закрепление порядка проведения и фиксации результатов опроса, а также гарантий соблюдения процессуальной формы получения этих сведений» [9, с. 65]. Мы поддерживаем высказанную позицию, поскольку в практической деятельности распространены случаи, когда защитник предоставляет результаты опроса лиц, а затем следователь производит допрос опрошенных защитником лиц. В таком случае признается доказательством по

уголовному делу результат следственного действия – показания лица, данные на допросе. Хотя изначально защитник собрал и представил следователю своего рода доказательство в виде опроса.

При этом законом закреплено именно собрание «доказательств», то есть в результате деятельности защитника по собранию он должен получать доказательства. Считаем, что получить как таковое доказательство защитник не может, так как полученные им сведения, предметы, документы должны быть проверены, после чего принято мотивированное решение о признании их доказательством по уголовному делу.

Считаем, что упущением законодателя является то, что отсутствуют требования к деятельности защитника по собранию доказательств. Схожей позиции придерживается А. А. Зайтулаева, подчеркивая, что «отсутствие практических механизмов реализации права на сбор доказательств защитником свидетельствует о том, что принципы состязательности и равенства сторон в уголовном процессе в настоящее время не могут быть осуществлены в полной мере» [10, с. 79].

В частности, необходимым является законодательное закрепление процессуального порядка опроса лиц защитником с их согласия. Кроме того, при получении защитником предметов, документов и иных сведений считаем необходимым обязать защитника к данным документам прикладывать мотивированное пояснение об относимости представленных материалов к уголовному делу.

Способы собрания защитником доказательств должны отвечать требованиям законности, относимости, допустимости и достоверности, за невыполнение указанных требований защитника необходимо предупреждать об уголовной ответственности по ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств). При истребовании справок, характеристик и иных документов следует законодательно закрепить требование об обязательном наличии печатей, подписей, иных реквизитов, подтверждающих получение таких документов от конкретного должностного лица. При помощи предложенного порядка представления защитником сведений будет обеспечена персональная ответственность защитника и должностных лиц за достоверность представляемой информации.

Подводя итог, следует отметить, что ввиду отсутствия легального определенных терминов «доказывание» и «собрание доказательств», а также четкого определения круга лиц, наделенных правом собирать доказательства в рамках уголовного дела, в практической деятельности возникают проблемы применения положений ст. 86 УПК РФ. Кроме того, не совсем ясно, что понимается под правом участников уголовного судопроизводства «представлять доказательства». Если буквально толковать нормы уголовно-процессуального законодательства, то фактически данное право не реализуется.

Структуру доказывания предлагаем определять следующим образом: собрание сведений, имеющих значение для уголовного дела; проверка сведений,

имеющих значение для уголовного дела; формирование доказательств; оценка доказательств.

Поэтому предлагаем дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 8.1 следующего содержания: «доказывание – это осуществляемая уполномоченными лицами в соответствии с настоящим Кодексом деятельность, направленная на собирание и проверку сведений, имеющих значение для уголовного дела, а также формирование и оценку доказательств».

Считаем также необходимым дополнить ст. 5 УПК РФ п. 41.2 следующего содержания: «собирание сведений, имеющих значение для уголовного дела – осуществляемая следователем, дознавателем, прокурором, судом, потерпевшим, гражданским истцом, частным обвинителем, представителями потерпевшего, гражданского истца или частного обвинителя, подозреваемым, обвиняемым, гражданским ответчиком, представителями подозреваемого, обвиняемого или гражданского ответчика, защитником деятельности, направленная на отыскание и обнаружение предметов, документов, иных сведений, направленных на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве».

Считаем необходимым изложить ст. 85 УПК РФ в следующем виде: «Доказывание состоит в собирании и проверке сведений, имеющих значение для уголовного дела; формировании и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса».

Предлагаем заменить п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 44 УПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, п. 7 ч. 2 ст. 54 УПК РФ на «собирать и представлять сведения, имеющие значение для уголовного дела».

Библиографический список

1. Корнакова С. В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: проблемы понимания их содержания // *LexRussica (Русский закон)*. 2023. Т. 76. № 1 (194). С. 98–109.
2. Доброскокин Н. В. Сущность доказывания в уголовном процессе // *Аллея науки*. 2020. Т. 2. № 11 (50). С. 523–526.
3. Лагуткина Н. Б. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России и зарубежных стран // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 3 (195). С. 219–224.
4. Афанасьева А. А. Оптимизация процесса собирания доказательств по уголовным делам // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2022. № 3 (35). С. 5–9.
5. Манукян А. Р. Особенности собирания, проверки и оценки доказательств следователем // *Пробелы в российском законодательстве*. 2020. № 2. С. 153–154.
6. Клементьева Е. С. Актуальные вопросы собирания доказательств по уголовным делам // *Государственная служба и кадры*. 2019. № 4. С. 190–193.
7. Миронова Г. А. Собирание и формирование уголовных доказательств как элементы процесса дока-

зывания: понятие, содержание, соотношение // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2020. № 3 (15). С. 200–207.

8. Стародубов В. А. Проблемы участия защитника в собирании доказательств // *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета*. 2022. № 19. С. 300–302.

9. Стародубов В. А. Собирание доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // *Научный журнал*. 2021. № 3 (58). С. 65–68.

10. Зайтулаева А. А. Собирание доказательств защитником в уголовном производстве: проблемные аспекты // *NovaUm.Ru*. 2022. № 39. С. 76–81.

References

1. Kornakova S. V. Proofs and proof in criminal proceedings: problems of understanding their content // *LexRussica (Russian law)*. 2023. Vol. 76. No. 1 (194). Pp. 98–109.
2. Dobroskokin N. V. The essence of evidence in criminal proceedings // *Alley of Science*. 2020. Vol. 2. No. 11 (50). Pp. 523–526.
3. Lagutkina N. B. Evidence and proof in the criminal process of Russia and foreign countries // *Law and the state: theory and practice*. 2021. No. 3 (195). Pp. 219–224.
4. Afanasyeva A. A. Optimization of the process of collecting evidence in criminal cases // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 3 (35). Pp. 5–9.
5. Manukyan A. R. Features of collecting, verifying and evaluating evidence by an investigator // *Gaps in Russian legislation*. 2020. No. 2. Pp. 153–154.
6. Klementyeva E. S. Topical issues of collecting evidence in criminal cases // *Civil service and personnel*. 2019. No. 4. Pp. 190–193.
7. Mironova G. A. Collection and formation of criminal evidence as elements of the proof process: concept, content, ratio // *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. 2020. No. 3 (15). Pp. 200–207.
8. Starodubov V. A. Problems of the defender's participation in the collection of evidence // *Proceedings of young scientists of the Altai State University*. 2022. No. 19. Pp. 300–302.
9. Starodubov V.A. Collecting evidence by a lawyer in criminal proceedings / V.A. Starodubov // *Scientific Journal*. 2021. No. 3 (58). Pp. 65–68.
10. Zaitulaeva A. A. Collection of evidence by a defender in criminal proceedings: problematic aspects // *NovaUm.Ru*. 2022. No. 39. Pp. 76–81.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 15.12.2023; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 15.03.2024

Особенности выявления и расследования уголовных дел, связанных с незаконными действиями при банкротстве (часть 1 статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации)

Иванов Александр Юрьевич¹, Болотин Сергей Владимирович²

^{1,2} Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Тюмень, Россия

¹ aivanov538@mvd.ru

² s.bolotin@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с выявлением, раскрытием и расследованием преступлений в сфере криминального банкротства, в частности ч. 1 ст. 195 УК РФ, обосновывается основная, по мнению авторов, причина данных проблем. Отдельно освещается необходимость проведения оперативно-розыскных мероприятий при выявлении преступлений в сфере криминального банкротства, а также перспективы раскрытия и расследования преступлений указанной категории дел при взаимодействии на стадии проведения оперативно-розыскных мероприятий следователей и оперативных подразделений. Предложено направление совершенствования уголовного законодательства с целью преодоления обозначенных проблем.

Ключевые слова: банкротство, юридическое лицо, конкурсный управляющий, преступления в сфере экономической деятельности, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Иванов А. Ю., Болотин С. В. Особенности выявления и расследования уголовных дел, связанных с незаконными действиями при банкротстве (часть 1 статьи 195 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 17–21.

Original article

Features of identifying and investigating criminal cases related to illegal actions during bankruptcy (Part 1 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Ivanov Aleksandr Yu.¹, Bolotin Sergey V.²

^{1,2} Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Tyumen, Russia

¹ aivanov538@mvd.ru

² s.bolotin@inbox.ru

Abstract. The article deals with the problems associated with the identification, disclosure and investigation of crimes in the field of criminal bankruptcy, in particular part 1 of Art. 195 of the Criminal Code of the Russian Federation, the main, according to the authors, cause of these problems is substantiated. Separately, the need for conducting operational-search activities in identifying crimes in the field of criminal bankruptcy, as well as the prospects for the disclosure and investigation of crimes of this category of cases in the interaction at the stage of conducting operational-search activities of investigators and operational units is highlighted. The direction of improving the criminal legislation in order to overcome the identified problems is also proposed.

Keywords: bankruptcy, legal entity, bankruptcy trustee, crimes in the sphere of economic activity, operational-search activity

For citation: Ivanov A. Yu. Bolotin S. V. Features of identifying and investigating criminal cases related to illegal actions during bankruptcy (Part 1 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 17–21.

Институт банкротства юридических и физических лиц с момента своего зарождения являлся и до сих пор является полем для совершения преступлений в сфере экономической деятельности. К сожалению, в правоприменительной деятельности бланкетные нормы УПК РФ не всегда эффективно работают из-за сложности восприятия правоохранительными органами новых знаний из других областей права.

Стоит отметить, что при расследовании уголовного дела, возбужденного по составу преступления, имеющего недостаточную степень распространенности, новые знания должен освоить не только следователь, но и его руководитель, оперуполномоченный, осуществляющий сопровождение по уголовному делу, и его руководитель, а также прокурор, осуществляющий надзор за расследованием. Кроме того, значительное негативное влияние на качественное и эффективное раскрытие и расследование преступлений данной категории оказывает недостаток высококвалифицированных кадров и выполнение показателей, необходимых для сопоставления с прошлогодними данными. Эти факторы обуславливают отсутствие возможности саморазвития и самосовершенствования сотрудников правоохранительных органов в условиях растущей нагрузки в связи с дефицитом квалифицированных кадров. Вследствие этого сотрудники ориентированы лишь на выполнение узкоспециализированных задач, связанных с выявлением, раскрытием и расследованием преступлений, и не имеют возможности максимально качественно выполнять свои профессиональные обязанности.

Вместе с тем число заявлений о совершении преступлений в сфере экономической деятельности ежегодно возрастает. Криминальные элементы, ещё несколько десятилетий назад специализирующиеся на кражах, грабежах и разбоях, осознали сложившиеся проблемы в правоохранительной сфере и в настоящее время практически полностью трансформировали свою преступную деятельность в экономическую область. Не стала исключением и сфера криминальных банкротств, в частности неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ).

Официальная статистика МВД России не позволяет разграничить количество выявленных преступлений по отдельным статьям криминальных банкротств (ст. 195–197 УК РФ) и указывает следующее:

- в 2020 г. было выявлено 275 преступлений указанной категории, расследование окончено по 132 уголовным делам, в суд направлено 58 уголовных дел;
- в 2021 г. было выявлено 217 преступлений указанной категории, расследование окончено по 129 уголовным делам, в суд направлено 73 уголовных дела;
- в 2022 г. было выявлено 154 преступления указанной категории, расследование окончено по 117

уголовным делам, в суд направлено 64 уголовных дела.

Анализируя судебную практику, стоит отметить крайне незначительное количество приговоров, вынесенных по ст. 195–197 УК РФ. В 2020 г. число осужденных по ст. 195 УК РФ составило 9 лиц, по ст. 196 УК РФ – 15 лиц (1 оправдан), по ст. 197 УК РФ – 0. В 2021 г. число осужденных по ст. 195 УК РФ составило 8 лиц (1 оправдан), по ст. 196 УК РФ – 22 лица, по ст. 197 УК РФ – 0. В 2022 г. число осужденных по ст. 195 УК РФ составило 4 лица, по ст. 196 УК РФ – 33 лица, по ст. 197 УК РФ – 0 [1].

Анализ правоприменительной деятельности указывает на выявление указанных преступлений в большем объеме, чем количество дел, направляемых в суд. Этот факт свидетельствует о том, что у правоохранительных органов возникают трудности в организации раскрытия и расследования преступлений данной категории. Применение ст. 195–197 УК РФ требует глубоких знаний не только в сфере уголовного права, но и, особенно, в области гражданского, административного и предпринимательского права и законодательства [2, с. 594], освоение которых для правоохранительных органов зачастую представляется проблематичным из-за недостатка времени.

Сложность ситуации усугубляется тем, что преступные элементы часто используют гражданско-правовые отношения в качестве прикрытия для своих противоправных действий. Современные криминальные «бизнесмены» зачастую заранее готовят к осуществлению своих преступных схем и корыстных замыслов. Особую важность уголовно-правового аспекта банкротства как умышленного преступления представляет вывод капитала из-под налогообложения, уклонение от расчетов с контрагентами и обязательств перед сотрудниками своих организаций.

Преступления в сфере банкротства характеризуются высоким уровнем организации и конспирацией от лиц, не посвященных в преступные намерения соучастников, поскольку выгодоприобретателями от неправомерных действий могут быть директора и учредители компаний-должников. Поэтому сегодня мы сталкиваемся с ситуациями, когда факты криминального банкротства – это только «вершина айсберга». Для осуществления своих преступных намерений организаторы преступных схем заблаговременно создают «фирмы-однодневки», затем ищут «сговорчивых» контрагентов и формируют иллюзорную картину «рискованности» бизнеса, выведя перед этим соответствующие финансовые и материальные ценности. Вся эта схема реализуется через механизм якобы гражданско-правового банкротства, с получением легального определения судов о банкротстве. Нередко к этой схеме добавляются подконтрольные злоумышленникам арбитражные (а затем и конкурсные) управляющие, формируется реестр из под-

контрольных кредиторов, имеющих большой вес кредиторской задолженности, для проведения необходимых инициаторам решений. На практике достаточно сложно изблечь эту внешне законную схему банкротства.

В связи с этими обстоятельствами представляется очевидным, что наиболее продуктивным средством доказывания вины по ч. 1 ст. 195 УК РФ является своевременная фиксация преступных действий соучастников криминального банкротства с последующим их грамотным документированием в рамках производства оперативно-розыскных мероприятий. О фактах планирования криминального банкротства при ликвидации достаточно крупных компаний, где существует реальная возможность вывода ликвидного имущества по очень низкой цене, правоохранительным органам должно быть, безусловно, известно. Подобные преступные деяния на высоком уровне организуются, а «предбанкротные» действия проводятся за несколько лет до открытия конкурсного производства в арбитражном суде, и даже до подачи кредитором заявления на банкротство компании, которое, к слову, также зачастую является частью плана криминального банкротства.

На данном этапе от своевременных, грамотных и высокопрофессиональных действий оперативных работников отдела экономической безопасности зависит дальнейшее раскрытие и, как следствие, эффективное расследование по уголовному делу. Оперативным сотрудникам следует уделять особое внимание внедрению содействующих граждан в такие потенциальные группы, заблаговременно выявлять и документировать деятельность «фирм-однодневок», контролировать необоснованные доходы и расходы разрабатываемых лиц, выявлять в цепочке наиболее слабые «звенья» – лиц, способных пойти на сотрудничество, устанавливать места хранения «черновых» записей и т. п.

В. В. Степанов верно отметил, что своевременность и обоснованность возбуждения уголовного дела часто зависят от проверки, которая предшествует вынесению постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом [3, с. 82]

Также дает неоценимое преимущество непродуцируемое взаимодействие следователя с органом дознания еще на этапе проверки оперативной информации и/или оперативной разработки соответствующих лиц. Чем раньше возникнет такое взаимодействие, тем больший успех может быть достигнут, т. к. следователь лучше, чем оперативник, может определить наличие или отсутствие в оперативных материалах законных поводов и достаточных оснований для возбуждения уголовного дела [4, с. 51–52].

Во-первых, на совместных совещаниях, во время консультаций следователь должен более четко ориентировать оперативных сотрудников на вопросы, имеющие значение для предстоящего расследования (предмет доказывания). Во-вторых, в ходе документирования преступной деятельности оперативный состав сможет своевременно знакомить следова-

теля с определенной будущей доказательственной базой (потенциальными свидетелями, документами, контрагентами и т. п.). В-третьих, при переводе оперативной разработки в фазу реализации следователь сможет сразу включиться в работу с момента возбуждения уголовного дела, не тратя лишнего времени на изучение материалов. Некоторые ученые и практики отмечают практическую пользу от предоставления следователю для ознакомления как можно большего количества оперативных материалов [5, с. 39].

В контексте вышесказанного хотелось бы обратить внимание еще на ряд аспектов, вызывающих определенные сложности при возбуждении и расследовании дел рассматриваемой категории. Так, при анализе признаков преступления в контексте требований ч. 2 ст. 140 УПК РФ обязательным элементом оценки, наряду с крупным ущербом, является обстановка – «при наличии признаков банкротства». В противном случае мы сталкиваемся с проблемой разграничения со смежными составами. Признаки банкротства для юридического лица определены ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: «Юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены».

Вопрос об оценке ситуации как «наличия признаков банкротства» практически невозможен без специальных знаний. Следовательно, уже на самом раннем этапе «включения» следователя одним из неотложных следственных действий является экспертиза, предусмотренная и ст. 144 УПК РФ. В ходе проверки наличия оснований для возбуждения уголовного дела УПК РФ предусматривает возможность изъятия документов, производство осмотра места происшествия, назначение и проведение ревизий, инвентаризаций и т.п. Однако в практической деятельности изъять документы зачастую не представляется возможным до возбуждения уголовного дела: осмотр места происшествия часто вызывает проблемы, обыск запрещен, «заинтересованные лица» добровольно отказываются передать документы и т. д. В таких случаях неоценимое преимущество может дать хорошо проведенная оперативная работа (в плане установления местонахождения определенного имущества, документов и адресов контрагентов в виде полученных оперативным путем некоторых документов и пр.).

Неправомерные действия лиц при банкротстве являются умышленным преступлением. В связи с этим необходимо ориентировать оперативный состав на установление обстоятельств, указывающих на умысел со стороны субъектов этого преступления. Так, на практике оперативники и следователи иногда не учитывают действия, связанные с профессиональным

риском, когда руководитель или иное должностное лицо организации вынуждены совершать правонарушения для достижения возможности выхода организации из кризисной ситуации. Неправильная оценка таких противоправных действий как элементов объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 195 УК РФ, может повлечь незаконное возбуждение уголовного дела, а в случае расследования – прекращение дела за отсутствием состава преступления (в связи с обоснованным хозяйственным риском или крайней необходимостью).

Вопрос об умысле совершения данных преступлений часто возникает и в ситуациях, когда следователи «легкомысленно» оценивают деятельность виновных лиц. Речь идет о случаях, когда противоправная деятельность, повлекшая причинение крупного ущерба в условиях признаков банкротства, вменяется лицу на протяжении длительного периода времени. Установив факт нахождения данного лица на соответствующей должности и обладания этим лицом надлежащими полномочиями, следователи не проверяют причастность лица к совершению всех противоправных действий, повлекших эти негативные последствия. Ведь такие лица пользуются законным отпуском, находятся «на больничном», уезжают в командировки и т.п., возлагая свои обязанности на иных лиц, часто не имеющих представления о криминальном характере такой «хозяйственной» деятельности. Иногда все же замещающие лица находятся в сговоре с руководителем, в таком случае особое внимание следует уделить доказыванию совместных заранее оговоренных умышленных действий. Гораздо сложнее ситуация, когда иные лица вовлекаются в преступную схему, что называется, «втемную». Нередко в этом случае «отошедшие от дела» руководители фактически продолжают руководить дистанционно. В случае, когда нет и дистанционного воздействия на исполняющих обязанности руководителя, значительную проблему представляет вопрос определения той части ущерба, которую причинило замещающее лицо, не находящееся в сговоре с виновным.

В качестве положительного примера оперативной разработки можно привести материалы уголовного дела № 12101710053000273, возбужденного в следственной части СУ УМВД России по Тюменской области по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, по факту неправомерных действий при банкротстве ООО. По данному уголовному делу на стадии оперативной проверки, которая длилась более 2 лет, был достаточно грамотно проведен комплекс оперативно-розыскных мероприятий, в ходе которых были получены сведения, изобличающие криминальную деятельность злоумышленников при банкротстве ООО. Также в ходе обследования помещений и зданий была изъята документация и компьютерная техника, которые в последующем в рамках расследования уголовного дела стали объектами экспертиз, часть из которых была признана вещественными доказательствами. Таким образом, после передачи материалов в следственные органы

и вынесения постановления о возбуждении уголовного дела следователь с первых дней расследования назначил судебные экспертизы и, обладая обширной информацией о произошедших событиях, приступил к допросам участников уголовного судопроизводства. Результатом данных совместных действий оперативных и следственных органов стало направление уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

В противовес вышеуказанному примеру можно привести материалы уголовного дела № 201320218/74, возбужденного 20 ноября 2013 г. в следственной части СУ УМВД России по Тюменской области по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ст. 196 УК РФ по факту банкротства ОАО. До возбуждения указанного уголовного дела оперативная проверка не проводилась, постановление о возбуждении уголовного дела вынесено на основании материалов процессуальной проверки, проведенной следствием. Как результат, значительные сроки предварительного следствия были использованы на поиск и изъятие документации, подтверждающей/опровергающей факт криминального банкротства, а необходимые экспертизы были назначены спустя продолжительные периоды времени после возбуждения уголовного дела. Участники уголовного судопроизводства на начальных этапах расследования допрашивались неполно и неинформативно ввиду отсутствия у следователя необходимой информации о произошедших событиях, что привело к неоднократным дополнительным допросам. По результатам расследования ввиду отсутствия должного количества доказательств уголовное дело № 201320218/74 было прекращено по реабилитирующим основаниям.

Как отмечено выше, с теоретической точки зрения, возможности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 195 УК РФ, весьма обширны, однако существует проблема, заключающаяся в отсутствии к ним интереса у оперативных подразделений по причине отнесения данного состава к категории небольшой тяжести. Во-первых, преступления небольшой тяжести, как правило, не учитываются в показателях выявленных преступлений и в статистической отчетности деятельности подразделения по борьбе с экономической безопасностью. Во-вторых, ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ ограничен круг возможных к проведению оперативно-розыскных мероприятий по преступлениям небольшой тяжести, в частности недопустимо проводить прослушивание телефонных и иных переговоров, оперативный эксперимент. Если же указанные мероприятия будут проведены и на их результатах будет основываться возбуждение уголовного дела, то это может привести к вынесению оправдательного приговора по формальным основаниям.

Указанные проблемы провоцируют увеличение количества безнаказанных преступлений в сфере криминальных банкротств, которыми наносится вред не только добропорядочным участникам рынка, но

и государственному бюджету, поскольку достаточно часто в реестре кредиторов числятся бюджетные организации, такие как Федеральная налоговая служба, различные федеральные департаменты и фонды [6].

Резюмируя вышесказанное, правоприменительным органам рекомендуется при выявлении преступлений, связанных с криминальными банкротствами, активно реализовывать возможности Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также использовать непроцессуальные формы взаимодействия между оперативными и следственными органами. В рамках оперативно-розыскных мероприятий важно устанавливать местонахождение и по возможности изымать документацию и предметы, представляющие криминалистический интерес для последующего расследования уголовного дела, выявлять среди участников событий лиц, которые в последующем могут пойти на сотрудничество со следствием. В ходе расследования уголовного дела необходимо своевременно назначать судебные экспертизы. Используя информацию, полученную в рамках оперативно-розыскных мероприятий, предметно допрашивать участников уголовного судопроизводства. В ходе проведения следственных действий, помимо причастности фигуранта к совершению преступления, крайне важно устанавливать наличие умысла.

Библиографический список

1. Данные официальной статистики судебного департамента РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.06.2023).
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. Э. Жалинский. М., 2010.
3. Степанов В. В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлении. Саратов: СГУ, 1972.
4. Бурякин В. М., Деревягин Ю. Т. Некоторые проблемы взаимодействия оперативного работника ОБХСС и следователя органов внутренних дел // Тр. ВНИИ МВД России. 1973. № 25.
5. Громов Н. А., Гришин А. И. Основные направления использования результатов ОРД в процессе доказывания // Следователь. 1999. № 11.
6. Лелетова М. В. Рейдерство как экономическая дисфункция современной российской экономики // Управление человеческими ресурсами в посткризисный период: материалы Всерос. науч.-практ. конференции (Нижний Новгород, 6–8 октября 2011 г.). Нижний Новгород, 2011.

References

1. Data from official statistics of the Judicial Department of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of access: 06/09/2023).
2. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. by A. E. Zhalinsky. M., 2010.
3. Stepanov V. V. Preliminary verification of primary materials about the crime. Saratov: SSVU, 1972.

4. Burykin V. M., Derevyagin Yu. T. Some problems of interaction between an operative of the OBKhSS and an investigator of internal affairs bodies // Tr. Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1973. No. 25.

5. Gromov N. A., Grishin A. I. The main directions of using the results of the ORD in the process of proof // Investigator. 1999. No. 11.

6. Leletova M. V. Raiding as an economic dysfunction of the modern Russian economy // Human resource management in the post-crisis period: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, October 6–8, 2011). Nizhny Novgorod, 2011.

Вклад авторов

Иванов Александр Юрьевич – сбор и анализ данных о преступлениях, связанных с неправомерными действиями при банкротстве (ч. 1 ст. 195 УК РФ); подготовка первоначального варианта текста; формулировка выводов и практических рекомендаций.

Болотин Сергей Владимирович – разработка концептуальных подходов исследования, структурирование методической части статьи; проведение критического осмысления и структурирование собранных материалов; доработка текста исследования.

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Ivanov Aleksandr Yu. – collection and analysis of data on crimes related to illegal actions in bankruptcy (part 1 of article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation); preparation of the initial version of the text; formulation of conclusions and practical recommendations.

Bolotin Sergey V. – development of conceptual approaches to research, structuring the methodological part of the article; carrying out critical reflection and structuring of the collected materials; finalization of the text of the study.

All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Болотин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук

Information about the authors

Bolotin Sergey V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 31.01.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 31.01.2024; accepted for publication 15.03.2024

Научная статья

УДК 343.13

Самостоятельность следователя при решении вопроса о начале досудебного производства

Ногайбаева Алтынай Сансызбаевна¹, Жусипбекова Айнур Маратовна²

¹ Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, Караганда, Республика Казахстан, altynay.nogaybayeva.76@bk.ru

² Академия управления МВД России, Москва, Россия, kz_a_zh@mail.ru

Аннотация. В статье на основе изучения действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан рассмотрена процессуальная самостоятельность следователя в целом, а также случаи фрагментарного ее проявления, в первую очередь, при решении вопроса о начале досудебного производства. В результате проведенного анализа авторы пришли к выводу, что при дальнейшей реализации трехзвенной модели судопроизводства с сужением процессуальных полномочий следователя его процессуальная самостоятельность в проекции теоретического содержания сводится к нулю даже в ее фрагментарном проявлении.

Ключевые слова: движение уголовного дела, начало досудебного производства, прокурор, процессуальная самостоятельность, процессуальные решения, следователь, трехзвенная модель судопроизводства

Для цитирования: Ногайбаева А. С., Жусипбекова А. М. Самостоятельность следователя при решении вопроса о начале досудебного производства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 22–25.

Original article

Independence of the investigator in deciding on the start of pre-trial proceedings

Nogaybayeva Altynay S.¹, Zhussipbekova Ainur M.²

¹ Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, Karaganda, Republic of Kazakhstan, altynay.nogaybayeva.76@bk.ru

² Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, kz_a_zh@mail.ru

Abstract. The article, based on a study of the current criminal procedural legislation of the Republic of Kazakhstan, examines the procedural independence of the investigator as a whole, as well as cases of its fragmentary manifestation, primarily when deciding the issue of starting pre-trial proceedings. As a result of the analysis, the authors came to the conclusion that with the further implementation of the three-tier model of legal proceedings with the narrowing of the procedural powers of the investigator, his procedural independence in the projection of theoretical content is reduced to zero even in its fragmentary manifestation.

Keywords: the movement of the criminal case, the beginning of pre-trial proceedings, the prosecutor, procedural independence, procedural decisions, the investigator, the three-tier model of legal proceedings

For citation: Nogaybayeva A. S., Zhussipbekova A. M. Independence of the investigator when deciding on the start of pre-trial proceedings // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 22–25.

Трансформация уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан началась с принятия в 2014 г. нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК), в который по сей день вносятся изменения, касающиеся функциональной модели судопроизводства. Деятель-

ность по приведению законодательства в соответствие с международными стандартами правосудия и защиты прав и законных интересов человека продолжается до настоящего времени.

К.-Ж. Токаевым обозначена необходимость модернизации уголовно-процессуальной сферы путем внедрения трехзвенной модели судопроизводства (по примеру развитых стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития), которая предусматривает четкое разделение полномочий между органами уголовного преследования, прокуратурой и судом на стадии досудебного расследования: функция полиции заключается в раскрытии преступления и сборе доказательств; прокурора – в их оценке, пресечении нарушений прав граждан, поддержании обвинения в суде; суда – в рассмотрении жалоб на действия органов и разрешении уголовного дела по существу [1].

Необходимость дальнейшего перераспределения полномочий и зон ответственности между органами расследования и прокуратуры на стадии досудебного производства определена в п. 42 Плана мероприятий по реализации Реформы 4 «Правовое государство без коррупции» Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 г., утвержденного Указом Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 г. № 636. Это способствовало внесению изменений и дополнений в УПК РК, согласно которым ключевые процессуальные решения согласовываются с прокурором [2].

Большинство ученых-процессуалистов в рамках досудебного производства процессуальные решения условно делят на две группы: ключевые процессуальные решения и процессуальные решения, касающиеся движения уголовного дела.

Следователь в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан для согласования и утверждения принятых им процессуальных решений направляет прокурору следующие процессуальные документы:

- постановление о признании лица в качестве подозреваемого;
- постановление о квалификации деяния подозреваемого;
- постановление о квалификации уголовного правонарушения;
- постановление о прерывании сроков досудебного расследования;
- протокол об уголовном проступке;
- постановление о применении приказного производства;
- постановление о прекращении производства по делу.

Вышеназванные постановления и протоколы можно отнести к группе ключевых процессуальных решений.

Анализ показал, что следователь в рамках досудебного производства самостоятелен в принятии процессуальных решений о начале досудебного производства, о соединении уголовных дел, о выделении уголовного дела, о возобновлении производства по уголовному делу, то есть о процессуальных решениях, касающихся движения уголовного дела. Об их принятии он лишь уведомляет прокурора путем на-

правления ему копии решения в течение 24 часов с момента составления (вынесения).

За основу процессуального статуса следователя в теории уголовного процесса традиционно принимают положения о его процессуальной самостоятельности в части принятия процессуальных решений, непосредственно ключевых решений. Если рассматривать данную самостоятельность в проекции теоретического содержания, то в Республике Казахстан у следователя в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства ее нет и не может быть. Однако анализ отдельных элементов процессуальной самостоятельности показал, что она проявляется в его деятельности фрагментарно.

Так, УПК РК с учетом внесенных в него изменений и дополнений по внедрению трехзвенной модели судопроизводства не затронул процессуальную самостоятельность следователя при решении следующих вопросов:

- планирование досудебного производства;
- принятие процессуальных решений, касающихся движения уголовного дела (промежуточных решений);
- принятие некоторых мер процессуального принуждения, не связанных ограничением свободы передвижения;
- производство следственных действий, не связанных с ограничением прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, в настоящее время под процессуальной самостоятельностью следователя следует понимать его право, установленное уголовно-процессуальным законом, на направление хода расследования, принятие решений о производстве следственных и иных процессуальных действий в соответствии с принципами уголовного судопроизводства на стадиях досудебного производства в случаях, не требующих согласования или санкционирования прокурором и судом.

В рамках настоящей работы особое внимание хотелось уделить решению, связанному с началом досудебного производства. Ныне действующий УПК РК упразднил такие стадии досудебного производства, как проверка сообщения о преступлении и возбуждение уголовного дела, тем самым упростив процедуру начала досудебного расследования. Вместо них законодатель ввел такое понятие, как начало досудебного производства, под которым ст. 179 УПК РК признает:

- 1) регистрацию заявления, сообщения об уголовном правонарушении;
- 2) производство первого неотложного следственного действия.

В этой же норме законодатель определил случаи, когда сведения не подлежат регистрации в едином реестре досудебных расследований (далее – ЕРДР). К ним относятся заявления, сообщения или рапорта:

- об уголовном правонарушении, не содержащие сведений об уголовно наказуемом деянии, нанесенном в результате совершения противоправного дея-

ния ущербу, существенном вреде или доходе, добытом незаконным путем;

– ненадлежащем выполнении или невыполнении профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником (в том числе не оказание медицинской помощи больному лицом, обязанным ее оказывать, нарушение установленного законодательством порядка проведения клинических исследований и применение новых методов и средств профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации), что подтверждено актами проверок, ревизий, аудита и другими документами, когда их наличие является обязательным признаком уголовного правонарушения;

– нарушениях, основанных на неисполнении или ненадлежащем исполнении гражданско-правовых сделок, совершенных в письменной форме и не признанных судом недействительными, мнимыми или притворными (указанные требования не распространяются на случаи подачи коллективных, многочисленных заявлений о недобросовестном исполнении договорных обязательств)¹.

Более детальное и расширенное изложение оснований, позволяющих не регистрировать заявления, сообщения или рапорта об уголовном правонарушении, представлено в п. 12 Приказа Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 «Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований»².

Таким образом, обязательной регистрации в ЕРДР подлежат все заявления, сообщения и рапорта об уголовном правонарушении, за исключением сведений, которые определил законодатель в УПК РК и приказе Генерального прокурора РК.

С целью исключения совершения должностными лицами, в чьи служебные обязанности входит решение вопроса о начале досудебного производства, укрытия фактов совершения преступления и лиц, их совершивших, законодатель ввел норму уголовного закона, предусматривающую уголовную ответственность. Согласно ст. 433 Уголовного кодекса Республики Казахстан уголовная ответственность наступает в случаях, когда уполномоченное должностное лицо умышленно путем обмана, уговора, угрозы или иных неправомерных действий в отношении заявителя либо путем уничтожения или сокрытия любым иным способом обращения указанного лица укрывало уго-

ловное правонарушение от регистрации в ЕРДР³.

Учитывая уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, весьма спорным является утверждение о процессуальной самостоятельности следователя при решении вопроса о начале досудебного производства относительно движения уголовного дела.

Нормативные и правовые акты Республики Казахстан четко регламентировали деятельность следователя при решении вопроса, связанного с началом досудебного производства. Помимо этого, в ходе принятия процессуальных решений на этапе досудебного производства за его деятельностью осуществляется тройной контроль:

- 1) ведомственный контроль в лице начальника следственного отдела;
- 2) межведомственный надзор и контроль в лице прокурора;
- 3) судебный контроль со стороны следственного судьи.

О какой самостоятельности лица, осуществляющего досудебное производство, может идти речь при таком положении дел?

Ведомственный контроль в лице начальника следственного отдела оправдан тем, что это должностное лицо тем самым осуществляет не только эффективную организацию расследования по уголовным делам, но также оценивает всесторонность, объективность и полноту установления обстоятельств дела. При этом, когда следователь не согласен с его указаниями и решениями, нормами УПК закреплен механизм их обжалования.

Судебный контроль на стадии досудебного производства осуществляется с целью защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения.

Понимая необходимость прокурорского надзора за досудебным производством, связанную с поддержанием государственного обвинения в суде, и заинтересованность в высоком качестве досудебного расследования, а также политику законодателя по расширению полномочий прокурора в ходе досудебного производства, ряд прокурорских решений направлен на серьезное ограничение процессуальной самостоятельности следователя. Такое положение дел вполне обоснованно, но возникает потребность в создании реальных эффективных механизмов отстаивания следователем своего процессуального решения в случае несогласия с позицией прокурора, которых в следственной практике в настоящее время нет. По нашему мнению, их разработка будет способствовать объективному расследованию уголовного дела и принятию высококачественных решений.

Действующие и обязательные для исполнения нормативные и правовые акты, а также контроль со стороны начальника следственного отдела и проку-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК // Информационно-поисковая система Адiletзан: сайт. URL: www.adilet.zan.kz (дата обращения: 07.06.2023).

² Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 «Об утверждении Правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований» // Информационно-поисковая система Адiletзан: сайт. URL: www.adilet.zan.kz (дата обращения: 10.06.2023).

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗПК // Информационно-поисковая система Адiletзан: сайт. URL: www.adilet.zan.kz (дата обращения: 07.06.2023).

рора опосредованы, но все-таки оказывают влияние на следователя при решении вопроса о начале досудебного производства, тем самым еще более упраздняя его процессуальную самостоятельность даже во фрагментарном ее проявлении.

Вышеперечисленные обстоятельства приводят к нейтрализации процессуальной самостоятельности следователя ввиду отсутствия в настоящее время юридических полномочий по самостоятельному принятию как значимых процессуальных, так и промежуточных решений.

Однако учитывая стремления законодателя и предпринимаемые им на законодательном уровне реформы по внедрению трехзвенной модели судопроизводства, процессуальная самостоятельность и сохранившиеся в настоящее время ее элементы будут упразднены в будущем.

С учетом неизбежности продолжения реализации трехзвенной модели уголовного процесса вносить существенные коррективы в УПК по усилению процессуальной самостоятельности следователя, на наш взгляд, нецелесообразно.

Основными вопросами корректировки действующего уголовно-процессуального законодательства (в части улучшения процессуального положения следователя) являются:

1) перевод следователя, дознавателя, начальника следственного отдела и начальника органа дознания из категории «орган уголовного преследования» в категорию «орган досудебного расследования»;

2) исключение из уголовно-процессуального законодательства понятия «уголовное преследование» с сохранением двух отдельных, но взаимосвязанных функций «обвинение» и «досудебное расследование»;

3) наделение лица, осуществляющего досудебное расследование (следователя, дознавателя), правом обжалования у следственного судьи процессуальных решений и действий прокурора в случае их явного несоответствия требованиям уголовно-процессуального законодательства или нарушения прав лица, осуществляющего досудебное расследование;

4) наделение следственного судьи компетенцией (полномочием) по рассмотрению мотивированных жалоб лица, осуществляющего досудебное расследование, на процессуальные решения или действия прокурора.

Таким образом, по нашему мнению, на процессуальную самостоятельность следователя при решении вопроса о начале досудебного производства оказывается опосредованное влияние со стороны прокурора, осуществляющего процессуальное руководство при расследовании уголовного дела. С целью улучшения положения следователя на рассматриваемом этапе досудебного производства возникла необходимость внесения изменений и дополнений в действующий УПК РК, которые предложены в настоящей статье.

Библиографический список

1. Послание Президента Республики Казахстан

«Казахстан в новой реальности: время действий» от 1 сентября 2020 г. // Информационно-поисковая система Adilet зан: сайт. URL: www.adilet.zan.kz (дата обращения: 01.06.2023).

2. Приложение 3 к протоколу разногласий с Верховным судом // Генеральная прокуратура Республики Казахстан: официальный сайт. URL: www.gov.kz/memleket/entities/prokuror?lang=kk (дата обращения: 02.06.2023).

References

1. Address of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 1, 2020 «Kazakhstan in a new reality: time for action» // Information search engine Adiletzan: website. URL: www.adilet.zan.kz (date of access: 06/01/2023).

2. Appendix 3 to the protocol of disagreements with the Supreme Court // Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan: official website. URL: www.gov.kz/memleket/entities/prokuror?lang=kk (date of access: 06/02/2023).

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.08.2023; одобрена после рецензирования 22.08.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 01.08.2023; approved after reviewing 22.08.2023; accepted for publication 15.03.2024

Научная статья
УДК 343.12

Сущность и содержание института представительства в уголовном процессе России

Политыко Ольга Евгеньевна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, lis.0612@yandex.ru

Аннотация. Представительство в уголовном процессе России урегулировано нормами УПК РФ, однако на сегодняшний день законодательством РФ не выработан четкий понятийный аппарат, в связи с чем не представляется возможным охарактеризовать сущность и структуру уголовного представительства.

Ключевые слова: институт представительства, представитель потерпевшего, законный представитель, адвокат, потерпевший, гражданский истец, частный обвинитель

Для цитирования: Политыко О. Е. Сущность и содержание института представительства в уголовном процессе России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 26–30.

Original article

The essence and content of the institution of representation in the criminal process of Russia

Polityko Olga E.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, lis.0612@yandex.ru

Abstract. Representation in the criminal process of Russia is regulated by the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, however, to date, the legislation of the Russian Federation has not provided a clear conceptual framework, and therefore it is not possible to characterize the inner essence and structure of criminal representation.

Keywords: institution of representation, representative of the victim, legal representative, lawyer, victim, civil plaintiff, private prosecutor

For citation: Polityko O. E. The essence and content of the institution of representation in the criminal process of Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 26–30.

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство следует по пути гуманизации, совершенствования порядка уголовного судопроизводства. В целях реализации защиты прав и интересов несовершеннолетних; лиц, в отношении которых ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера; лиц, которые по своему физическому или психическому состоянию не имеют возможности самостоятельно принимать участие в процессе; юридических лиц привлекаются их представители.

Согласно официальным статистическим данным в период с января по ноябрь 2023 г. выявлено 24 186 преступлений, совершенных несовершеннолетними или в соучастии, что составило 2,6 % от общего числа выявленных преступлений. Анализ статистических

данных свидетельствует, что в сравнении с аналогичным периодом 2022 г. данный показатель снизился на 9,6 % [1].

Законодателем в целях реализации гарантий прав участников уголовного процесса, которые в силу определенных факторов лишены возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, введен институт представительства. Вместе с тем анализ норм действующего УПК РФ свидетельствует о противоречивости и проблемности законодательных формулировок, регламентирующих вышеуказанный институт.

Данные обстоятельства способствуют существованию различных точек зрения относительно сущности применения норм УПК РФ, а также влекут неизбеж-

ные нарушения прав граждан вследствие отсутствия единых стандартов практического обеспечения права участников уголовного процесса на представительство. Исследование института представительства на исторических и современных этапах развития позволяет сделать вывод, что он является вполне естественным и обоснованным явлением в развивающемся обществе, где абсолютно каждый имеет право на защиту. Некоторые черты представительства зародились уже в древние времена. Длительное развитие и становление отдельных норм, закрепленных в УПК РФ, свидетельствует об эффективности и целесообразности их применения. Институт представительства – это не только историческое, но и правовое явление, и его началом стало формирование семейно-родственных отношений, которое, в первую очередь, связано с необходимостью замены кем-нибудь из близких лиц.

Институт представительства в уголовном процессе России является обособленной группой отношений, возникающих при необходимости реализации прав и интересов лиц, которые в силу определенных обстоятельств не могут принимать участие в производстве по делу.

При рассмотрении данного вопроса необходимо отметить, что представительство как правоотношение встречается также в гражданско-процессуальном, административном, трудовом, семейном, конституционном праве и др. Но, несмотря на межотраслевую связь данного института, стоит понимать, что именно к сфере уголовного процесса он относится больше. Уголовное представительство является важнейшим и ключевым институтом уголовно-процессуального права, как на досудебном этапе, так и в рамках судебного производства.

Многие ученые-процессуалисты не раз исследовали уголовное представительство, отмечая в своих трудах вопросы, возникающие вокруг данного института, которые до настоящего времени являются нерешенными.

Так, Карпушов М. А. в своей диссертации подчеркивает проблемы, касающиеся характеристики института представительства в уголовном процессе, а именно содержания, структуры, объекта и субъекта представительства. Он указывает на отсутствие четкого определения законодателем уголовно-процессуального представительства, следовательно, имеются значительные пробелы в регулировании данного института, что способствует нормальной реализации правоотношений в уголовном судопроизводстве, что в свою очередь приводит к снижению показателей деятельности правоохранительных органов [2, с. 30].

В научной литературе часто встречаются разногласия в части отнесения представительства к определенной правовой группе: уголовно-процессуальный институт; уголовно-процессуальная деятельность; уголовно-процессуальное правоотношение.

В соответствии с положением ст. 45 УПК РФ, представители являются субъектами уголовного судопро-

изводства, то есть лицами, совершающими процессуальную деятельность в интересах представляемого¹.

Согласно мнению В. В. Кукеля, представительство является процессуальным институтом, который включает в себя правоотношение между потерпевшим и представителем, а также процессуальную деятельность представителя [3, с. 211].

Более широкое понятие представительства как института предлагает О. Р. Шрам, определяя его как совокупность правоотношений, урегулированных нормами уголовно-процессуального законодательства, которые возникают между органами, осуществляющими производство по делу, и представителем, выступающим в процессе от своего имени и в интересах представляемого им лица, в целях обеспечения его прав и законных интересов [4, с. 14].

Проанализировав различные мнения авторов, мы пришли к выводу, что в настоящее время данный вопрос вызывает немало дискуссий в науке уголовного процесса. Обусловлено это тем, что институт представительства в уголовном судопроизводстве России обладает уникальным предназначением и правовой природой. Исследуя правовую природу и правоприменительную практику института представительства, выделяются отдельные виды процессуально-правовых отношений между представителем и тем, чьи интересы представляют:

- 1) договорные (обязательственные) представители, то есть те, которые действуют на основе соглашения (сделки) между двумя лицами;
- 2) управомоченные представители, то есть те, на которых в силу служебных, распорядительных, надзорных и иных полномочий возлагается обязанность осуществлять защиту прав и законных интересов представляемого (например, юридическое лицо является потерпевшим по уголовному делу, представителем будет лицо, на которого доверенностью возлагаются соответствующие обязанности);
- 3) родственные представители.

Институт представительства не только регламентирует процессуальную деятельность представителя, но и устанавливает субъектный состав. По мнению Дорофеевой В. Ю., субъекты института представительства, собственно, как и любого другого уголовно-правового института, обладают определенной совокупностью признаков. Согласно теории права к таковым принято относить внешнюю независимость субъекта правоотношения, его индивидуализацию; способность представления, отстаивания и защиты охраняемых законом интересов [5, с. 13].

На сегодняшний день существует проблема, возникающая вокруг интересов субъектов уголовного процесса. Многогранные противоречия и споры среди ученых-процессуалистов обусловлены в первую очередь тем, что нет их четкой регуляции на законо-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.12.2023). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.01.2024).

дательным уровне, в частности, в уголовно-процессуальном законе и судебных актах отсутствуют формулировки понятий «интересы» и «законные интересы».

Для более подробного исследования данного вопроса обратимся к позиции Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», согласно которой законные интересы участников уголовного судопроизводства предполагают удовлетворение потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности¹.

Уголовный процесс – это урегулированная уголовно-процессуальным законодательством деятельность уполномоченных органов по раскрытию, расследованию и рассмотрению дел в суде. К органам, наделенным указанными полномочиями, относят не только органы дознания и следствия, но и представителя потерпевшего, частного обвинителя и гражданского истца, которые также играют немаловажную роль.

Изучение правового положения представителей потерпевшего, частного обвинителя или гражданского истца позволяет отметить, что данный институт играет значимую роль в уголовном процессе и позволяет обеспечить высококвалифицированную, профессиональную защиту интересов данных субъектов.

Институт представительства в уголовном судопроизводстве имеет направленность на содействие субъектам процесса в реализации их прав и законных интересов с помощью представителей. Отличительным признаком является то, что в производстве по уголовному делу может участвовать как сам потерпевший, гражданский истец или частный обвинитель, так и его представитель. Уголовно-процессуальное законодательство выделяет два основных вида представительства потерпевшего, частного обвинителя и гражданского истца:

1. Законное представительство.

Сущность указанного представительства основывается сугубо на возложении на представителя обязанностей на основании законодательства. Так, в п. 12 ст. 5 УПК РФ закреплен перечень лиц, которые могут выступать законными представителями несовершеннолетних. Для подтверждения правомочности являться законным представителем к материалам уголовного дела прилагаются соответствующие документы. Например, родственники обязаны представить документы, подтверждающие родство, специализированные органы – документы, на основании которых у них есть права быть законным представителем несовершеннолетнего или лица, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера.

¹ Пленум Верховного Суда РФ, постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.01.2024).

2. Представительство по соглашению.

Содержанием указанного вида представительства является правовой документ, а именно доверенность на имя определенного лица, на которого будет возложена обязанность представлять интересы в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела в суде. В рамках представительства по соглашению представителем может являться только то лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший, частный обвинитель или гражданский истец и в отношении которого вынесено соответствующее постановление.

Основной задачей рассматриваемого нами института является представление и защита законных интересов некоторых субъектов уголовно-процессуальных отношений. Как известно, потерпевший, гражданский истец и частный обвинитель, по своему желанию, могут осуществлять отстаивание своих прав посредством представителя и лично не участвовать во всех оперативных и следственных мероприятиях. Отсюда следует вывод, что представитель у данной категории субъектов наделяется большим спектром полномочий, а именно всеми правами и обязанностями представляемого им лица, за исключением дачи показаний и объяснений. В связи с чем можно сделать вывод о том, что представители потерпевшего, частного обвинителя или гражданского истца должны и обязаны действовать соответственно интересам представляемого им лица, разногласия могут повлечь за собой отстранение представителя.

Уголовно-процессуальный закон четко определяет круг лиц, которые вправе выступать представителями. Так, согласно ч. 1 ст. 45 УПК РФ представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а представителями гражданского истца, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы. В качестве представителя потерпевшего или гражданского истца может быть также допущен один из близких родственников потерпевшего или гражданского истца либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший или гражданский истец. Но этот вывод не касается частного обвинителя.

Так, приговором мирового судьи г. Санкт-Петербурга подсудимая К. была оправдана по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления. Апелляционным постановлением Пушкинского районного суда от 15 декабря 2021 г. приговор оставлен без изменения. В кассационной жалобе частный обвинитель М. выразил несогласие с вынесенными решениями, полагая, что его права были нарушены необоснованным отказом суда о допуске в качестве его представителя гражданина Н.

Кассационный суд, проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы жалобы, указал, что отказ мирового судьи о допуске представителя гражданина Н. мотивирован, сославшись на п. 7 постановления

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17, а также ч. 1 ст. 45 УПК РФ, на основании которых в качестве представителей могут быть лица, способные оказать квалифицированную юридическую помощь. Судом установлено, что гражданин Н. не имеет юридического образования. Кассационную жалобу частного обвинителя М. на приговор мирового судьи и апелляционное постановление председательствующий кассационного суда оставил без удовлетворения¹.

Ограничения по кругу лиц, которые могут быть допущены в качестве представителей и законных представителей, исходят не только из требований закона, а напрямую связаны с интересами представляемого участника уголовного судопроизводства, поскольку законодатель отталкивается от необходимости оказания грамотной, высококвалифицированной юридической помощи участнику процесса.

Как известно, вопросы и проблемы, возникающие в сфере уголовно-процессуальной деятельности, довольно сложны, и с этим может разобраться только квалифицированный специалист или профессиональный адвокат.

К адвокатской деятельности выдвигаются определенные требования. В соответствии с ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может получить лицо, являющееся гражданином РФ, имеющее высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, стаж работы по юридической направленности не менее двух лет либо прошедшее стажировку в адвокатском образовании в установленные сроки².

Не раз жалобы на предоставление законодателем адвокатуре преимущественного права на оказание юридического содействия гражданам становились предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ.

Согласно определению Конституционного Суда РФ, введение законодательной монополии адвокатуры на участие в качестве представителей потерпевшего, частного обвинителя и гражданского истца в рамках уголовного дела, является серьезным нарушением и ограничением конституционного, общегражданского и политического права граждан, а именно нарушением принципа равенства перед законом и судом всех граждан независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к обще-

ственным объединениям и других обстоятельств³.

Исходя из конституционных прав граждан, государство гарантирует получение квалифицированной юридической помощи в лице адвоката только для подозреваемых и обвиняемых, а не для иных участников уголовного судопроизводства⁴.

Часть 1 ст. 45 УПК наряду с решением Конституционного Суда РФ дает возможность потерпевшему и гражданскому истцу в рамках досудебного и судебного производства по уголовному делу выбирать представителя по своему усмотрению, как из адвокатской палаты, так и из числа близких родственников.

Как известно, для допуска адвоката к уголовному делу необходимо предъявлять ордер и удостоверение, выданное соответствующим адвокатским образованием, но при этом обязательно согласие уголовно преследуемого лица. Однако с представительством дела обстоят иначе. В случаях, когда адвокат представляет интересы потерпевшего, гражданского истца или частного обвинителя, достаточно предоставить доверенность лица, подтверждающую его полномочия. Законодатель поясняет, что ордер необходим только в случаях, прямо предусмотренных УПК РФ, а именно при оказании услуг по защите подозреваемого (обвиняемого).

Адвокат, осуществляющий представительство потерпевшего, гражданского истца или частного обвинителя на досудебных и судебных этапах уголовного судопроизводства, пользуется всеми правами, предусмотренными ФЗ № 63⁵.

В случаях, когда потерпевшим или гражданским истцом является юридическое лицо, представителями будут выступать не только руководители (директора) на основании юридических и учредительных документов, но и лица, на которых на основании действующей доверенности возложены соответствующие обязанности, например, юрисконсульт организации.

Представитель юридического лица допускается в уголовный процесс при предъявлении доверенности, документов, удостоверяющих личность и подтверждающих его статус и полномочия.

Потерпевший, гражданский истец и частный обвинитель, независимо от того, является он физическим или юридическим лицом, может иметь неограниченное количество представителей. Законодатель выделяет некоторые обстоятельства, которые исключают

¹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21 июня 2022 г. по делу № 7У-3576/2022. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.01.2024).

² Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.01.2024).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. № 447-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Г. М. Ситяевой ч. 1 ст. 45 УПК РФ». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.01.2024).

⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.01.2024).

⁵ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.01.2024).

возможность участия представителя при производстве по уголовному делу:

1) ранее участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве судьи, прокурора, следователя, дознавателя, секретаря судебного заседания, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика или понятого;

2) является близким родственником или родственником судьи, прокурора, следователя, дознавателя, секретаря судебного заседания, принимавшего либо принимающего участие в производстве по данному уголовному делу, или лица, интересы которого противоречат интересам участника уголовного судопроизводства, заключившего с ним соглашение об оказании защиты;

3) оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам представляемого им потерпевшего, гражданского истца.

При наличии одного из указанных выше требований представитель обязан заявить самоотвод. Если данный факт будет установлен должностным лицом, то решение об отводе уполномоченного лица должно быть закреплено процессуально в виде вынесения соответствующего постановления.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в настоящее время проблема представительства потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя остается актуальной, так как имеются пробелы в законодательстве.

В целях повышения эффективности обеспечения прав участников уголовного судопроизводства существует необходимость более детального закрепления процессуальных прав и обязанностей представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя и внесения изменений в ст. 45 УПК РФ. На законодательном уровне следует закрепить дефиницию данного участника уголовного судопроизводства, круг лиц, которые могут выступать в качестве представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, в зависимости от того, является он физическим или юридическим лицом, а также определить круг его прав и обязанностей.

Указанные изменения позволят реализовать основную цель представителя – обеспечить вынесение положительного и справедливого решения в отношении представляемого лица, а также принять участие в осуществлении им своих прав и не допустить их нарушения в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2023 г. // Официальный интернет-портал Министерства внутренних дел РФ. Состояние преступности: сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/209686> (дата обращения: 08.01.2024).

2. Карпушов М. А. Правовое обеспечение представительства в досудебном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская

академия МВД России, 2018. 30 с.

3. Кукель В. В. О проблемах представительства потерпевшего в уголовном судопроизводстве РФ // Российское правосудие. 2019. № 9. С. 211–212.

4. Шрам О. Р. Представительство в уголовном процессе // Закон и право. 2018. № 32. С. 14–15.

5. Дорофеева В. Ю. Профессиональный представитель несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном процессе: монография. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2020. 24 с.

References

1. State of crime in Russia for January–November 2023 // Official Internet portal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. State of crime: website. URL: <https://MVD.RF/folder/101762/item/209686> (date of access: 01/08/2024).

2. Karpushov M. A. Legal support of representation in pre-trial criminal proceedings: abstract. dis. for the degree of candidate of sciences. jurid. sciences: 12.00.09. M.: Moscow Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 30 p.

3. Kukul V. V. On the problems of representation of the victim in criminal proceedings of the Russian Federation // Russian justice. 2019. № 9. Pp. 211–212.

4. Shram O. R. Representation in criminal proceedings // Law and law. 2018. № 32. Pp. 14–15.

5. Dorofeeva V. Yu. Professional representative of a minor victim in criminal proceedings: monograph. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 24 p.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 15.03.2024

Роль прокурора в избрании судом мер пресечения в стадии предварительного расследования: правообеспечительный аспект

Соколова Алена Станиславовна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, sokol_mokol00@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена такому процессуальному действию следователя и дознавателя, как вынесение перед судом ходатайства о применении к подозреваемому / обвиняемому мер пресечения, которые может удовлетворить лишь судебный орган. Рассматриваются вопросы, относящиеся к роли прокурора при реализации вышеуказанных действий и реагировании на них, тем самым подтверждается наличие правообеспечительной деятельности у прокурора. В статье не только аргументируется, что прокурор осуществляет надзорную деятельность, но также раскрывается новое направление, не закрепленное в законодательстве, по обеспечению прав и интересов участников уголовного судопроизводства посредством осуществления надзора.

Ключевые слова: прокурор, меры пресечения, правообеспечение, прокурорский надзор, стадия предварительного расследования, правообеспечительная деятельность, полномочия

Для цитирования: Соколова А. С. Роль прокурора в избрании судом мер пресечения в стадии предварительного расследования: правообеспечительный аспект // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 31–36.

Original article

The role of the prosecutor in the election of preventive measures by the court at the stage of preliminary investigation: the legal aspect

Sokolova Alyona S.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, sokol_mokol00@mail.ru

Abstract. The article is devoted to such a procedural action of the investigator and interrogating officer as submitting a petition to the court to apply preventive measures against the suspect/accused, which can only be satisfied by a judicial authority. Issues related to the role of the prosecutor in implementing the above actions and responding to them are considered, thereby confirming the presence of law enforcement activities of the prosecutor. The article not only argues that the prosecutor carries out supervisory activities, but also reveals a new direction, not enshrined in legislation, to ensure the rights and interests of participants in criminal proceedings through the implementation of supervision.

Keywords: prosecutor, preventive measures, law enforcement, prosecutor's supervision, stage of preliminary investigation, law enforcement activities, powers

For citation: Sokolova A. S. The role of the prosecutor in the election of preventive measures by the court at the stage of preliminary investigation: the legal aspect // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 31–36.

Основой построения российского уголовного процесса являются принципы уголовного судопроизводства, закрепленные в Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе Рос-

сийской Федерации (далее – УПК РФ). Некоторые из этих принципов касаются обеспечения и защиты прав и свобод, а также личных интересов человека и гражд-

данина, об этом, в частности, говорится в ст. 11 УПК РФ, в ст. 2 Конституции РФ. По справедливому мнению ученых, обеспечение законности уголовного судопроизводства, соблюдения прав и свобод субъектов данных отношений является важнейшей задачей для законодателя [1, с. 159–166]. Нет никаких сомнений в том, что права и свободы человека и гражданина в уголовном судопроизводстве должны неукоснительно соблюдаться при производстве различных процессуальных, следственных и иных действий. Не является исключением и процедура избрания в досудебном производстве меры пресечения по судебному решению. Поскольку любая мера пресечения, так или иначе, ограничивает права и свободы лица, к которому она применяется, включает в себя ряд запретов, постольку избрание таких мер должно производиться в строгом соответствии с требованиями УПК РФ, быть законным и обоснованным. Избрание наиболее строгих мер пресечения требует тщательного анализа доказательств, подтверждающих правильность применения именно такой меры пресечения, а также безукоризненного оформления всех требующихся документов. В качестве дополнительного (помимо судебного контроля) механизма обеспечения законности и обоснованности избрания мер пресечения в настоящей статье будут рассматриваться прокурорский надзор и ведомственный контроль. Все сказанное в настоящей статье относительно порядка избрания мер пресечения по судебному решению в стадии предварительного расследования относится и к процедурам продления срока мер пресечения, а также к процедурам изменения мер пресечения в судебном порядке.

Само понятие «меры пресечения» законодательно не закреплено, но ряд авторов в рамках проведенных исследований предложили соответствующую дефиницию. О. И. Андреева предлагает следующее развернутое определение мер пресечения – «это разновидность мер уголовно-процессуального принуждения, которые применяются в установленном законом порядке к обвиняемому (в исключительных случаях – к подозреваемому) для обеспечения явки лица в органы расследования и суд, для пресечения продолжения преступной деятельности и воспрепятствования производству по делу, а также для исполнения приговора и возможной экстрадиции лица» [2, с. 85].

Действующее законодательство, а именно гл. 13 УПК РФ, предусматривает следующий порядок действий следователя/дознателя в данном случае: обращению в суд предшествует возбуждение ходатайства об избрании конкретной меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого. В свою очередь, названное ходатайство должно быть предварительно согласовано с соответствующим должностным лицом, осуществляющим контрольно-надзорные полномочия (для следователя это руководитель следственного органа, а для дознавателя – прокурор). Для получения согласования постановление следователя (дознателя) должно быть тщательно проверено, ру-

ководитель следственного органа (прокурор) обязан убедиться в его законности и обоснованности материалами дела. Следующим этапом процедуры является судебное заседание, в котором принимают участие обвиняемый (подозреваемый), его защитник, следователь (дознатель) и прокурор. Однако, как было указано выше, согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения дает руководитель следственного органа. Несмотря на это, обязанность обоснования данного ходатайства в судебном заседании УПК РФ (ч. 6 ст. 108) возлагает в первую очередь на прокурора. Возникает вопрос о роли прокурора, который до начала судебного заседания не имеет возможности ознакомиться ни с постановлением следователя, ни, тем более, с прилагаемыми к нему материалами. На наш взгляд, тем самым создаются определенные препятствия в реализации потенциала прокурорского надзора за исполнением уголовно-процессуального законодательства и соблюдением прав и свобод граждан.

Как известно, согласно Конституции РФ, гл. 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», УПК РФ, прокурор осуществляет надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия имеет особое значение, ибо его целью выступает обеспечение полноты, всесторонности, объективности исследования обстоятельств, имеющих доказательственное значение, а также принятие мер по изобличению виновного и по установлению самого события преступления. Из вышеуказанного следует, что предметом данного надзора являются неукоснительное соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также закрепленный в законе порядок разрешения сообщений и заявлений о преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и непосредственно расследования дела. Одной из задач надзора выступает именно обеспечение законности привлечения лица к предусмотренной законом уголовной ответственности и применения к нему мер процессуального принуждения.

Отмеченную нами проблему обсуждали различные авторы, варианты предлагаемых решений отличались кардинально: от предоставления права прокурору на согласование ходатайства следователя до исключения прокурора из процедуры судебного порядка избрания меры пресечения. Приведем некоторые мнения ученых.

П. А. Лупинская писала: «Если ранее следователь мог ходатайствовать перед судом об избрании данной меры пресечения лишь с согласия прокурора, в обязанность которого входило как участие в рассмотрении судом такого ходатайства, так и принципиальное решение вопроса о том, будет ли вообще такое ходатайство направлено в суд, то теперь этот порядок изменен: согласие на возбуждение ходатайства дает

руководитель следственного органа, т. е. непосредственный начальник следователя, представляющий тот же самый орган следствия. Таким образом, круг лиц, ответственных за принятие решения о заключении под стражу, еще более сузился» [3, с. 240]. В данном случае автор упоминает о законодательном регулировании рассматриваемого порядка, существовавшем в период 2002–2007 гг.

Мнение А. Г. Халиулина по данной проблематике заключается в следующем: «Прокурору необходимо предоставить право отзывать ходатайство следователя с рассмотрения суда. Другой вариант – установить, что в случае, если прокурор не поддерживает ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, суд прекращает производство по ходатайству (по аналогии с отказом прокурора от обвинения, когда суд прекращает уголовное дело или уголовное преследование)» [4, с. 3–8]. В данном случае цитируемый автор не конкретизирует саму процедуру отзыва ходатайства следователя, то есть данный отзыв может быть заявлен в процессе судебного заседания или же в момент предоставления самого ходатайства прокурору для ознакомления до выступления перед судом.

Еще одним вариантом, предложенным А. Г. Халиулиным, является предоставление вновь прокурору права давать согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу вне зависимости от того, кем – следователем или дознавателем – возбуждено такое ходатайство [5, с. 30]. Оценивая позицию А. Г. Халиулина, заметим, что реализация этого последнего предложения позволила бы унифицировать процедуру подготовки ходатайств об избрании меры пресечения.

С. П. Щерба и А. В. Попова также выдвигали предложение по наделению прокурора правом отзывать ходатайство следователя с рассмотрения судом, а также правом заявлять о прекращении рассмотрения ходатайства. Суд в таком случае должен прекратить производство по заявленному ходатайству [6, с. 23].

Н. С. Манова и К. А. Рыгалова предлагают обязать следователя направлять копию ходатайства прокурору, а суд – прекращать рассмотрение данного ходатайства, если прокурор выразил несогласие с ним [7, с. 6–10]. Действительно, данная позиция при ее реализации помогла бы преодолеть препятствия в осуществлении прокурорского надзора за деятельностью следователя при вынесении ходатайства о применении меры пресечения, избираемой по судебному решению. При получении копии ходатайства прокурор мог бы ознакомиться с доводами следователя, проанализировать, проверить их на предмет соблюдения законности, а далее принять решение по поддержанию ходатайства или же сформировать иное мнение, которое в дальнейшем было бы оглашено в судебном заседании.

Л. Н. Попова считает возможным вообще отказаться от обязательного участия прокурора в судебном

заседании по рассмотрению ходатайств следователя и дознавателя об избрании меры пресечения, а обязанность обосновывать ходатайство возложить на следователя (дознателя) [8, с. 334–337]. Данную позицию мы поддержать не можем ввиду того, что названные субъекты не располагают правом представлять сторону обвинения в судебных заседаниях, по крайней мере, это не закреплено в ст. 38, 41 УПК РФ. О. Г. Иванова, в свою очередь, считает, что вопросы избрания меры пресечения всегда инициирует следователь или дознаватель, в том числе вынося постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения. Однако за итоговое решение в большей степени несут ответственность не следователь и дознаватель, а прокурор и суд, поэтому нужно внимательно относиться к вопросу об их полномочиях и взаимодействии при избрании меры пресечения [9, с. 2–3]. В связи с этим мы не можем говорить о целесообразности наделения следователя (дознателя) возможностью самостоятельного обоснования своего ходатайства без участия прокурора.

Опубликованная судебная практика содержит примеры отказа суда в удовлетворении ходатайства следователя, не поддержанного прокурором. Так, постановлением Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 21 сентября 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу И., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, со ссылкой на отсутствие достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения в совершении И. преступления. Кроме того, при принятии решения судом было учтено мнение участвовавшего в судебном заседании прокурора, который просил отказать в удовлетворении ходатайства, полагая, что представленных следователем доказательств недостаточно для вывода о причастности И. к преступлению¹.

Согласно постановлению Кировского районного суда города Самары от 1 февраля 2021 г. было рассмотрено ходатайство следователя о продлении срока задержания под стражей подозреваемого (ФИО не указаны) до 72 часов, по уголовному делу по ч. 1 ст. 132 УК РФ. Прокурор не поддержал ходатайство следователя, аргументируя это тем, что для этого нет оснований, закрепленных ст. 108 УПК РФ, а значит, ходатайство не отвечает требованиям обоснованности и законности. В свою очередь суд, выслушав следователя, прокурора возражавшего против удовлетворения просьбы следователя, а также изучив представленные материалы, пришел к следующему – в удовлетворении ходатайства старшего следователя следственного отдела отказать. Таким образом, представленные суду следствием доказательства в обоснование оснований для продления срока задер-

¹ Постановление Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 21 сентября 2015 г. URL: <https://sudact.ru/law/obzor-praktiki-rassmotreniia-sudami-khodataistv-ob-izbranii>.

жания, суд полагает недостаточными для удовлетворения ходатайства¹.

И. В. Малофеев привел количественные показатели решений суда по ходатайствам следователя вопреки позиции прокурора: «По данным статистического учета Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2021 г. имело место почти 300 случаев, когда судами удовлетворялись ходатайства следователей об избрании и продлении меры пресечения, наложении ареста на имущества и проведении следственных действий, вопреки позиции участвующих в процессе прокуроров, что составляет всего 3,8 % от общего числа рассмотренных ходатайств, не поддержанных прокурором» [10, с. 5–16]. Доля удовлетворенных судом ходатайств вопреки позиции прокурора относительно невысока.

Приведенные примеры показывают, что участие прокурора в судебном рассмотрении ходатайств следователя об избрании меры пресечения носит (по крайней мере, должно носить) не формальный характер, ведь в приведенных примерах итоговое решение избиралось судом с учетом мнения прокурора и вопреки мнению следователя. Реализация идеи о возвращении прокурору права согласования ходатайств следователя об избрании меры пресечения перед судом исключила бы встречающиеся в практике «споры» внутри стороны обвинения о необходимости избрания меры пресечения.

Рассмотрев различные точки зрения ученых, полагаем наиболее обоснованной позицию А. Г. Халиулина, поскольку претворение ее в жизнь позволит направлять в суд более обоснованные ходатайства, наиболее полно реализовывать потенциал как ведомственного контроля, так и прокурорского надзора.

Принципиально обозначив свою позицию по рассматриваемому вопросу, позволим себе привести некоторые дополнительные аргументы. На наш взгляд, стоит взглянуть на проблему еще с одной точки зрения, выделив в уголовно-процессуальной деятельности прокурора правообеспечительное направление.

Есть все основания считать, что уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве не сводится исключительно к осуществлению уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Упомянутая нами норма ст. 11 УПК РФ возлагает на прокурора (наряду со следователем, дознавателем, судом) обязанность обеспечивать возможность осуществления участникам уголовного судопроизводства их прав. Правообеспечительному направлению прокурорской деятельности не столь часто (как, например, надзору) уделяется должное внимание в науке уголовного

процесса. Между тем ряд авторов прямо указывают на наличие такой функции прокурора [11, с. 87].

В. А. Семенцов и А. Д. Пестов выделяют правообеспечительный аспект деятельности прокурора, который, по их мнению, выражается в выявлении прокурором нарушений закона при осуществлении уголовного преследования, реагировании на выявленные нарушения, принятии предусмотренных законом мер, что в совокупности ведет к восстановлению нарушенных прав граждан [12, с. 128]. Нельзя не согласиться с точкой зрения данных авторов, так как при обнаружении любого нарушения законности в первую очередь страдают права и законные интересы граждан, и чем быстрее прокурор пресечет данное нарушение, тем быстрее приступит к восстановлению нарушенных прав участников уголовного судопроизводства.

И. В. Стуконог в диссертационном исследовании особо подчеркивает, что обязательность участия прокурора в судебном рассмотрении ходатайства следователя (дознателя) об избрании меры пресечения логична и соответствует общей направленности уголовного судопроизводства. Участие прокурора, пишет данный автор, позволяет усилить правообеспечительный аспект, дополнительно установить ряд важных обстоятельств, выслушать мнение компетентного лица об имеющих значение для решения суда фактах [13, с. 80–96].

Е. Н. Гринюк в диссертационном исследовании указала, что при рассмотрении ходатайств о заключении подозреваемых (обвиняемых) под стражу, а также продлении сроков заключения под стражей основополагающей задачей прокурора будет являться обеспечение принятия законного решения судьей и недопущение заключения под стражу лиц по делам о преступлениях, при расследовании которых достижение назначения судопроизводства возможно и без ограничения свободы подозреваемого [14, с. 18–20]. Тем самым названный автор подчеркивает правообеспечительную направленность деятельности прокурора.

Применительно к рассматриваемой проблематике следует также обратить внимание на то, что условия для успешного осуществления прокурором правообеспечительной деятельности должны быть созданы заблаговременно, до судебного заседания. Прокурору нужна возможность ознакомления с необходимыми материалами и время для такого ознакомления. Только в таком случае он сможет своевременно реагировать на то или иное нарушение процессуального законодательства со стороны субъектов, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу.

Подводя итог нашим рассуждениям, следует сделать вывод: поставленные перед прокурором задачи обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве, а также обеспечения законности действий и решений органов дознания и предварительного следствия требуют

¹ Постановление Кировского районного суда города Самары от 1 февраля 2021 г. URL: <https://pravo163.ru/postanovleniem-kirovskogo-rajonno-go-suda-g-samary-v-hodatajstve-sledovatelya-ob-izbranii-mery-presecheniya-otkazano>.

соответствующих правовых средств их решения. В частности, существует настоятельная потребность внесения дополнений в УПК РФ, согласно которым копия постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения и прилагаемые к постановлению материалы незамедлительно должны направляться надзирающему прокурору. Лишь в этом случае прокурор получит полноценную возможность принять своевременные меры к исключению нарушений прав участников уголовного судопроизводства. Но наиболее адекватным сущности уголовно-процессуальной деятельности прокурора (в том числе ее правообеспечительному аспекту) было бы возвращение прокурору права согласования упомянутых постановлений следователя.

Библиографический список

1. Гончарова С. В. Предоставление материалов органами расследования для принятия судебного решения при избрании мер пресечения // Ростовский научный журнал. 2019. № 3. С. 159–166.
2. Андреева О. И., Назаров А. Д., Стойко Н. Г., Тузов А. Г. Уголовный процесс: учебник для вузов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 445 с.
3. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М., 2010. С. 240.
4. Халиулин А. Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 3–8.
5. Халиулин А. Г. Защита прокурором прав и свобод человека и гражданина в современном уголовном процессе России // Законы России: Опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 30.
6. Щерба С. П., Попова А. В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 23.
7. Манова Н. С., Рыгалова К. А. Роль прокурора при решении судом вопроса о применении мер пресечения // Законность. 2017. № 12. С. 6–10.
8. Попова Л. Н. Участие прокурора в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов VI Международ. науч.-практ. конф., посв. 70-летию образования Могилевского института МВД. Могилев: Могилевский институт МВД, 2018. С. 334–337.
9. Иванова О. Г. Полномочия прокурора и суда при избрании меры пресечения в судебном порядке // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8.
10. Малофеев И. В. Роль прокурора в осуществлении функции уголовного преследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 3. С. 5–16.
11. Халиулин А. Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора //

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С. 87.

12. Семенцов В. А., Пестов А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 128.
13. Стуконог И. В. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению соблюдения сроков в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. 238 с.
14. Гринюк Е. Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 18–20.
15. Смирнова О. В., Янин М. Г. Определение понятия «меры пресечения» в уголовном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 1. С. 1–4.

References

1. Goncharova S. V. Provision of materials by investigative bodies for making a judicial decision when choosing preventive measures // Rostov Scientific Journal. 2019. No. 3. Pp. 159–166.
2. Andreeva O. I., Nazarov A. D., Stoiko N. G., Tuzov A. G. Criminal procedure: studies. for universities. Rostov-Na-Dony: Phoenix, 2015. 445 p.
3. Lupinskaya P. A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice. M., 2010. p. 240.
4. Khaliulin A. G. Legal regulation of pre-trial proceedings in criminal cases needs correction of systemic errors // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2008. No. 11. Pp. 3–8.
5. Khaliulin A. G. Protection by the prosecutor of human and civil rights and freedoms in the modern criminal process of Russia // Laws of Russia: Experience, analysis, practice. 2011. No. 11. p. 30.
6. Shcherba S. P., Popova A. V. Discretionary powers of the prosecutor when applying a preventive measure in the form of detention // Legality. 2016. No. 1. p. 23.
7. Manova N. S., Rygalova K. A. The role of the prosecutor in the court's decision on the application of preventive measures // Legality. 2017. No. 12. Pp. 6-10.
8. Popova L. N. Participation of the prosecutor in court sessions when considering issues of choosing a preventive measure during pre-trial proceedings // Fighting crime: theory and practice: Abstracts of the VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2018. Pp. 334–337.
9. Ivanova O. G. The powers of the prosecutor and the court when choosing a preventive measure in court // Bulletin of St. Petersburg State University. Right. 2017. Vol. 8.
10. Malofeev I. V. The role of the prosecutor in the implementation of the function of criminal prosecution // Siberian criminal procedure and criminalistic readings. 2022. No. 3. Pp. 5–16.

11. Khaliulin A. G. Criminal procedural legislation of Russia on the activities of the prosecutor // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3 (82). p. 87.

12. Sementsov V. A., Pestov A. D. Procedural powers of the prosecutor during the investigation in an abbreviated form: monograph. M.: Yurlitinform, 2017. p. 128.

13. Stukonog I. V. Procedural powers of the prosecutor to ensure compliance with deadlines in the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ... cand. of Law. Krasnodar, 2020. 238 p.

14. Grinyuk E. N. The role of the prosecutor in ensuring the rights of participants in the criminal process at the pre-trial stages: abstract. ... cand. jurid. sciences'. Volgograd, 2018. Pp. 18–20.

15. Smirnova O. V., Yanin M. G. Definition of the concept of «preventive measures» in criminal proceedings // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2020. No. 1. Pp. 1–4.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 08.02.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 06.02.2024; approved after reviewing 08.02.2024; accepted for publication 15.03.2024

Существует ли в настоящее время «местный» розыск обвиняемых и подозреваемых, скрывающихся от органов предварительного расследования?

Титов Павел Михайлович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, titov1995@ya.ru

Аннотация. В статье кратко анализируются некоторые проблемы нормативной регламентации розыска обвиняемых и подозреваемых, скрывающихся от органов предварительного расследования, в рамках досудебного производства по уголовным делам. Констатируется, что виды розыска в зависимости от его территориального масштаба не закреплены ни в одном федеральном законе, а предусмотрены только в межведомственных инструктивных актах правоприменительных органов. Анализируется правовое регулирование такого этапа розыскной деятельности, как «предварительный розыск». Предлагается нормативно закрепить данный этап, что позволит более детально определить характер производимой в его рамках деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, объявление розыска, федеральный розыск, международный розыск, следователь, оперативное подразделение

Для цитирования: Титов П. М. Существует ли в настоящее время «местный» розыск обвиняемых и подозреваемых, скрывающихся от органов предварительного расследования? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 37–40.

Original article

Is there currently a «local» search for the accused and suspects hiding from the preliminary investigation authorities?

Titov Pavel M.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, titov1995@ya.ru

Abstract. The article briefly analyzes some problems of the regulatory regulation of the search for accused and suspects hiding from the preliminary investigation authorities in the framework of pre-trial criminal proceedings. It is stated that the types of search, depending on its territorial scale, are not fixed in any federal law, but are provided only in interdepartmental instructional acts of law enforcement agencies. The legal regulation of such a stage of investigative activity as «preliminary search» is analyzed. It is proposed to fix this stage in a normative manner, which will allow to determine in more detail the nature of the activities carried out within its framework.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, wanted list, federal wanted list, international wanted list, investigator, operational unit

For citation: Titov P. M. Is there currently a «local» search for the accused and suspects hiding from the preliminary investigation authorities? // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 37–40.

Розыск обвиняемых и подозреваемых, скрывающихся от органов предварительного расследования, регламентируется нормами различных отраслей права [1, с. 43] и, по сути, является комплексным правовым институтом. При этом правовое регулирование общественных отношений, возникающих в связи с объявлением розыска, весьма специфично. На уровне федеральных законов розыск только упоминает-

ся. Так, в ст. 210 УПК РФ говорится о том, что розыск объявляется следователем (дознавателем) и поручается органу дознания. В ст. 108 УПК РФ в достаточно своеобразной форме упоминает о видах розыска – указано, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу допускается в отсутствие обви-

няемого (подозреваемого) в случае его объявления в международный или межгосударственный розыск. Таким образом, уголовно-процессуальный закон содержит дифференциацию видов розыска по масштабу осуществления, но не всех, а только некоторых, и при этом не в норме, регламентирующей собственно объявление розыска, а в той, которая посвящена избранию наиболее строгой меры пресечения [2, с. 325]. Какие еще существуют виды розыска, УПК РФ не упоминает.

В федеральных законах «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О полиции» односложно закреплено, что одним из направлений деятельности оперативно-розыскных органов, в том числе полиции, является осуществление розыска (причем называются его виды по статусу разыскиваемых – розыск скрывшихся преступников (обвиняемых, подозреваемых), розыск без вести пропавших лиц и розыск неопознанных трупов, в то же время упоминание о видах розыска по его масштабу в названных законах отсутствует). Сразу оговоримся, что виды розыска по масштабу осуществления вообще не предусмотрены на уровне федерального закона и не упоминаются ни в одном нормативном акте указанного уровня [3, с. 15].

В то же время виды розыска по масштабу осуществления имеют важное правовое значение. Как отмечалось, именно проведение международного или межгосударственного розыска (и только этих видов) разрешает заочное избрание меры пресечения в виде заключения под стражу.

Применительно к розыску термин «масштаб осуществления» означает распространенность розыскных мероприятий на определенную территорию – в рамках Российской Федерации или также за ее пределами.

Виды розыска в зависимости от масштаба осуществления определяются в межведомственных подзаконных актах. До 2018 г. выделялись три вида розыска: а) местный, под которым вначале понимался розыск в пределах муниципального образования, однако затем местным стал считаться розыск в рамках субъекта Российской Федерации; б) федеральный, в ранних редакциях подзаконных актов именовавшийся всероссийским. Федеральный розыск объявлялся после местного розыска, а в наиболее серьезных ситуациях – минуя местный розыск; в) международный, осуществлявшийся на территориях нескольких государств [4, с. 78–80] посредством обращения к Интерполу [5, с. 101].

В настоящее время, начиная с 2018 г., существуют три вида розыска: а) федеральный, то есть на всей территории Российской Федерации; б) межгосударственный, то есть в рамках стран – участниц СНГ; в) международный, то есть за пределами Российской Федерации и СНГ [6, с. 134–135].

Таким образом, местный розыск в настоящее время упразднен. Справедливо отмечалось, что задействие применяющейся в рамках розыска сигнальной системы эффективно только в общена-

циональном масштабе, а ее использование на территории одного субъекта Российской Федерации, и тем более одного муниципального образования, не позволяет достичь целей розыска.

Вместе с тем действующий межведомственный нормативный акт, регламентирующий организацию и осуществление розыска, предусматривает специфический период, характеризующийся особенностями действий оперативно-розыскного органа: в течение 10 рабочих дней после получения необходимых документов из следственного подразделения оперативные сотрудники проводят мероприятия по установлению места нахождения объявляемого в розыск обвиняемого (подозреваемого), при этом розыскная деятельность осуществляется ими исключительно собственными силами, без задействования сигнальной системы и без подключения других территориальных органов внутренних дел [7, с. 85–87]. Очевидно, что такой «неотложный розыск» [8, с. 113–114], «предварительный розыск», «розыск до розыска» призван обеспечить быстрое реагирование на информацию о том, что обвиняемый (подозреваемый) скрылся от предварительного расследования [9, с. 225–227]. В случае оперативной реализации соответствующих мероприятий местоположение скрывающегося лица может быть установлено силами сотрудников розыскного подразделения, и официальное объявление розыска не понадобится. Если же усилия по нахождению обвиняемого (подозреваемого) не принесут результатов, необходимо будет задействовать сигнальную систему в федеральном масштабе, на всей территории Российской Федерации.

Следует отметить, что нормативная регламентация названного «предварительного розыска» практически отсутствует в том смысле, что в межведомственных актах не указано, какие конкретно мероприятия по установлению места нахождения обвиняемого (подозреваемого) должны проводиться. По смыслу остальных положений данных нормативных актов, каких-либо ограничений на производство соответствующих мероприятий не имеется. Допустимо запрашивать любые учреждения, в которых так или иначе может иметься информация о месте нахождения скрывающегося лица (например, бюро регистрации несчастных случаев, медицинские организации, органы социального обеспечения, телефонные компании и т. п.).

Очевидно, что ограничения предусматриваются не по количеству, объему и видам проводимых мероприятий, а только по масштабу их осуществления – они должны производиться без задействования сигнальной системы, а следовательно, без официального подключения к розыскной деятельности других территориальных органов внутренних дел. Иными словами, все отмеченные мероприятия могут осуществляться исключительно силами сотрудников того розыскного подразделения, в которое поступило решение органа предварительного расследования об объявлении розыска обвиняемого (подозревае-

мого). Фактически такая деятельность производится в пределах муниципального образования, где дислоцирован соответствующий орган внутренних дел, или, в крайнем случае, – на территориях нескольких близлежащих муниципальных образований. Иной масштаб невозможен из-за отсутствия у сотрудников розыскного подразделения компетенции и фактических сил и средств.

В силу указанных факторов среди практиков названная деятельность, предшествующая официальному объявлению розыска, иногда стала именоваться «местным розыском». Такое название вполне применимо, если учитывать его условность. Как отмечалось, местный розыск действующими нормативными актами не предусмотрен, в случае необходимости сразу объявляется федеральный розыск. Однако если понимать «местный розыск» как выполнение розыскных мероприятий силами исключительно сотрудников одного розыскного подразделения, без задействования сигнальной системы и других оперативно-розыскных органов, то такая деятельность (официально не называемая «местным розыском») объективно существует и, по сути, прямо предусмотрена межведомственными нормативными актами. Безусловно, термин «местный розыск» в рассматриваемом контексте употребляется исключительно как условный, его использование призвано только подчеркнуть наличие и особенности соответствующего этапа взаимодействия оперативного и следственных подразделений. При этом еще раз подчеркнем, что нет никаких оснований выделять местный розыск как официальный, нормативно закрепленный вид розыска скрывшихся обвиняемых (подозреваемых).

Сама рассматриваемая терминологическая проблема как таковая возникла в силу того, что межведомственные акты, предусмотрев специфический и весьма эффективный в практическом плане этап осуществления розыскной деятельности, не закрепили для этого этапа удобного и лаконичного названия, в силу чего теории и практики вынуждены использовать неофициальные и весьма спорные обозначения для наименования этого этапа.

Очевидно, что с учетом принципиальной содержательной позиции межведомственного нормотворчества, отказавшегося от самой идеи местного розыска, осуществляемого в пределах субъекта Российской Федерации или, тем более, одного муниципального образования, использование наименования «местный розыск» некорректно. Более правильно применять в научной литературе, а возможно, и в тексте межведомственных нормативных актов, термин «предварительный розыск», верно раскрывающий смысл фактически производимой деятельности и при этом достаточно правильный с формально-грамматической точки зрения.

Библиографический список

1. Елесина И. Г., Воронов А. С., Елесина Е. А. Проблемы регулирования розыска и этапирования лиц,

скрывающихся от органов следствия и суда // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72-6. С. 43–46.

2. Танечник Ю. С. Понятие розыска в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9 (160). С. 325–327.

3. Стельмах В. Ю. Процессуальные аспекты розыска подозреваемого и обвиняемого // Российский следователь. 2016. № 10. С. 15–18.

4. Стельмах В. Ю. Дознание в органах внутренних дел: курс лекций. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2015. 262 с.

5. Лошакова Н. Е. Международный розыск лиц, обвиняемых в совершении преступлений, по каналам Интерпола: практика и проблемы // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 3 (35). С. 101–104.

6. Стельмах В. Ю. Дознание в органах внутренних дел: учебное пособие: в 2 т. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021. Т. 2. 259 с.

7. Стельмах В. Ю. Приостановление и возобновление предварительного расследования. Процессуальный порядок объявления розыска подозреваемого (обвиняемого): учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2020. 148 с.

8. Шляхова Ю. В., Нариманова Н. Р., Цедрик В. А. Сущность, особенности и специфические признаки неотложного розыска, применяемого в розыскной деятельности // Финансовая экономика. 2020. № 2. С. 113–115.

9. Линевиц Я. В., Рябцев А. М. К вопросу о взаимодействии следователей с подразделениями уголовного розыска на стадии предварительного расследования // Государственная служба и кадры. 2023. № 2. С. 225–227.

References

1. Elesina I. G., Voronov A. S., Elesina E. A. Problems of regulation of the search and staging of persons hiding from the investigation and court authorities // Trends in the development of science and education. 2021. No. 72-6. Pp. 43–46.

2. Tanechnik Yu. S. The concept of search in criminal proceedings // Eurasian Law Journal. 2021. No. 9 (160). Pp. 325–327.

3. Stelmakh V. Yu. Procedural aspects of the search for the suspect and the accused // Russian investigator. 2016. No. 10. Pp. 15–18.

4. Stelmakh V. Yu. Inquiry in the internal affairs bodies: a course of lectures. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 262 p.

5. Loshakova N. E. International search for persons accused of committing crimes through Interpol channels: practice and problems // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3 (35). Pp. 101–104.

6. Stelmakh V. Yu. Inquiry in the internal affairs bodies: textbook: in 2 vol. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. Vol. 2. 259 p.

7. Stelmakh V. Yu. Suspension and resumption of the preliminary investigation. The procedural procedure for declaring a search for a suspect (accused): a textbook. 2nd ed., reprint. and add. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 148 p.

8. Shlyakhova Yu. V., Narimanova N. R., Tsedrik V. A. The essence, features and specific signs of an urgent search used in investigative activities // Financial Economics. 2020. No. 2. Pp. 113–115.

9. Linevich Ya. V., Ryabtsev A. M. On the issue of interaction of investigators with criminal investigation units at the stage of preliminary investigation // Civil service and personnel. 2023. No. 2. Pp. 225–227.

Информация об авторе

Титов Павел М. – кандидат юридических наук

Information about the author

Titov Pavel M. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 09.11.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 09.11.2023; accepted for publication 15.03.2024

Актуальные проблемы правовой регламентации сроков рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе

Черкасова Анастасия Максимовна
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Nastye4a@mail.ru

Аннотация. Право на заявление ходатайства является одной из ключевых гарантий как обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства, так и осуществления эффективного правосудия посредством достижения целей уголовного процесса. Статья посвящена проблемным вопросам правового регулирования порядка исчисления сроков заявления, рассмотрения, разрешения ходатайств в уголовном судопроизводстве России в соответствии с нормами ст. 121, 159, 271 УПК РФ. Автор анализирует особенности реализации указанных норм в судебно-следственной практике. Указывается на основные нарушения прав и свобод участников уголовного судопроизводства, связанные с несвоевременным рассмотрением и разрешением данных ходатайств или оставлением их без рассмотрения уполномоченными субъектами процесса. Такие нарушения приводят к затягиванию сроков уголовного судопроизводства, несоблюдению принципа законности и принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Автор акцентирует внимание на несовершенстве ст. 122 УПК РФ, в которой не урегулированы ни процессуальная форма, ни конкретные сроки-гарантии доведения информации о принятом решении по ходатайству заинтересованного участника процесса. Высказаны и обоснованы предложения и рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального закона, состоящие в дополнении и изменении гл. 15 УПК РФ; отмечены проблемные вопросы, требующие разъяснений Верховным Судом Российской Федерации в Пленуме от 19 декабря 2017 г. № 51.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный срок, ходатайство, процессуальные гарантии, сроки-моменты, немедленно, жалобы, нарушение прав, уведомление

Для цитирования: Черкасова А. М. Актуальные проблемы правовой регламентации сроков рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 41–47.

Original article

Actual problems of legal regulation of terms for consideration and resolution of petitions in criminal proceedings

Cherkasova Anastasia M.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
Nastye4a@mail.ru

Abstract. The right to make a statement is one of the most important guarantees, such as ensuring the rights and freedoms of participants in criminal proceedings, as well as the implementation of effective justice through achieving the goals of the criminal process. The article is devoted to problematic issues of legal regulation of the procedure for calculating the deadlines for applications, consideration, and resolution of petitions in criminal proceedings in Russia in accordance with the provisions of Art. 121, 159, 271 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The author analyzes the features of the implementation of these norms in forensic investigative practice. The main violations of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings associated with untimely consideration and resolution of these petitions or leaving them without consideration by authorized subjects of the process are indicated. Such violations lead to delays in criminal proceedings, non-compliance with the principle of legality and the principle of a reasonable period of criminal proceedings. The author focuses on the imperfections of Art. 122

of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which does not regulate either the procedural form or specific guarantees for communicating information about the decision made at the request of an interested participant in the process. As a result, proposals and recommendations for improving the criminal procedure law were made and justified, consisting of adding and amending Chapter. 15 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; problematic issues requiring clarification by the Supreme Court of the Russian Federation in the Plenum of December 19, 2017 No. 51 were noted.

Keywords: criminal procedural term, petition, procedural guarantees, timing-moments, immediately, complaints, violation of rights, notification

For citation: Cherkasova A. M. Actual problems of legal regulation of terms for consideration and resolution of petitions in criminal proceedings // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 41–47.

Своевременное, всестороннее и полное рассмотрение и разрешение ходатайства уполномоченными субъектами процесса обеспечивает и гарантирует соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства, имеет ключевое значение для эффективного осуществления правосудия. Право лица на заявление ходатайства является одной из наиболее значимых составляющих обеспечения системы гарантий в уголовном процессе. Такая возможность позволяет заинтересованным лицам реализовать право на защиту своих прав и интересов, а также вносить предложения и доводы, которые могут повлиять на ход рассмотрения дела.

Общие правила и срок заявления, рассмотрения, разрешения ходатайств закреплены в гл. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹. Примечательно, что ст. 121 УПК РФ, регламентирующая сроки рассмотрения ходатайства, содержит специфическую конструкцию: первое предложение в данной норме содержит предписание, устанавливающее общий срок рассмотрения и разрешения ходатайства на всех стадиях уголовного судопроизводства; второе предложение посвящено срокам рассмотрения и разрешения ходатайств на стадии предварительного расследования.

Общий срок рассмотрения и разрешения ходатайства законодатель обозначает сроком-моментом, выраженным наречием «непосредственно», что означает «следующий сразу за кем-либо или чем-либо, без промежуточных звеньев» [1, с. 521; 2, с. 584; 3]. Указанное означает, что уполномоченное лицо обязано безотлагательно принять решение по заявленному ходатайству участника уголовного судопроизводства (в устной или письменной форме) и в случае удовлетворения ходатайства осуществить необходимые процессуальные действия. Максимальный срок рассмотрения и разрешения ходатайства на стадии предварительного расследования составляет 3 суток, если немедленное принятие решения по нему невозможно. Такой срок обусловлен необходимостью проведения следственных или иных процессуальных

действий, истребования дополнительных материалов по делу.

Наряду с общим правилом, определяющим сроки рассмотрения и разрешения ходатайства, в уголовно-процессуальном законе закреплены сроки исключения. Они увеличивают или сокращают общий срок в конкретной, обозначенной законом ситуации. Примеры указанных временных рамок изобразим на рис. 1.

Несмотря на установленные законом сроки института ходатайства, в правоприменительной практике распространены случаи ограничения (нарушения) прав и свобод граждан, связанные с несвоевременным рассмотрением и разрешением ходатайства. Почему так происходит: из-за невнимательности правоприменителей, неверного толкования уголовно-процессуального закона либо в силу осознанного его игнорирования субъектами процесса?

Законодатель, закрепляя принцип законности при производстве по уголовному делу, обращает внимание правоприменителей на то, что решения (постановления и определения), принимаемые сотрудниками предварительного расследования, прокурором, судьей, должны быть «законными, обоснованными и мотивированными» (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих постановлений также указывает: «Ст. 121 УПК РФ, закрепляющая правило о рассмотрении и разрешении ходатайства непосредственно после его заявления... применяется в нормативном единстве с ч. 4 ст. 7 этого Кодекса, в силу которой решения следователя должны быть законными, обоснованными и мотивированными»². Указанное означает, что следователь, дознаватель, суд должны принимать решение по ходатайству незамедлительно, срок ответа может быть увеличен в связи с выполнением процессуальных действий, которые необходимы для его правильного разрешения.

¹ Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2010 г. № 461-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Комягина Михаила Михайловича на нарушение его конституционных прав п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 50, ст. 121 и ч. 2 ст. 189 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант-Плюс: сайт.

ходатайство об изменении территориальной подсудности уголовного дела по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 35 УПК РФ, рассматривается судьей:

- до 10 суток со дня поступления ходатайства
(ч. 3 ст. 35 УПК РФ)

ходатайство об изменении территориальной подсудности уголовного дела по основаниям, предусмотренным частью 4 статьи 35 УПК РФ, рассматривается судьей:

- до 15 суток со дня поступления ходатайства
(ч. 5 ст. 35 УПК РФ)

ходатайство о продлении срока содержания под стражей должно быть представлено в суд... по месту производства предварительного расследования либо месту содержания обвиняемого под стражей:

- не позднее чем за 7 суток до его истечения
(ч. 8 ст. 109 УПК РФ)

ходатайство о продлении срока наложения ареста на имущество рассматривается судьей (в порядке ст. 165 УПК РФ):

- не позднее 5 суток со дня его получения
(ч. 3 ст. 115.1 УПК РФ)

поступившее от подозреваемого ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме подлежит рассмотрению дознавателем в срок:

- не более 24 часов с момента его поступления
(ч. 3 ст. 226.4 УПК РФ)

по уголовному делу с апелляционными жалобой, представлением на промежуточное судебное решение суд рассматривает ходатайства об исследовании материалов дела и (или) представленных сторонами дополнительных материалов:

- после выступления сторон
(ч. 4.1 ст. 389.13 УПК РФ)

по уголовному делу с апелляционными жалобой, представлением на приговор или иное итоговое решение суд рассматривает ходатайства об исследовании доказательств, которые исследованы судом первой инстанции:

- после выступления сторон
(ч. 4.2 ст. 389.13 УПК РФ)

ходатайство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа рассматривается судьей :

- не позднее 10 суток со дня поступления ходатайства в суд
(ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ)

Рис. 1. Сроки исключения рассмотрения и разрешения ходатайств

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что судьи, рассматривая и разрешая ходатайства, не учитывают положения ст. 120–121 УПК РФ, несвоевременно осуществляя процессуальные действия или принимая решения, нарушают принцип законности и разумного срока и ограничивают в правах и свободах участников уголовного процесса.

Судьи, не принимая во внимание правовые положения ст. 120–121 УПК РФ, откладывают рассмотрение ходатайства «на потом», иногда до момента принятия итогового решения по делу. Приведем несколько примеров из правоприменительной практики неправомерного затягивания сроков рассмотрения и разрешения ходатайств судьями.

1. Гражданин К. в апелляционном порядке обжаловал решение Верховного Суда Республики Коми в связи с несвоевременным рассмотрением судом ходатайства о прекращении уголовного преследования (решение по ходатайству было принято через 10 с лишним месяцев с момента его заявления). Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ), рассматривая обозначенную жалобу, указал: «период времени, в течение которого ходатайство не разрешалось, на законность принятого решения... не влияет»¹.

2. Адвокатом Ш. в порядке ст. 75, 235 УПК РФ заявлено ходатайство 1 марта 2019 г. Приволжским окружным военным судом оно разрешено 19 марта 2019 г., что является нарушением требований ст. 119–122 УПК РФ. Рассматривая дело в апелляционном порядке, ВС РФ пришел к выводу о том, что у суда есть право не рассматривать ходатайство непосредственно, он может отложить его разрешение на более поздний срок. Также ВС РФ отмечает, что «закон не обязывает суд принимать решение по каждому ходатайству незамедлительно», а трехдневный срок рассмотрения и разрешения ходатайства применим только к стадии предварительного расследования².

3. Гражданином А. заявлена кассационная жалоба в связи с несвоевременным разрешением судом апелляционной инстанции ходатайств стороны защиты, что нарушило требования ст. 121 УПК РФ и ограничило обвиняемого А. в правах. ВС РФ высказал следующую позицию: «ст. 121 и 271 УПК РФ не обязывают суд принимать решение по каждому ходатайству немедленно после его заявления, а установленный ст. 121 УПК РФ предельный срок разрешения ходатайств распространяется только на стадию предварительного расследования, но не рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции»³.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2020 г. № 3-АПУ19-10 // КонсультантПлюс: сайт.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 223-АПУ20-2 // КонсультантПлюс: сайт.

³ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2022 г. № 222-УД22-57-А6 // КонсультантПлюс:

4. Адвокатом А. заявлена апелляционная жалоба в связи с нерассмотрением судом ходатайства о признании доказательств недопустимыми. Судебная коллегия ВС РФ отметила, что «суд вправе рассмотрение определенного рода ходатайств сторон, не связанных с кругом участников судебного разбирательства и движением дела, истребованием или исключением доказательств, отложить на более позднее время, не разрешая их по существу сразу же после заявления, и закон не обязывает суд принимать решение по таким ходатайствам незамедлительно, тем более по ходатайству о признании доказательства недопустимым...»⁴.

Обозначенная правовая позиция суда противоречит законодательным положениям, закрепляющим институт ходатайства (гл. 15 УПК РФ). Судьи игнорируют положения ст. 120–121 УПК РФ, не рассматривая и разрешая ходатайства в срок, установленный законодателем (непосредственно); утверждают, что обозначенные правовые нормы распространяются только на принятие решения по ходатайству на стадии предварительного расследования.

В судебно-следственной практике существует и противоположная правовая позиция ВС РФ: при рассмотрении дел в кассационном порядке высший судебный орган обратил внимание нижестоящего суда на то, что ходатайство должно быть рассмотрено и разрешено непосредственно после его заявления и оставление его без удовлетворения по мотиву преждевременности незаконно⁵.

Среди судебного сообщества распространена практика не только несвоевременного рассмотрения заявленных ходатайств, но и полного их игнорирования в нарушение ст. 122, 271 УПК РФ, что приводит к ограничению прав и свобод граждан. Например, гражданином М. в апелляционном порядке обжаловалась законность принятого решения Ставропольским краевым судом, а именно нерассмотрение ходатайства адвоката Г. и подсудимого М. Уголовное дело рассматривалось с участием присяжных заседателей. По окончании исследования доказательств председательствующим был сформирован вопросный лист (ст. 338 УПК РФ), вручен сторонам и объявлен 20-минутный перерыв, до 20 часов 25 минут. После перерыва адвокатом Г. и подсудимым М. было заявлено ходатайство об объявлении перерыва в судебном заседании для подготовки письменных замечаний и формулирования новых вопросов (вопросный лист состоял

сайт.

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2019 г. № 224-АПУ19-7 // КонсультантПлюс: сайт.

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2006 г. № 65-о06-2 // КонсультантПлюс: сайт.; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2009 г. № 56-О08-79сп // КонсультантПлюс: сайт.

из 29 вопросов, изложенных на 16 листах печатного текста). Судья, не приняв решения по ходатайству адвоката Г. и подсудимого М., выйдя из совещательной комнаты в 22 часа 10 минут, огласил постановление об утверждении вопросного листа в окончательной редакции. Таким образом, председательствующий, нарушив требования ст. 121 УПК РФ, проигнорировал ходатайство стороны защиты о предоставлении ей дополнительного времени для подготовки замечаний к вопросному листу. Нарушение закона стало причиной отмены приговора Ставропольского краевого суда и передачи уголовного дела на новое судебное разбирательство¹.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что при заявлении ходатайства участниками уголовного процесса судьи принимают решение, не предусмотренное законом, выходя за рамки правового поля, – оставляют ходатайства без рассмотрения. Подтвердим указанный тезис примерами из судебной практики.

ВС РФ отменил приговор Краснодарского краевого суда в связи с нарушением права гражданина С. ходатайствовать о рассмотрении его дела с участием присяжных заседателей. 15 июня 2015 г. в ходе проведения судебного заседания по вопросу о мере пресечения обвиняемым С. заявлено ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей до назначения судебного разбирательства по существу дела. Судья, проигнорировав положения ч. 1 ст. 120 УПК РФ, постановил: «Ходатайство С., как заявленное на ненадлежащей стадии судебного разбирательства, оставить без рассмотрения»².

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 120 УПК РФ, п. 1 ч. 5 ст. 231 УПК РФ обвиняемый имеет право заявить ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей как при ознакомлении с материалами уголовного дела (ч. 5 ст. 217 УПК РФ), так и на предварительном слушании, до вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания по существу дела (ч. 5 ст. 231 УПК РФ). Кроме того, что судья не рассмотрел заявленное обвиняемым ходатайство, он принял решение, которое не предусмотрено действующим уголовно-процессуальным законом: судье не предоставлено право оставить ходатайство без рассмотрения. В соответствии со ст. 122 и ч. 2 ст. 271 УПК РФ, разрешая ходатайство, уполномоченное лицо выносит исчерпывающий перечень решений: «об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении».

Осужденный И., обжалуя приговор Приморского краевого суда в апелляционном порядке, оспаривал незаконное оставление без рассмотрения заявленных им ходатайств. ВС РФ, отвечая на жалобу

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2018 г. № 19-АПУ18-15СП // КонсультантПлюс: сайт.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2016 г. № 18-АПУ16-2 // КонсультантПлюс: сайт.

гражданина И., указал: «...сторона защиты заявляет многочисленные отводы по одним и тем же основаниям... председательствующий обоснованно пришел к выводу о злоупотреблении участниками судопроизводства своими процессуальными правами и принял решение *оставить такие ходатайства об отводе без рассмотрения*»³.

В описанном примере согласимся с доводом суда о том, что повторные заявления об отводе тем же лицом и по тем же основаниям не допускаются (ч. 3 ст. 62 УПК РФ). Однако действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрено положение о принятии решения об оставлении ходатайства без рассмотрения. В подобных случаях суду необходимо вынести мотивированное определение о полном отказе в удовлетворении ходатайства.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что принятие решения об оставлении ходатайства без рассмотрения не является единичным случаем. В данной связи, с целью недопущения нарушения конституционного права лица на защиту, необходимо реализовать один из предложенных вариантов:

1. Внести соответствующие дополнения в ст. 122, 159, 271 УПК РФ о том, что уполномоченные лица принимают решения об оставлении ходатайства без рассмотрения. Однако это создаст «лазейку» для правоприменителей и может привести к злоупотреблению правами уполномоченными субъектами.

2. ВС РФ дать разъяснение о том, что уполномоченные субъекты не вправе оставлять ходатайства без рассмотрения и обязаны вынести одно из решений, предусмотренных законом. На наш взгляд, данный вариант целесообразнее, поскольку для принятия любого решения (об удовлетворении, отказе или оставлении без рассмотрения) уполномоченное лицо затратит время на рассмотрение ходатайства и составление по его результатам постановления или определения, в связи с чем нет необходимости добавлять еще один вид решений по ходатайствам.

Многочисленные жалобы на нарушения сроков принимаемых действий по ходатайству поступают и в адрес следователя (дознателя). Правоприменители, отступая от требований УПК РФ, пользуются «обтекаемой» формулировкой закона, позволяющей принять решение по ходатайству в течение 3 суток при «невозможности» немедленного его рассмотрения. На практике сотрудники органов предварительного расследования решения могут принимать и в более продолжительное время (в течение нескольких недель, месяцев). При этом в постановлении об удовлетворении либо о полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайства указывать «законную» дату [4, с. 276; 5, с. 369; 6].

Кроме того, уполномоченные субъекты могут вообще не реагировать на ходатайства участников судопроизводства.

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г. № 56-АПУ15-20СП // КонсультантПлюс: сайт.

производства. Например, в ходе предварительного расследования адвокатом В. заявлено следователю 2 письменных ходатайства на трех листах о проведении следственных действий. В материалах дела сами ходатайства и принятые по ним процессуальные решения отсутствовали. Бездействие следователя, выраженное в существенном нарушении уголовно-процессуального закона, стало основанием для возвращения уголовного дела из суда прокурору¹.

Акцентируем также внимание на срок и порядок доведения информации о принятом решении до лица, заявившего ходатайства. В ст. 122 УПК РФ существует «лазейка» для правоприменителей: законодателем указано только то, что постановление или определение «доводится до сведения лица». В законе не закреплена ни процессуальная форма (письменно, устно, электронно...), ни конкретный срок уведомления лица о принятом решении по ходатайству. Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание, что заявитель должен быть уведомлен о результатах принятого решения по рассмотренному ходатайству в возможно короткий срок для того, чтобы иметь возможность реализовать свое право на обжалование принятого решения в соответствии со ст. 122 УПК РФ². С целью недопущения ограничения в правах участников уголовного процесса ст. 122 УПК РФ необходимо дополнить положением о том, что копия решения по разрешению ходатайства направляется лицу, его заявившему, незамедлительно (при этом ему должны быть разъяснены мотивы принятого решения, объяснен порядок обжалования [7, с. 169]).

Таким образом, анализ судебной практики свидетельствует о толковании закона судьями, следователями, дознавателями, которые, игнорируя положения ст. 121, 159, 271 УПК РФ, не соблюдают сроки рассмотрения и разрешения ходатайства, тем самым нарушая права и свободы участников уголовного судопроизводства. Считаю необходимым внести дополнения в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» о том, что каждое ходатайство рассматривается и разрешается судом незамедлительно³, Верховному Суду РФ дать

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 21 сентября 2017 г. № 10-15240/2017 // КонсультантПлюс: сайт.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2010 г. № 494-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кармановой Ирины Николаевны и Комягина Михаила Михайловича на нарушение их конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

разъяснение о том, что уполномоченные субъекты не вправе оставлять ходатайства без рассмотрения и обязаны вынести решение, предусмотренное законом. Целесообразно также внести изменения в ст. 122 УПК РФ, дополнив ее нормами о процессуальной форме и сроках уведомления лица о принятом решении по заявленному им ходатайству уполномоченным лицом.

Обозначенные новации будут способствовать созданию эффективных средств правовой защиты участников уголовного судопроизводства, гарантирующих своевременную реализацию прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. 1200 с.
2. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. 520 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 17.10.2023).
4. Чурилов Ю. Ю. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: самый простой и понятный комментарий. 4-е изд. с материалами новейшей практики высших судов РФ и судов общей юрисдикции. М.: Эксмо, 2023. 880 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. и науч. ред. А. В. Гриненко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 1280 с.
6. Жалобы на бездействие следователя из-за несоблюдения законных сроков рассмотрения ходатайств: возможность получения решения суда. URL: <https://www.9111.ru/questions/5406125/> (дата обращения: 01.11.2023).
7. Зебницкая А. К. Ходатайства на стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 215 с.

References

1. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language: Ok. 53,000 words / ed. by L. I. Skvortsova. 24 h ed., rev. M.: Onyx Publ, World and Education Publ, 2007. 1200 p.
2. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes. V. 2 / ed. by D. Ushakov. M.: TERRA Publ, 1996. 520 p.
3. Efremova T. F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative. M.: Rus. lang., 2000. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (date of access: 10/17/2023).
4. Churilov Yu. Yu. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the simplest and most understandable commentary. 4h edition with materials from the latest practice of the highest courts of the Russian Federation and courts of general jurisdiction. M.: EksmoPubl, 2023. 880 p.

5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: scientific and practical commentary / ed. by and scientific ed. A. V. Grinenko. 2 h ed., rev. and add. M.: ProspektPubl, 2023. 1280 p.

6. Complaints about the inaction of the investigator due to failure to comply with the legal deadlines for consideration of petitions: the possibility of obtaining a court decision. URL: <https://www.9111.ru/questions/5406125/> (date of access: 11/01/2023).

7. Zebnitskaya A. K. Petitions at the stage of initiating a criminal case: Dis. ... cand. of legal sciences. M., 2018. 215 p.

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 08.12.2023; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 15.03.2024

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Научная статья
УДК 342

Взаимодействие органов здравоохранения, прокуратуры и органов внутренних дел по прекращению права управления транспортными средствами

Борноволоков Павел Андреевич
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, bpa07@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики рассмотрены некоторые аспекты взаимодействия органов здравоохранения, прокуратуры и органов внутренних дел по прекращению права управления транспортными средствами, выявлены проблемы и предложены пути их решения, в частности предложены изменения в законодательство Российской Федерации в указанной сфере. Также автором обращено внимание на комплексный характер обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: взаимодействие органов исполнительной власти, безопасность дорожного движения, право управления транспортными средствами, полномочия органов внутренних дел, здравоохранения, прокуратуры, медицинские противопоказания к управлению транспортными средствами

Для цитирования: Борноволоков П. А. Взаимодействие органов здравоохранения, прокуратуры и органов внутренних дел по прекращению права управления транспортными средствами // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 48–53.

Original article

Interaction of health authorities, prosecutor's office and internal affairs bodies on termination of the right to drive vehicles

Bornovolokov Pavel A.
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, bpa07@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of current legislation and law enforcement practice, the article examines some aspects of the interaction of health authorities, prosecutors and internal affairs bodies to terminate the right to drive vehicles, identifies problems and suggests ways to solve them, in particular, proposed amendments to the legislation of the Russian Federation in this area. The author also drew attention to the complex nature of road safety.

Keywords: interaction of executive authorities, road safety, the right to drive vehicles, the powers of internal affairs, health, prosecutor's office, medical contraindications to driving vehicles

For citation: Bornovolokov P. A. Interaction of health authorities, prosecutor's office and internal affairs bodies on termination of the right to drive vehicles // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 48–53.

Право человека на свободу передвижения гарантировано Конституцией Российской Федерации. Однако на основании ст. 55 Конституции Российской Федерации права человека могут быть ограничены, но только в мере, необходимой в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны и безопасности нашего государства.

Также гражданским законодательством Российской Федерации предусмотрена возможность ограничения прав и свобод человека, если это может отрицательно отразиться на реализации законных прав и свобод иных людей, в том числе представлять угрозу для личности, общества и государства.

В законодательстве Российской Федерации (а именно в Гражданском кодексе РФ) транспортные средства рассматриваются как источники повышенной опасности, поэтому для допуска водителей к участию в дорожном движении, несомненно обоснованно, устанавливается специальный разрешительный правовой режим в целях охраны жизни, здоровья, имущества, индивидуальных и общественных интересов.

Уровень безопасности дорожного движения по-прежнему является для нашего государства одной из острых проблем, так как ежегодно в результате различных нарушений требований безопасности, правил, стандартов в области дорожного движения его участниками, иными лицами погибают тысячи человек, сотни тысяч получают травмы различной степени тяжести. В то же время высоким остается уровень латентности правонарушений (преступлений), связанных с безопасностью дорожного движения.

Объективно необходимым условием обеспечения прав в сфере дорожного движения является оптимизация различных сегментов деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения, а именно совершенствование правового регулирования соответствующих общественных отношений, осуществления государственного надзора в сфере безопасности дорожного движения и др. Государственные органы на постоянной основе рассматривают вопросы повышения эффективности обеспечения безопасности дорожного движения, разрабатываются концептуальные документы, проекты правовых актов, направленные на повышение результативности, эффективности деятельности в указанной сфере и в рамках осуществления государственного контроля (надзора) при одновременном снижении избыточного вмешательства государственных органов в деятельность граждан и организаций [1, с. 26].

Колесные транспортные средства представляют собой один из опасных видов транспортных средств. Обеспечение соблюдения, реализации правовых норм, стандартов и иных требований в сфере безопасности дорожного движения является одной из важнейших форм деятельности органов государственной власти в Российской Федерации. Безопас-

ность дорожного движения остается важнейшей социальной и экономической проблемой в Российской Федерации и во многих зарубежных государствах. Нарушения правил дорожного движения, аварийность, дорожно-транспортные происшествия на дорогах общего пользования, которые влекут материальный и моральный вред, вред здоровью, гибель людей, в результате наносят достаточно серьезный вред государству и обществу.

Так, в 2023 г. зарегистрировано 132 466 дорожно-транспортных происшествий (в 2022 г. – 126 705), погибли 14 504 человека (в 2022 г. – 14 172) и ранены 166 500 человек (в 2022 г. – 159 635)¹.

Поэтому указанная проблема не теряет своей актуальности и непосредственно влияет на национальную безопасность государства, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, соответственно, является одной из важнейших государственных задач.

В. В. Головкин и И. В. Слышалов подчеркивают, что безопасность дорожного движения достигается с помощью комплексного подхода к ее обеспечению и должна иметь четкую организационную структуру, определенную систему взаимодействия субъектов, наделенных соответствующими властными полномочиями. Решение проблемы повышения обеспечения уровня безопасности дорожного движения требует... в отношении водителей как одних из основных участников дорожного движения повышения эффективности правового воздействия на них [2, с. 4].

Высокий уровень причинения вреда здоровью, гибели людей на дорогах общего пользования заставляет задуматься о причинах, которые имеют разноплановый характер. Однако, несмотря на это, многие авторы публикаций, научных работ, посвященных данной проблематике, высказывают мнение, что одной из главных причин все-таки является «человеческий фактор».

Водитель – это основной, важнейший участник дорожного движения, и именно на него возлагается в наибольшей степени как моральная, так и юридическая ответственность за уровень безопасности дорожного движения. Необходимо подчеркнуть, что несоответствующее состояние водителя, в том числе опьянения различного характера, состояния психики, хронические заболевания, становятся причинами нарушений правил дорожного движения и иных вредных и даже опасных последствий. Проблема может заключаться в психофизиологическом состоянии, когда водитель не замечает зарождающуюся опасность, может субъективно завышать способности к управлению транспортным средством, не придавать должного значения замедлению реакции при управлении транспортным средством и т. д. Вождение транспортных средств в состоянии опьянения (различного характера) является одной из самых распространенных причин дорожно-транспортных происшествий во всем мире [3, с. 25].

¹ Официальный сайт ГИБДД Российской Федерации. URL: <http://stat.gibdd.ru>.

Употребление наркотических веществ, алкогольных напитков, лекарственных препаратов (веществ), используемых в немедицинских целях, заболевания различного характера, в том числе наркомания, алкоголизм, представляют опасность для здоровья людей и серьезную угрозу безопасности дорожного движения.

В указанном контексте представляет интерес Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2022 г. № 51-П (по делу о проверке конституционности примечания к ст. 12.8 КоАП РФ в связи с запросом Салехардского городского суда ЯНАО), в котором рассматривается вопрос о проверке конституционности примечания к ст. 12.8 КоАП РФ. Согласно материалам дела, гражданин Ш. управлял транспортным средством в ночное время и заехал на бордюр, в результате застрял на нем, так как сцепление колес с дорогой было утрачено. очевидцы события предложили ему помощь, но реакция гр. Ш. оказалась неадекватной, поэтому ими были вызваны сотрудники полиции. При освидетельствовании у гр. Ш. не было выявлено признаков опьянения (поза была устойчива, речь без нарушений и т. п.), но по результатам исследований в организме гр. Ш. были обнаружены медицинские препараты, а именно габапентин, нимесулид. Указанные препараты (вещества) могут оказывать влияние на психологические функции, вызывать нарушение сознания человека, а также координации движений. Конституционный Суд указал, что Правилами дорожного движения установлены определенные запреты, но данные действия не образуют в силу буквального смысла примечания к ст. 12.8 КоАП РФ состава указанного административного правонарушения, ведь законодательно определено наступление административной ответственности только за управление лицом, употреблявшим наркотические средства, алкогольные напитки или психотропные вещества. Это позволило заключить, что управление транспортным средством лицом, которое употребило лекарственные вещества (препараты), ухудшающие реакцию и внимание, но в то же время не вызывающие алкогольное, наркотическое или психотропное опьянение, не может повлечь ответственность за правонарушения, указанные в примечании к ст. 12.8 КоАП РФ.

Также отмечено, что отсутствует единая позиция по толкованию вышеуказанного положения Государственной Думой, Советом Федерации, полномочным представителем Президента России. Так, Государственная Дума считает примечание к ст. 12.8 КоАП РФ соответствующим Конституции нашего государства (в частности, если в инструкции непосредственно указано на наличие противопоказаний для управления транспортным средством). По мнению Совета Федерации, если водитель не соблюдает запрет на употребление иных вызывающих опьянение веществ, это означает нарушение требований (запретов) и, соответственно, предполагает наступление юридической ответственности. Полномочный представитель Пре-

зидента Российской Федерации считает, что наличие в организме «следов» лекарственных (рецептурных) препаратов, которые по инструкции могут ухудшить реакцию и внимание, но не влекут клинических признаков опьянения, не может служить основанием для привлечения к административной ответственности по вышеуказанной статье КоАП РФ, но в том случае, если они были назначены врачом (в установленном порядке).

Также в постановлении Конституционного Суда указано, что отсутствие в КоАП РФ правила, предусматривающего привлечение к административной ответственности за управление лицом, употребившим лекарственные препараты, могущие ухудшать или ухудшающие реакцию и внимание, значительно осложняет эффективность обеспечения безопасности дорожного движения. Но преодоление правового пробела в указанной ситуации с помощью расширительного толкования недопустимо.

Таким образом, Конституционный Суд указал на наличие пробела в конституционно-правовом регулировании отношений в сфере применения административной ответственности в таких ситуациях. В правоприменительной практике суды общей юрисдикции в большинстве случаев принимали решения о применении к указанным лицам мер административной ответственности, в том числе независимо от характера, степени общественной опасности (вредности) совершенных деяний¹. В результате Конституционный Суд признал примечание к ст. 12.8 КоАП РФ частично не соответствующим Конституции Российской Федерации.

Итак, тенденция относительно роста количества людей, погибших в дорожно-транспортных происшествиях с участием водителей в состоянии опьянения различного характера, кардинально не меняется. Решение вопроса реализации деятельности по применению предупредительных мер, мер государственного принуждения (в том числе юридической ответственности), которые обеспечивали бы эффективное функционирование системы допуска до участия в дорожном движении в качестве водителя, и что не менее важно, – исключения водителей, не соответствующих установленным законом требованиям, из участия в дорожном движении, представляет особое практическое значение.

Как справедливо отмечают К. С. Баканов, А. А. Бурцев, медицинские противопоказания (заболевания, состояния) являются основаниями прекращения права управления, поскольку такие водители создают угрозу всем участникам дорожного движения. Однако в настоящее время отсутствует действенный механизм выявления указанных медицинских противопоказаний. Среднестатистический водитель транспортного средства проходит обязательное медицинское освидетельствование только 1 раз в 10 лет

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2022 г. № 51-П // КонсультантПлюс: сайт. URL: www.consultant.ru.

(за редким исключением, например, в случае изменения фамилии и выдачи водительского удостоверения на новый срок), а именно при замене водительского удостоверения. Медицинский осмотр, который должны проходить только профессиональные водители, проводится не менее одного раза в два года. Порядок его осуществления и оформления медицинского заключения о наличии (отсутствии) у водителей и кандидатов в водители медицинских противопоказаний, ограничений к управлению транспортными средствами устанавливается Министерством здравоохранения Российской Федерации [4, с. 18].

Также следует согласиться с Ю. П. Крапивиной, которая отмечает, что предъявление прокурором административных исковых заявлений о прекращении права управления транспортными средствами у конкретных граждан является весьма актуальным в настоящее время и реализуется в соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, а указанные дела выделяются в отдельную категорию. В результате проведения прокурорских проверок и рассмотрения указанных дел вопрос решается не в сфере, связанной с административным правонарушением (проступком), а устанавливается возможность или невозможность участия административного ответчика (водителя) при наличии состояний (противопоказаний), которые могут препятствовать участию в правоотношениях, связанных с управлением транспортным средством [5, с. 10].

Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», а также постановлениями Правительства Российской Федерации, установлен специальный правовой режим, согласно которому водители транспортных средств должны соответствовать четко определенным требованиям (возраст, прохождение специального обучения в образовательной организации, состояние здоровья).

Водители, имеющие такие заболевания, как, например, алкоголизм и наркомания, представляют особую опасность во время управления транспортными средствами, причем таких случаев немало. Указанные заболевания входят в перечень медицинских противопоказаний к управлению транспортными средствами. В настоящее время в нашей стране имеются некоторые проблемы юридического и медицинского характера, преодолеть которые представляется возможным в рамках межведомственного взаимодействия по вопросам организации и внедрения новых профилактических методик, а также административно-предупредительных мер [4, с. 8].

Деятельность государственных органов, направленная на прекращение права управления транспортными средствами водителей, имеющих соответствующие медицинские противопоказания, осуществляется, однако необходимо её совершенствование, поскольку полностью законодательно не определены процедуры их взаимодействия по прекращению права управления.

Итак, становится ясным, что существует проблема эффективной реализации процедуры прекращения права управления транспортными средствами. В связи с этим рассмотрим, каким образом российское законодательство регламентирует указанную сферу отношений.

В Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» установлено, что к задачам данного закона относится охрана жизни, здоровья, имущества, защита прав и законных интересов граждан, защита интересов общества, государства путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, а также снижения тяжести их последствий. Указанным законом гарантируются права граждан на безопасные условия движения по дорогам общего пользования в Российской Федерации. При этом в нем специально оговорено, что реализация участниками дорожного движения своих прав не должна ограничивать или нарушать права других участников дорожного движения.

Важно подчеркнуть, что Конвенция о дорожном движении (заключена в г. Вене 8 ноября 1968 г.) устанавливает, что водитель должен обладать необходимыми физическими и психическими качествами, его физическое и умственное состояние должно предоставлять ему возможность безопасного управления транспортным средством.

Также в ст. 5 вышеуказанного Федерального закона содержатся правовые нормы, определяющие, что обеспечение безопасности дорожного движения осуществляется посредством проведения мероприятий комплексного характера по медицинскому обеспечению безопасности дорожного движения. Медицинскими противопоказаниями к управлению транспортными средствами являются заболевания, состояния, наличие которых препятствует возможности управления ими. В ст. 28 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» определен перечень оснований прекращения действия права на управление транспортными средствами, в том числе выявленных в результате обязательного медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний или ранее не выявившихся медицинских ограничений к управлению транспортными средствами в зависимости от их категорий, назначения, конструктивных характеристик.

Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 1604 утверждены перечни медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством, медицинских показаний к управлению транспортным средством, медицинских ограничений к управлению транспортным средством. Что касается перечня медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством, в него входят психические расстройства и расстройства поведения (при наличии хронических, затяжных психических расстройств с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями), болезни нервной системы, болезни глаза, его придаточного

аппарата, а также психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ (коды F10 – F16, F18, F19). Например, F10.2 – «синдром зависимости от алкоголя средней стадии», F15.1 – «пагубное употребление психостимуляторов».

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» прямо не регулирует полномочия государственных органов в сфере охраны здоровья, их взаимодействие с иными органами государственной власти по указанным вопросам. Так, только в ст. 13 закреплено, что предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина (его законного представителя) допускается по запросу органов дознания, следствия, суда в связи с проведением расследования, судебным разбирательством, по запросу органов прокуратуры в связи с осуществлением прокурорского надзора (в нашем случае – проведением проверок в области безопасности дорожного движения).

Также Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ст. 12) на полицию возлагается только обязанность оказывать содействие органам здравоохранения, а именно доставлять в медицинские организации по решению суда лиц, уклоняющихся от явки по вызову в указанные организации; участвовать совместно с органами здравоохранения в наблюдении за лицами, страдающими психическими расстройствами, больными алкоголизмом, наркоманией, представляющими опасность для окружающих граждан, в целях предупреждения совершения противоправных деяний.

Согласно ст. 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации прокурор обращается в суд с административным иском заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, а также неопределенного круга лиц, в том числе по вопросам прекращения права управления транспортными средствами.

В настоящее время на практике механизм взаимодействия по реализации процедуры прекращения права управления не совсем эффективен, в большинстве случаев осуществляется на основе межведомственных соглашений (они могут быть заключены не во всех регионах).

Например, сотрудники полиции (в частности, подразделений ГИБДД) в процессе служебной деятельности выявляют (получают информацию) лиц, имеющих противопоказания (признаки противопоказаний) к управлению транспортными средствами, направляют информацию (запросы) в органы государственной власти в сфере охраны здоровья, также периодически органы здравоохранения направляют запросы о наличии у лиц с медицинскими противопоказаниями водительских удостоверений. Периодически осуществляются взаимные «сверки» с органами здравоохранения с целью выявления водителей, имеющих противопоказания к управлению транспортными

средствами. Органы здравоохранения направляют сведения об указанных лицах в органы прокуратуры. Сотрудники прокуратуры в рамках надзора за исполнением законодательства о безопасности дорожного движения проводят проверки, в том числе достоверность поступившей информации, и при наличии оснований обращаются в суды общей юрисдикции с административными исковыми заявлениями по прекращению управления транспортными средствами в отношении конкретных лиц.

Временные периоды в указанных случаях могут быть неопределенно длительными, и достаточно продолжительное время лица (с медицинскими противопоказаниями) могут управлять транспортными средствами (в частности, страдающие алкоголизмом и наркоманией).

Таким образом, поскольку обязательным условием обеспечения безопасности дорожного движения является правовое регулирование деятельности участников дорожного движения, должностных лиц, государственных органов, представляется необходимым законодательно (в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») закрепить следующие полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья:

- формировать реестр лиц, имеющих противопоказания к управлению транспортными средствами,
- ежемесячно направлять межведомственные запросы в подразделения ГИБДД МВД России с целью получения информации о наличии действующих водительских удостоверений и предоставлять в органы прокуратуры для последующей реализации процедуры прекращения права управления транспортными средствами согласно Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации.

Представляется, что реализация указанного предложения путем его законодательного закрепления и последующего внедрения в правоприменительную практику обеспечит эффективное взаимодействие органов здравоохранения, прокуратуры и органов внутренних дел в сфере прекращения права управления транспортными средствами.

Библиографический список

1. Антонов С. Н. Федеральный государственный надзор в области безопасности дорожного движения: проблемы нормативного правового регулирования // Административное право и процесс. 2017. № 1. С. 25–30.
2. Головки В. В., Слышалов И. В. Административная деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2017. 272 с.
3. Былинин И. А. К вопросу применения федерального государственного надзора в области обеспечения безопасности дорожного движения при соблюдении требований участниками дорожного движения

по делам об административных правонарушениях и применения наказания // Транспортное право. 2019. № 1. С. 23–27.

4. Баканов К. С., Бурцев А. А. Предупреждение фактов управления транспортным средством в состоянии опьянения на этапах получения, приостановления, прекращения и возобновления права на управление транспортным средством: монография. М.: НЦ БДД МВД России, 2021. 150 с.

5. Крапивина Ю. П. Административные иски о прекращении действия права гражданина на управление транспортными средствами // Законность. 2020. № 9. С. 9–12.

References

1. Antonov S. N. Federal state supervision in the field of road safety: problems of regulatory legal regulation // Administrative law and process. 2017. No. 1. Pp. 25–30.

2. Golovko V. V., Slyshalov I. V. Administrative activity of the State Road Safety Inspectorate: monograph. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 272 p.

3. Bylinin I. A. On the issue of the application of federal state supervision in the field of road safety in compliance with the requirements of road users in cases of administrative offenses and the application of punishment // Transport law. 2019. No. 1. Pp. 23–27.

4. Bakanov K. S., Burtsev A. A. Prevention of facts of driving a vehicle while intoxicated on stages of obtaining, suspending, terminating and resuming the right to drive a vehicle: monograph. M.: NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 150 p.

5. Krapivina Yu. P. Administrative statements of claim of the prosecutor on termination of the citizen's right to drive vehicles // Legality. 2020. No. 9. Pp. 9–12.

Информация об авторе

Борноволоков Павел Андреевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Bornovolokov Pavel A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 15.03.2024

Научная статья
УДК 342

Защита отдельных элементов специального правового статуса сотрудника полиции в Республике Казахстан

Ладыгина Оксана Александровна
Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, Караганда,
Республика Казахстан, o.ladygina@kpa.gov.kz

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы защиты в Республике Казахстан специального правового статуса сотрудника полиции. Анализируется законодательство по обеспечению прав сотрудников и членов их семей как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время. Дается четкое деление прав сотрудника полиции, которые необходимы для обеспечения правоохранительной функции государства, на виды. Являясь государственными служащими и осуществляя свою деятельность на благо народа и на благо государства, сотрудники полиции наделяются определенными функциями и нуждаются в особой правовой защите со стороны государства.

Ключевые слова: сотрудник, полиция, правоохранительная деятельность, защита прав, специальный статус, служебный долг

Для цитирования: Ладыгина О. А. Защита отдельных элементов специального правового статуса сотрудника полиции в Республике Казахстан // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 54–57.

Original article

Protection of certain elements of the special legal status of a police officer in the Republic of Kazakhstan

Ladygina Oksana A.
Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named
after B. Beissenov, Karaganda, Republic of Kazakhstan, o.ladygina@kpa.gov.kz

Abstract. This article discusses the issues of protecting the special legal status of a police officer in the Republic of Kazakhstan. The legislation on ensuring the rights of employees and members of their families both during the performance of official duties and during off-duty time is analyzed. A clear division of the rights of a police officer, which are necessary to ensure the law enforcement function of the state, into types is given. Being civil servants and carrying out their activities for the benefit of the people and the benefit of the state, police officers are vested with certain functions and require special legal protection from the state.

Keywords: officer, police, law enforcement, protection of rights, special status, call of duty

For citation: Ladygina O. A. Protection of certain elements of the special legal status of a police officer in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 54–57.

За годы независимости Республики Казахстан (1990–2022 гг.) участились случаи нападения на сотрудников полиции, так при выполнении служебного долга погибло 815 сотрудников, более 4,5 тыс. получили ранения [1]. В этой связи встает вопрос правовой защиты сотрудников силовых структур, который особенно остро возник в Республике в связи с январскими событиями 2022 г., когда мирные митинги переросли в вооруженные столкновения, где более 3

тыс. силовиков получили ранения, 58 сотрудников – тяжкие повреждения, 19 погибли [2]. Сотрудники полиции оказались не защищены государством с правовой стороны.

В целом можно сказать, что проблема защиты сотрудников полиции – это часть общей проблемы защиты авторитета государства и способности его нормального функционирования. Здесь стоит вопрос не

© Ладыгина О.А., 2024

только о правовой регламентации, но и о действенной реализации этих норм, так как авторитет государства строится на эффективной деятельности всех его органов, а это в свою очередь обеспечивает стабильность всего общества. Закон наделяет полицию определенными функциями, исполнение которых реализует законодательные предписания для всех, находящихся на территории Республики. В связи с этим полицейские должны быть защищены не только как обычные граждане, но и обладать специальным правовым статусом.

Что же такое специальный правовой статус сотрудника полиции? Это совокупность специальных прав, обязанностей, правовых преимуществ, ограничений, запретов, основанных на специальном законодательстве, определяющем правовое положение сотрудника полиции.

В данной статье мы рассмотрим специальные права сотрудника полиции как один из элементов специального правового статуса. Это не означает, что права обычных граждан будут принижаться. Мы будем говорить о дополнительных правах сотрудников полиции при исполнении ими своих функциональных обязанностей по поддержанию правопорядка, что связано с наделением их определенными функциями, присущими только им. Сотрудники полиции (как и все физические лица) находятся под защитой закона и государства, это означает, что все нормы, защищающие права и свободы человека в полном объеме распространяются и на них. Однако в силу своей профессиональной деятельности эти лица наделяются специальным статусом, и законодатель вводит специальные нормы, защищающие этот правовой статус.

Конечно, в этом случае нужно различать права сотрудников полиции, которые:

- имеют непосредственное отношение к исполнению обязанностей (например, право на применение оружия и специальных средств);
- направлены на защиту сотрудника и членов его семьи в вопросах социальной определенности (например, льготный проезд в общественном транспорте);
- направлены на защиту сотрудника и членов его семьи при исполнении им служебных обязанностей (например, ответственность за оскорбление правоохранителя).

Хотя правовой статус и отделен от конкретного человека, но он связан с личностью, имеющей определенные качества (как физические, так и психологические). В связи с чем законодатель устанавливает ответственность за различные действия в отношении представителя власти при исполнении им своих служебных полномочий (как физическое воздействие, так и психологическое). Например, за оскорбление представителя власти (ст. 378 УК РК); за угрозу или насильственные действия в отношении представителя власти (ст. 380 УК РК); за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов (ст. 380-1 УК РК)¹. Кроме того, законодатель устанавливает как

административную (ст. 667 КРКоБАП)², так и уголовную (ст. 379 УК РК)³ ответственность за неподчинение законному требованию сотрудника правоохранительных органов. Почему мы говорим о специальном статусе сотрудника полиции? Это очевидно из положений законодательства. Так, законодатель преступления в отношении сотрудника полиции вынес в отдельную гл. 16 «Уголовные правонарушения против порядка управления» уголовного кодекса, а правонарушения в гл. 33 «Административные правонарушения, посягающие на институт государственной власти» кодекса об административных правонарушениях. Из этого мы можем сделать вывод, что происходит слияние сотрудника полиции как личности и представителя власти, тем самым его личностный статус переходит в специальный. Кроме того, мы видим личность как носителя особого статуса в диспозиции различных статей (представитель власти, сотрудник правоохранительных органов, должностное лицо и т. п.). Полиция входит в систему органов внутренних дел, которые в свою очередь являются правоохранительными органами, обеспечивающими защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от противоправных посягательств, охрану общественного порядка и общественной безопасности⁴. Кроме того, сотрудник полиции является представителем власти, должностным лицом, занимающимся правоохранительной деятельностью.

При рассмотрении содержания правоохранительной деятельности мы акцентируем внимание на общепринятом понятии того, что любая деятельность на уровне государства является формой реализации одной из его функций. Правоохранительная же функция включает в себя поддержание законности и правопорядка в целом внутри государства, обеспечивая охрану общественных отношений. Она реализуется посредством выполнения определенных задач правоохранительными органами, которые поддерживают необходимый уровень общественных отношений.

Одним из первых ученых, который обратил внимание на то, что необходим комплексный подход к изучению правоохранительных органов, был А. Г. Братко. Сейчас выработано следующее понятие системы правоохранительных органов – это «урегулированная законом (в исключительных случаях иным подзакон-

№ 226-V (с изм. и доп. по сост. на 20.05.2023). URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 31.05.2023).

² Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (с изм. и доп. по сост. на 16.05.2023). URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 31.05.2023).

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 20.05.2023). URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 31.05.2023).

⁴ Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» (с изм. и доп. по сост. на 01.05.2023). URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 31.05.2023).

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г.

ным актом) совокупность сложно организованных и взаимосвязанных между собой и со средой видов органов, предназначенных для осуществления одной или одновременно нескольких правоохранительных функций в особом порядке (процессуальная форма), между отдельными элементами каждого из которых (органов) устанавливается определенный характер связи (субординация и координация)» [3].

Кроме органов внутренних дел к правоохранительным органам в соответствии с законом относятся органы прокуратуры, государственной противопожарной службы, антикоррупционная служба и служба экономических расследований¹.

Проанализировав действующее законодательство Республики Казахстан, мы приходим к выводу, что все нормы можно условно поделить на общие (нормы защищающие права как обычных людей, так и сотрудников полиции) и особенные (нормы, защищающие в определенных ситуациях права только сотрудника полиции и членов их семьи).

В первую очередь хотелось бы отметить, что гарантии правовой защиты сотрудника полиции отражены в законах Республики Казахстан «О правоохранительной службе» и «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» и других нормативных правовых актах. Эти гарантии представляют собой определенные юридические средства, процедуры и механизмы, а также презумпцию невиновности, которые призваны обеспечивать сотруднику полиции уверенное и инициативное исполнение возложенных на него обязанностей, вопреки имеющейся опасности.

Нельзя недооценивать значимость гарантий правовой защиты при выполнении полицейским служебных обязанностей, так как его деятельность (применяемые им методы и средства воздействия) носит конфликтный, принудительный характер. Соответственно, сотрудник полиции должен быть уверен в правомерности своих действий и поддержке со стороны государства, а также в защищенности его самого от противоправного посягательства.

Пункт 1 ст. 14 Закона Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV «О правоохранительной службе» содержит положение о том, что «сотрудники являются представителями государственной власти и находятся под защитой государства»². Понимание того, что сотрудник, являясь представителем власти, наделяется правами и обязанностями для осуществления функций государственного органа управления, дает ему право требовать исполнения указаний как от граждан, так и от организаций.

Названная норма легализует статус полицейского как представителя власти, который необходим при решении следующих вопросов:

– оценка законности его действий (в том числе принудительного характера);

– правильность принятия решений по вопросам правовой защиты сотрудника от противоправных посягательств;

– правильность принятия решения о юридической ответственности самого сотрудника при совершении противоправного деяния в рамках исполнения служебных обязанностей.

Можно сказать, что законодатель в ч. 2 ст. 14 Закона Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV «О правоохранительной службе» устанавливает своеобразный правовой барьер для тех лиц, которые не дают полицейскому самостоятельно на законных основаниях исполнять свои обязанности. Здесь говорится, что «требования сотрудников, предусмотренные законами Республики Казахстан (далее – законные требования), обязательны для исполнения физическими и юридическими лицами»³.

Кроме того, суть этого барьера разъясняется законодателем путем закрепления определенных правовых предписаний, которые устанавливают следующее:

– если законные требования сотрудника не выполняются, а равно, оскорбление, сопротивление, угроза насилием или посягательство на его жизнь, здоровье, честь и достоинство, имущество, другие действия, препятствующие выполнению возложенных на его обязанностей, а также посягательство на жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество членов его семьи, близких родственников в связи с исполнением служебных обязанностей и служебного долга, то они влекут за собой ответственность, предусмотренную законодательством;

– при выполнении своих служебных обязанностей сотрудники подчиняются только руководителю правоохранительного органа, непосредственному начальнику;

– существует запрет на вмешательство в деятельность сотрудника (неисполнение данного положения влечет за собой привлечение к ответственности);

– сотрудник находится под защитой закона при неисполнении противоречащего закону приказа;

– сотрудник имеет право обжаловать в вышестоящий орган или суд принятое в отношении него решение;

– сотрудник не несет ответственность за причиненный вред в связи с законным применением оружия, специальных средств и физической силы.

Положения вышеуказанной статьи направлены на то, чтобы сотрудник в своей деятельности, в первую очередь, был самостоятелен как представитель власти, защищен со стороны государства и огражден от внешнего влияния уполномоченных на то законом органов и должностных лиц.

Закон указывает на то, что сотрудник полиции при получении приказа, явно противоречащего закону,

¹ Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV «О правоохранительной службе» (с изм. и доп. по сост. на 11.09.2022). URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 31.05.2023).

² Там же.

³ Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV «О правоохранительной службе» (с изм. и доп. по сост. на 11.09.2022). URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 31.05.2023).

имеет право руководствоваться законом и не исполнять данный приказ.

Приказы в целом могут отдаваться только вышестоящим начальником либо непосредственным начальником в письменной либо устной форме. Они должны быть четкими и понятными для исполнителя. Однако бывают случаи, когда сотрудник получает два противоречащих приказа от разных руководителей. В этом случае он должен оповестить начальника, отдавшего приказ вторым, о невозможности его исполнения. Это необходимо сделать, т. к. в 2022 г. появилась ст. 370-2 УК РК «Отказ или уклонение сотрудника правоохранительного или специального государственного органа от исполнения обязанностей службы»¹, предусматривающая за неисполнение приказа уголовную ответственность.

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу о том, что на сегодняшний день в Республике Казахстан уделяется особое внимание защите специального правового статуса полицейского, все меры направлены на охрану жизни и здоровья как самого полицейского, так и членов его семьи. Меры по защите полицейского от преступного посягательства закреплены в административном и уголовном законодательстве. Основные правовые гарантии деятельности сотрудника органов внутренних дел содержатся в специальных законах, регулирующих правоохранительную деятельность и отдельно деятельность органов внутренних дел с присущей ей спецификой (Законы Республики Казахстан «О правоохранительной службе» и «Об органах внутренних дел Республики Казахстан»). Социальные права полицейских содержатся в различных нормативных правовых актах, регулирующих эти отношения (например, Трудовой кодекс Республики Казахстан, Социальный кодекс Республики Казахстан, Закон о жилищных отношениях в Республике Казахстан), с выделением их в отдельные статьи в соответствии со специальным правовым статусом.

Новеллами уголовного законодательства по защите специального правового статуса полицейского является ужесточение наказания за неповиновение сотруднику полиции, за покушение на его жизнь и жизнь членов его семьи, в том числе в условиях чрезвычайной ситуации или в ходе массовых беспорядков, а также введение ответственности за провокацию преступления и неисполнение приказа.

Однако на сегодняшний день не в полной мере сотрудники полиции обладают социальными правами. В связи с чем необходима дальнейшая проработка этих вопросов на законодательном уровне. Одной из наиболее важных составляющих социальной защиты является наличие у сотрудника органов внутренних дел жилья. В законодательстве Республики Казахстан предусмотрены нормы о предоставлении сотруднику служебного жилья на период несения службы либо

выплаты денежной компенсации за съем жилья. Порядок предоставления этих гарантий определяется Постановлением Правительства Республики Казахстан. Однако право на жилищные выплаты имеют не все сотрудники ОВД, что на наш взгляд необоснованно, т. к. в случае усиленного варианта несения службы, при чрезвычайных ситуациях, при проведении митингов, все они несут службу по охране общественного порядка. В связи с этим нам видится необходимым расширение в подп. 2 п. 1 Постановления Правительства Республики Казахстан от 5 августа 2021 г. № 524 «Об утверждении Правил обеспечения служебным жилищем сотрудников органов внутренних дел, исчисления размера, назначения, перерасчета, осуществления, прекращения, приостановления и возобновления жилищных выплат, а также категорий должностей сотрудников органов внутренних дел, имеющих право на получение жилищных выплат» списка, определяющего «категории должностей сотрудников органов внутренних дел, имеющих право на получение жилищных выплат».

Библиографический список

1. URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/106684/za-gody-nezavisimosti-pri-ispolnenii-sluzhebного-dolga-pogibli-815-politseyskikh.html> (дата обращения: 31.05.2023).
2. URL: <https://vlast.kz/novosti/49697-14-sotrudnikov-policii-postradavsie-v-hode-anvarskih-sobytij-do-sih-por-na-lecenii-mvd.html> (дата обращения: 31.05.2023).
3. Братко А. Г. Правовая система (вопросы теории): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovaja-sistema-voprosy-teorii.html> (дата обращения: 31.05.2023).

References

1. URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/106684/za-gody-nezavisimosti-pri-ispolnenii-sluzhebного-dolga-pogibli-815-politseyskikh.html> (date of access: 05/31/2023).
2. URL: <https://vlast.kz/novosti/49697-14-sotrudnikov-policii-postradavsie-v-hode-anvarskih-sobytij-do-sih-por-na-lecenii-mvd.html> (date of access: 05/31/2023).
3. Bratko A. G. Legal system (questions of theory): dis. ... dr of law. M., 2007. URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovaja-sistema-voprosy-teorii.html> (date of access: 05/31/2023).

Статья поступила в редакцию 26.07.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 26.07.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 15.03.2024

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 20.05.2023). URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 31.05.2023).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 347.4

Особенности договорной работы в вертикально интегрированных компаниях нефтегазовой отрасли: актуальные вопросы

Кузин Дмитрий Александрович
Российский государственный университет нефти и газа НИУ имени И. М. Губкина, Москва, Россия,
kda189@ya.ru

Аннотация. В настоящей статье автором исследованы основные подходы к определению понятия и организации договорных конструкций коммерческих компаний. Вместе с тем обозначены особенности договорной работы в вертикально интегрированных компаниях нефтегазовой отрасли, рассмотрены основные актуальные правоприменительные вопросы ее регулирования.

Ключевые слова: нефтегазовая отрасль, договорная работа, контрактный специалист, вертикально-интегрированная компания

Для цитирования: Кузин Д. А. Особенности договорной работы в вертикально интегрированных компаниях нефтегазовой отрасли: актуальные вопросы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 58–61.

Original article

Features of contractual work in vertically integrated companies in the oil and gas industry: current issues

Kuzin Dmitry A.
Russian State University of Oil and Gas, Gubkin National Research University, Moscow, Russia, kda189@ya.ru

Abstract. In this article, the author examines the main approaches to defining the concept and organization of contractual structures of commercial companies. At the same time, the features of contractual work in vertically integrated companies of the oil and gas industry are outlined, the main topical law enforcement issues of its regulation are investigated.

Keywords: oil and gas industry, contract work, contract specialist, vertically integrated company

For citation: Kuzin D. A. Features of contractual work in vertically integrated companies in the oil and gas industry: current issues // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 58–61.

Введение.

Компании национального значения нефтегазового комплекса для реализации стабильной многолетней работы имеют вертикальную интеграцию и представляют собой холдинговые структуры. Некоторые элементы данной структуры могут отличаться,

но в целом представляют собой головную компанию и дочерние общества, которые образуются по функциональному и/или территориальному признаку. Примерами таких компаний в нефтегазовой отрасли

могут служить ПАО «Газпром» (является учредителем и управляет компаниями Группы «Газпром»), а также ПАО «НК «Роснефть», ПАО «НК «Лукойл», ПАО «Новатэк», ПАО «Татнефть» и др. В связи с расширяющимся объемом дочерних предприятий вертикально интегрированных компаний нефтегазовой отрасли представляется актуальным исследовать основные особенности договорной работы в указанных структурах.

Как известно, основная цель любой коммерческой организации – извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ)¹, достижение которой невыполнимо без такого основного инструмента гражданского оборота, как сделка. Ни одна организация на любой ступени вертикальной интеграции не может без них обходиться. Сделки связывают компании как внутри холдинга, так и с внешними организациями.

Сделки, заключаемые между компаниями, входящими в одну группу, в большинстве случаев носят двусторонний характер, реже многосторонний и, как правило, заключаются в письменной форме.

Основная цель заключения договоров состоит в успешном осуществлении хозяйственной деятельности и обеспечении хозяйственных процессов. Компания как экономическая единица, участвующая в качестве субъекта в гражданско-правовом обороте, заключает множество договоров, которые обеспечивают установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Потребности для заключения договора могут быть совершенно разными: реализация продуктов производства, приобретение товаров, работ, услуг, аренда, кредитование и т. д.

Договорная работа представляет собой «систему мероприятий, осуществляемых различными подразделениями организации во главе с руководителем и направленных на заключение и исполнение гражданско-правовых договоров» [1]. Интересно отметить, что некоторые авторы представляют договорную работу через призму творческой деятельности [2].

Договорная работа в вертикально интегрированных компаниях имеет следующие характеристики:

- унифицированный подход;
- постоянность и непрерывность;
- системность (этапность) и формализованность процесса.

Особенности договорной работы в компаниях вертикально интегрированного типа.

В качестве первой группы особенностей представляется целесообразным выделить организационные, связанные с организацией процесса договорной работы (переговоры, разработка и согласование условий и положений со всеми заинтересованными подразделениями, подписание и исполнение договора, внесение изменений и дополнений в действующий договор, прекращение договора).

Вместе с тем ко второй группе можно отнести юридико-технические особенности, связанные с разработкой текста договора (договорная техника) и основанные на применении норм действующего законодательства и локальных нормативных актов, а также различных приемов оформления сделок.

Рассмотрим их более подробно.

Основным локальным нормативным актом (далее – ЛНА), регулирующим деятельность по заключению договоров, является положение о договорной работе. Как правило, оно состоит из следующих разделов:

1. Общие положения, включающие в себя цель ЛНА, перечень исполнителей и задач, основные понятия и термины, общие требования к оформлению договоров.

2. Порядок оформления договоров, заключаемых без проведения регламентированных процедур закупок. Как правило, данный раздел включает в себя и регламентирует подготовительную работу по оформлению договоров и их экспертизу.

3. Порядок оформления договоров, заключаемых по результатам проведения регламентированных процедур закупок. Как и предыдущий этот раздел включает в себя регулирование подготовительной работы по оформлению договоров, их экспертизу и подписание.

4. Регистрация, хранение, контроль исполнения договоров.

Проблема состоит в том, что зачастую в разных обществах одной группы компаний действуют разные положения о договорной работе. На наш взгляд, в рамках одной группы компаний желательно их унифицировать и привести к единому образцу.

Также зачастую положение о договорной работе не коррелируется с другими положениями, регулирующими смежные бизнес-процессы, например, с положением о закупочной деятельности или положением о реализации непрофильных активов, или положением о работе с дебиторской и кредиторской задолженностью и т. д. Очевидно, что в холдинговых структурах должна проводиться работа по унификации бизнес-процессов, в том числе путем разработки типового положения о договорной работе.

В зависимости от того создан в обществе договорный отдел или нет работа строится по-разному.

При наличии договорного отдела все потребности компании по заключению договоров направляются в профильное структурное подразделение в виде задания. Данное структурное подразделение, как правило, делится на секторы по типам договоров или по проектам деятельности организации. Работают в нем специалисты по контрактам, обладающие соответствующими компетенциями, умениями и навыками.

Стоит отметить, что в последнее время компаниями внедряются LegalTech-программы для управления юридическими рисками, анализа итогов и динамики судебной работы, проверок госорганов и нарушений прав на интеллектуальную собственность (например, в Группе «Газпром» – система КЮРАСО). Вместе с тем

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023).

такие решения в настоящее время не способны в полной мере нивелировать специалистов по контрактной работе [3].

Руководство договорного отдела, как правило, выполняет работу таким образом, чтобы каждый специалист занимался отдельными типами договоров, постоянно совершенствуя технику и приемы построения их текстов и учитывая изменения законодательства и судебной практики.

Договорная работа при этом осуществляется в соответствии с жестко установленными сроками. Нагрузка распределяется руководителем подразделения, он же непосредственно руководит, контролирует и отвечает за результат перед высшим руководством компании.

Во многих обществах в связи с оптимизацией договорные отделы расформируются, а их функции распределяются среди профильных подразделений.

Однако в таком случае в каждом структурном подразделении договорная работа поручается ответственному исполнителю, который не всегда может полноценно справиться с поставленными задачами, так как данная деятельность не входит в сферу его профессиональных интересов и является для него дополнительной. Руководитель такого работника вынужден контролировать процессы, связанные с оформлением контрактов, однако он сам, будучи профессионалом в своей области, может быть весьма далек от договорной деятельности и ее особенностей.

Для производственных структурных подразделений договорная деятельность является несвойственной, переданной в нагрузку, поэтому серьезный подход с применением юридических знаний и практик, наработанных юридическим сообществом в данном случае, наблюдается редко. Как правило, специалист выполняет договорную работу формально. Последующие участники договорной работы – согласующие подразделения, в том числе юридический отдел, работают уже с проектом договора, предложенным первоначальным исполнителем. Конечно, текст корректируется и дополняется, но, как правило, если это не крупная и не знаковая для компании сделка, то дальнейшие подразделения структуру договора не корректируют и дополнительные правовые инструменты, например, в части ответственности или дополнительных гарантий для общества, не добавляют (впрочем, тут многое зависит от правил конкретного общества и компетенции конкретного исполнителя).

Подобная ситуация частично компенсируется тем, что в крупных структурных подразделениях вертикально интегрированных компаний, иницилирующих большое количество договоров, выделяется специальная вакансия или даже создается группа менеджеров по заключению договоров, в которую привлекаются компетентные специалисты с юридическими и экономическими знаниями, являющихся профессионалами в договорном праве.

Кроме того, большую роль здесь играют утвержденные в том или ином обществе типовые формы

наиболее часто оформляемых договоров. Типовой договор – форма договора определенного вида, разработанная по инициативе заинтересованного профильного подразделения юридическим отделом, прошедшая необходимое согласование и утвержденная руководителем общества в качестве локального нормативного акта, обязательного к применению. Если типовые формы имеются и постоянно обновляются юридическим отделом, то профильным подразделениям проще выполнять несвойственную для них функцию, если же таковые отсутствуют, то качество контрактов, как правило, бывает весьма низким. Авторы отмечают, что заблаговременное создание типовых форм является одной из задач договорной работы в компании.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что подразделение, занимающееся договорной деятельностью, которое в полной мере отвечало бы за составление, координацию и контроль хода согласования проекта договора (как и юридический отдел), необходим каждой коммерческой организации, в том числе входящей в состав вертикально интегрированной компании.

Важной организационной проблемой, связанной с договорной деятельностью крупных компаний, является длительный период согласования документов. Процедуру можно было бы ускорить, внедряя методы параллельного согласования заинтересованными структурными подразделениями и внесения правок в единый текст документа в системе электронного документооборота в режиме реального времени. Но, к сожалению, подходы к этому вопросу во многих вертикально интегрированных компаниях остаются весьма архаичными. В крупных компаниях, где разные подразделения могут корректировать одни и те же статьи и пункты договора исходя из разных позиций, актуальным является унификация подходов и прямой непосредственный диалог между исполнителями.

Второй аспект в вертикально интегрированных компаниях связан с юридико-техническими особенностями договорной работы.

При закупке определенных видов товаров, работ, услуг и прочее компанией проводятся соответствующие закупочные процедуры, в которых заказчики, как правило, выступают в качестве сильной стороны договора и предлагают контрагентам заключить договор на более выгодных для себя условиях. На практике имеют место случаи, когда сторонами подписываются договоры с явно ассиметричными условиями. Исходя из сложной экономической ситуации «слабая» сторона соглашается с несоразмерными для себя условиями только потому, что испытывает определенный дефицит заказов.

Впоследствии это негативно сказывается на качестве продукции и услуг, приводит к многолетним спорам и судебным разбирательствам, в результате чего обе стороны несут материальные и репутационные потери.

Свобода договора.

Рассматривая эту проблему, стоит обратиться к п. 1 ст. 432 ГК РФ, где указано, что существенным для любого вида договора является условие о предмете договора. Для разных видов договоров существенными также являются условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для данного вида. Третий вид существенных условий – это условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение¹. Важнейшим правоприменительным актом, обобщившим судебную практику по данному вопросу, является Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»².

В соответствии с п. 2 ст. 1 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Согласно п. 4 ст. 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано обязательными для сторон правилами, установленными законом или иными правовыми актами (императивными нормами), действующими в момент его заключения (ст. 422 ГК РФ). В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, применяемой постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условия договора определяются диспозитивной нормой.

Безусловно, любая сторона свободна в заявлении своих условий в договоре. Но как было уже отмечено ранее, на практике часто эта возможность отсутствует. Дело в том, что «сильная» сторона договора как бы навязывает «слабой» свой типовой контракт по принципу «или соглашайся на предлагаемые нами условия, или мы с тобой не работаем и ищем того, кто согласится».

Существует несколько правовых механизмов защиты интересов «слабой» стороны даже после заключения договора с условиями, с которыми она изначально не согласна, но они сложно применимы и требуют, как правило, судебной защиты, что для небольшой организации бывает не всегда доступно по финансовым причинам.

С другой стороны, нельзя не отметить, что договор – это только соглашение о последующих действиях, но действительность намного разнообразнее любого самого тщательно разработанного договора.

Зачастую, когда стороны действуют в целом добросовестно, они стремятся сами, но не заставляют друг друга соблюдать все условия «от буквы до буквы», включая режим тотального исполнения договора только при отклонениях контрагента от достижения его предмета.

Обобщая вышеизложенное, надо сказать, что договорная работа в вертикально интегрированных компаниях нефтегазовой отрасли имеет важнейшее значение и носит непрерывный формализованный и системный характер. Представляется, что основными рекомендациями по ее совершенствованию являются: создание специальных подразделений, выполняющих функцию управления процессами, связанными с преддоговорной деятельностью и оформлением договоров, а также активное внедрение цифровых технологий в указанные процессы. Кроме того, по рассмотрению юридико-технических особенностей оформления договорных документов видится актуальной реализация в подавляющем большинстве случаев принципов свободы договора и соблюдения баланса интересов между всеми сторонами договоров.

Библиографический список

1. Шиткина И. С. Настольная книга руководителя организации: правовые основы. М.: Юстицинформ, 2015. 506 с.
2. Сальникова Т. А. О пределах договорной работы: статья // *Налоги*. 2009. № 2.
3. Кондрашов И. А. LegalTech и юристы будущего // *Закон*. 2017. № 11.

References

1. Shitkina I. S. The handbook of the head of the organization: legal foundations. M.: Justicinform, 2015. 506 p.
2. Salnikova T. A. Article: On the limits of contractual work // *Taxes*. 2009. № 2
3. Kondrashov I. A. LegalTech and lawyers of the future: article // *Law*. 2017. No. 11.

Статья поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 28.12.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 21.12.2023; approved after reviewing 28.12.2023; accepted for publication 15.03.2024

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023).

² Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // *Вестник ВАС РФ*. 2014. № 5.

Научная статья
УДК 347.775

Становление и развитие гражданско-правового регулирования отношений в сфере информации: историко-правовой аспект

Тарасов Павел Анатольевич
Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь, TarasovPavel2022@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам развития гражданско-правового регулирования отношений в сфере информации. Проведен анализ формирования гражданского законодательства, регламентирующего отношения, связанные с различными видами информации, являющимися объектами гражданских прав. Определяются наиболее важные особенности периодов его развития. Уделено внимание законодательному закреплению режимов охраны сведений, в том числе в виде коммерческой тайны.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, гражданско-правовое регулирование, информация, коммерческая тайна, объекты гражданских прав, служебная тайна

Для цитирования: Тарасов П. А. Становление и развитие гражданско-правового регулирования отношений в сфере информации: историко-правовой аспект // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 62–68.

Original article

Formation and development of civil law regulation of relations in the sphere of information: historical and legal aspect

Tarasov Pavel A.
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus,
TarasovPavel2022@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the evolution of civil law regulation of relations in the sphere of information. The article analyzes the formation of civil legislation regulating relations related to various types of information, which are the objects of civil rights. The peculiarities of the most important periods of its development are defined. Attention is paid to the legislative fixation of information protection regimes, including in the form of trade secrets.

Keywords: civil legal relations, civil law regulation, information, trade secrets, objects of civil rights, official secrets

For citation: Tarasov P. A. Formation and development of civil law regulation of relations in the sphere of information: historical and legal aspect // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 62–68.

С древнейших времен человек нуждался в постоянной коммуникации. На всех этапах развития цивилизации между людьми происходил обмен информацией, благодаря которому они расширяли свой кругозор, а также получали возможность совершенствовать хозяйственно-экономический уклад своей жизни. Разделение труда и накопление человеком имущества создавали условия для последующего социального расслоения общества. Наряду с увеличением материальных благ возникла необходимость

защиты прав на них и на нематериальные блага, в том числе на информацию.

В различные периоды существования государственных образований на белорусских землях интересы лиц, владеющих теми или иными сведениями, нуждались в правовой защите. Регулирование отношений, возникающих в связи с владением информацией, проходило путем принятия различных нормативных правовых актов.

© Тарасов П.А., 2024

Как отмечено в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, «информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств»¹. Нормы гражданского права имеют важное значение для обеспечения информационной безопасности субъектов – физических и юридических лиц. Сегодня актуальным представляется совершенствование гражданско-правового регулирования отношений в информационной сфере. По нашему мнению, в основе проведения исследований в этом направлении должно лежать обобщение исторического опыта формирования гражданского законодательства для его последующего развития.

Необходимо выделить периоды формирования норм гражданского права, определивших порядок защиты интересов граждан в данной сфере, обратив внимание на особенности гражданского законодательства. Различные периоды истории государства и права, оказавшие влияние на развитие отечественного законодательства, выделяются в работах многих правоведов, в том числе и цивилистов [1; 2; 3]. В науке гражданского права достаточно внимания уделено вопросам становления и развития правового регулирования рассматриваемых нами отношений. В разное время изучением формирования гражданского законодательства занимались такие правоведы, как С. В. Пахман, И. А. Малиновский, Г. Ф. Шершеневич, О. С. Иоффе, Р. С. Тараборин, Т. И. Довнар и др.

В контексте обозначаемых учеными исторических периодов необходимо отметить значение социальной, экономической, политической и правовой эволюции общества и государства, в ходе которой объективной необходимостью стала защита прав на информацию. Она затронула как имущественные, так и личные неимущественные интересы граждан.

На основе правовой регламентации рассматриваемых нами отношений полагаем возможным разделить процесс становления и развития гражданско-правового регулирования в сфере информации на несколько этапов:

- 1) дореволюционный период (от появления первых государств на белорусских землях до 1917 г.);
- 2) советский период (с 1917 по 1991 гг.);
- 3) переходный период (с 1991 по 1998 гг.);
- 4) современный период (с 1998 г. по настоящее время).

Отметим, что данное деление достаточно условное.

Защита информации в качестве объекта гражданских прав тесно связана с развитием институтов различных тайн (коммерческая, служебная, страховая, нотариальная и др.), которые получили свое за-

крепление в гражданском законодательстве относительно недавно. Однако предпосылки формирования возникли в более раннее время.

Первый этап связан с зарождением гражданско-правовых норм, регулирующих отношения в информационной сфере. Он включает в себя период с древнейших времен до 1917 г. Начало считается появлению первых государственных образований на белорусских землях – Полоцкого и Туровского княжеств. Как и на всем пространстве Древнерусского государства (Киевской Руси) на территории этих княжеств основным источником права был обычай. Одним из сохранившихся до наших дней памятников письменного права того времени является Русская Правда. Данный источник, как считает И. А. Исаев, «... можно определить как кодекс частного права...» [2, с. 48]. Однако отграничить содержащиеся в Русской Правде нормы гражданского права от других отраслей, на наш взгляд, крайне сложно. Он не содержал конкретных норм, регулирующих отношения по поводу различных сведений. Однако можно предположить, что в то время информация носила вспомогательный характер. Так, господин, купивший холопа не у его хозяина, обязан был подтвердить, что сделал это по незнанию (то есть не владел информацией о его принадлежности). Если при совершении сделки покупатель знал об этом (владел соответствующей информацией), то терял уплаченные им денежные средства [4, с. 72]. Отметим, что информация, представленная в виде знания, имела значение при принятии решений в судебных спорах.

После включения белорусских земель в состав Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского (далее – ВКЛ), а позже и Речи Посполитой на их территории был принят ряд нормативных актов, которые регулировали и гражданские отношения. Это время называют «статутным», так как наиболее важными источниками права того времени были Статуты ВКЛ 1529 г., 1566 г., а также 1588 г. «Статутный» период, как отмечает Т. И. Довнар, «точно определил сферу имущественных правоотношений, содействовал разработке общих положений гражданского права и соответствующей, более точной юридической терминологии» [3, с. 5–6]. На этом этапе информация выполняла вспомогательную функцию в складывающейся правовой системе.

В соответствии со Статутом 1529 г. субъект мог «спокойно владеть купленным или взятым в залог имуществом», если приобрел его у человека, который «убежит в неприятельскую землю» лишь в определенном случае [5, с. 133]. Таким условием являлось «незнание» (т. е. отсутствие сведений) физическим лицом о факте бегства второго участника сделки, что также подчеркивает значимость информации на рассматриваемом этапе.

Одним из значимых для развития гражданского законодательства является период нахождения белорусских земель в составе Российской империи. Несмотря на то, что в некоторых западных губерниях Статут ВКЛ продолжал свое действие вплоть до сере-

¹ Указ Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» (в ред. 24.01.2014 № 49-3, 1/14788) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2010. № 276. 1/12080. Ст. 5.

дины XIX в., остальные белорусские территории постепенно интегрировались в правовое поле России. Так, в результате реформ середины и второй половины XIX в. появилась возможность интенсивного развития промышленности и торговли. Ценность стали приобретать сведения, позволяющие их обладателю сократить расходы, увеличить доходы, сохранить свое положение на рынке товаров или получать другую коммерческую выгоду. Такая информация нуждалась в необходимости ограничения к ней доступа путем установления специального правового режима – тайны.

Свод Законов гражданских прав Свода Законов Российской Империи не включал в себя нормы, регулирующие отношения в сфере информации, требующей соблюдения конфиденциальности. Однако положения, устанавливающие порядок решения подобных вопросов, включали другие нормативные правовые акты того периода (например, Торговый устав, Устав судопроизводства торгового, Устав о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной) и др.).

На рубеже XIX–нач. XX вв. в соответствии с российским законодательством информация охранялась в виде тайны кредитных установлений, коммерческой и фабричной тайн. Как отмечает А. А. Фатьянов, «в вышеуказанный период времени в российской юридической доктрине понятия "фабричная (фабрично-промышленная тайна)" и "коммерческая тайна" разграничивались и затем интегрировались в более общую категорию "промышленная тайна"» [6, с. 169]. Как нам представляется, это было связано с тем, что они действовали в общей системе, включающей различные нормы частного права.

Попытки регулирования отношений, складывающихся по поводу информации, в этот период времени проводились в рамках уголовного и гражданского права. Например, в изданном в 1903 г. Уголовном уложении шесть статей были посвящены ответственности за разглашение сведений, составляющих различные виды тайн [7, с. 171–173]. Указанные положения в итоге так и не были введены в действие, однако послужили базой для последующего развития законодательства в сфере права на информацию.

Само определение понятия «коммерческая тайна» в Уголовном уложении 1903 г. не давалось. Вероятно, его содержанием являлась информация из торговых (купеческих) книг, где предприниматели (купцы) должны были размещать сведения, представляющие коммерческую значимость. Лица, ответственные за ведение таких книг, могли привлекаться как к уголовной, так и гражданской ответственности. Классик цивилистики Г. Ф. Шершеневич в ходе анализа «Практики Правительствующего Сената по торговым делам с 1899 по 1912 гг.» отмечал: «Уголовная угроза не представляется страшной в виду коммерческой тайны, которой покрыл законодатель предписанную им легальную бухгалтерию. Практика наша не знает уголовного преследования купца за неведение книги не только в четвертый, но даже в первый раз, потому что

проступок этот не может обнаружиться для посторонних глаз» [8, с. 73]. Можем предположить, что защита прав на информацию, содержащуюся в торговых книгах, была возможна лишь гражданско-правовыми способами, существовавшими в то время (признание ее «неосторожной» (недействительной), потеря доказательности книг в процессе, приостановление хода торгового предприятия (в случае смерти купца) и др.).

Стоит отметить, что если на начальном этапе формирования института коммерческой тайны отношения в данной сфере регулировались нормами уголовного права, то в начале XX в. они все больше переходили в область гражданско-правового регулирования. Н. С. Таганцев, комментируя «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», считал, что получение сведений, составляющих коммерческую тайну, обманным путем не является мошенничеством [9, с. 486]. Автор исключал уголовную ответственность за подобные действия, возможно, тем самым полагая, что этот вопрос должен регулироваться частноправовыми нормами.

Подводя итог рассмотрению первого этапа становления и развития гражданско-правового регулирования отношений, складывающихся по поводу тех или иных сведений, можно сделать вывод, что в дореволюционный период информация выполняла вспомогательную функцию и еще не являлась самостоятельным объектом гражданских прав. Более того, на белорусских землях в конце XIX – начале XX вв. такие отношения регулировались в основном нормами уголовного права. Однако экономические преобразования, развитие торговли и промышленного производства, зарождение института коммерческой (промышленной) тайны и необходимость защиты ее сведений обусловили перевод таких отношений в гражданско-правовую сферу.

Дальнейшие изменения порядка регулирования рассматриваемых нами отношений в сфере информации произошли после революционных событий 1917 г., которые положили начало *второму этапу* их становления и развития. Образование СССР оказало большое влияние на белорусское общество, государство и право. Советское правительство принимало нормативные правовые акты, целью которых было преобразование социального и экономического уклада новой страны. Перемены затронули все сферы общественных отношений, в том числе и гражданско-правовую.

В период проведения политики военного коммунизма советской властью была проведена отмена частной собственности и произошел отказ от рыночных отношений в целом. В это время, как подчеркивает О. С. Иоффе, «товарные отношения свелись к предельному минимуму, и широкое распространение получила идея прямого (безденежного, бестоварного) распределения, а потому надобность в гражданском праве вовсе отрицалась» [1, с. 195]. Принимаемые советским руководством меры, направленные на стабилизацию экономики, ожидаемого результата не принесли. В связи с чем на X съезде РКП(б) была при-

нят курс на проведение Новой экономической политики (НЭП), которая оказала значительное влияние на развитие гражданско-правовых отношений.

Одним из важных событий данного этапа стало принятие 31 октября 1922 г. Гражданского кодекса (далее – ГК) РСФСР¹. Его действие распространялось на территории Советской России, а с 1 марта 1923 г. и на территории Белорусской ССР. Непосредственно свой первый кодифицированный акт, объединяющий нормы гражданского права, БССР получила лишь в 1927 г.² Как ранние, так и последующие ГК БССР и ГК РСФСР регулировали имущественные отношения, а также связанные с ними личные неимущественные отношения. При этом оба нормативных акта не содержали в себе норм, позволяющих обеспечить безопасность информации путем установления для нее специальных правовых режимов. ГК советского периода не включали в объекты гражданских прав «информацию» в том или ином виде (нераскрытая информация, нематериальные блага и т. д.).

Режимы правовой защиты информации в гражданском законодательстве того периода фактически отсутствовали. В нормативных правовых актах не были закреплены такие понятия, как «личная тайна» и «семейная тайна». Коммерческая тайна была отменена еще в 1917 г. По мнению некоторых российских цивилистов (М. В. Беляева, И. С. Кококрин, З. Р. Игбаевой), данный институт был заменен такими видами тайн, как государственная, военная, а также служебная [10, с. 30; 11, с. 95]. Причиной этого, в первую очередь, стало огосударствление советской экономики.

Служебную тайну в то время составляли сведения конфиденциального характера, разглашение которых могло нанести вред безопасности Советского государства. Соответственно отношения по поводу защиты такого вида информации не входили в сферу действия норм частного права. Однако необходимо отметить, что некоторые виды информации, составляющие близкую к служебной профессиональную тайну, подлежали именно гражданско-правовому регулированию. Одной из разновидностей такого вида была тайна нотариальных действий. Статья 27 Положения о государственном нотариате Белорусской ССР 1967 г. обязывала нотариусов и других уполномоченных на это должностных лиц «соблюдать тайну совершаемых нотариальных действий»³. Так, несмотря

на отсутствие в ГК прямого упоминания различных тайн, отношения, связанные с защитой информации, могли регулироваться нормами гражданского права.

Наиболее благоприятным периодом становления и развития гражданского законодательства в сфере защиты информации являются преобразования, произошедшие в СССР в период перестройки (1985–1991 гг.), которые способствовали легализации частной собственности. Появление коммерческих организаций требовало гражданско-правового регулирования новых социальных и экономических отношений. В связи с этим советским руководством для защиты появившихся форм предприятий был принят ряд нормативных правовых актов. Одним из них стал Закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-I «О предприятиях в СССР» (далее – Закон о предприятиях в СССР), где впервые было введено понятие «коммерческая тайна предприятия». Также был установлен порядок определения состава и объема включающих ее сведений и предусмотрена ответственность за их разглашение. Статья 33 указанного закона определяла, что «под коммерческой тайной предприятия понимаются сведения, которые не являются государственными секретами, связанными с производством, технологической информацией, управлением, финансами и другой деятельностью предприятий, разглашение (придача, утечка) которых может нанести ущерб его интересам»⁴. Отметим, что в представленном определении было введено четкое разграничение охраняемой информации (в виде коммерческой тайны) от составляющей государственные секреты (государственную тайну), отношения по поводу которых выйдут за пределы частноправовой сферы.

Дальнейший импульс развитию гражданско-правового регулирования отношений в сфере защиты информации придал Закон БССР от 14 декабря 1990 г. № 462-XII «О предприятиях в Белорусской ССР» (далее – Закон о предприятиях в БССР). Данный нормативный правовой акт был принят на основе подобного общесоюзного закона. Только в отличие от Закона о предприятиях в СССР белорусский содержал в себе три статьи, регламентирующие порядок защиты информации, составляющей коммерческую тайну. Отметим, что у руководителей коммерческих предприятий часто возникали трудности по применению статьи, касающейся порядка определения состава и объема информации, в отношении которой установлен режим коммерческой тайны. Какую именно информацию относить к коммерческой тайне (например, о размере заработной платы на предприятии), решал именно сам руководитель [12, с. 197]. Это было обусловлено отсутствием специального законодательства, регламентирующего порядок защиты таких сведений.

Завершением рассматриваемого нами этапа следует считать принятие 31 мая 1990 г. закона об ос-

¹ Гражданский кодекс РСФСР: принят на IV сес. 31 октября 1922 г.: введен в действие постановлением ВЦИК 11 ноября 1922 г. // Сборник узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. 1922. Отд. 1. № 71. Ст. 904. (Утратил силу).

² Гражданский кодекс БССР: с алф. указ. (с изм. и доп. на 10.06.1927). Минск: Изд. подотд. отд. законодат. предложений НКЮ БССР, 1927. 112 с. (Утратил силу).

³ Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 12 января 1967 г. «Об утверждении Положения о государственном нотариате Белорусской ССР» // Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР в 2 т. Т. 2: 1938–1967 гг. 1969. 664 с. (Утратил силу).

⁴ Закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-I «О предприятиях в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета. 20 июня 1990 г. № 25. С. 639–655 (Ст. 460). (Утратил силу).

новах гражданского законодательства Союза ССР и республик. Данный нормативный правовой акт обеспечивал защиту коммерческой, технической, а также организационной информации от незаконного использования. Такие виды информации должны были составлять секрет производства (ноу-хау). Они охранялись при соблюдении установленных законом условий. Кроме того, данный законодательный акт включил в себя статью, посвященную объектам гражданских прав, среди которых были упомянуты нематериальные блага. Таким образом, законодательно была закреплена возможность защиты относящейся к ним информации.

Третьим этапом становления и развития гражданско-правового регулирования отношений в сфере защиты информации следует считать период с 1992 г. по 1998 г. После распада СССР и обретения независимости белорусское государство сохранило наследие советского законодательства. Как нам представляется, в то время возникла необходимость пересмотра общесоюзных нормативных правовых актов, которые продолжали действовать на территории Республики Беларусь. Также имели законную силу и акты белорусского советского государства. В частности, положения Закона о предприятиях в БССР вводились в действие только с 1 января 1992 г.

Изучаемый период времени характеризуется трансформацией хозяйственно-экономической системы белорусского государства, изменениями в регулировании общественных отношений. В Республике Беларусь началась работа по кодификации гражданского законодательства. Именно в это время происходит становление и развитие института коммерческой тайны [13, с. 149]. Кроме того, приобрел актуальность вопрос защиты конфиденциальной информации в целом. Это было обусловлено необходимостью создания условий для недопущения угрозы экономической безопасности субъектов хозяйствования.

Началом развития собственно белорусского гражданского законодательства в сфере защиты информации, составляющей коммерческую тайну, следует считать постановление Совета Министров Республики Беларусь от 6 ноября 1992 г. № 670, которым было утверждено «Положение о коммерческой тайне»¹. Значение данного документа заключается в том, что он определил экономические и правовые основы защиты информации, составляющей коммерческую тайну. Лица, имевшие доступ к коммерческой тайне субъекта хозяйствования и заключившие гражданско-правовые договоры, принимали на себя обязательства по сохранности и неразглашению составлявших ее сведений, что свидетельствует о гражданско-правовом характере регулируемых данным законодательным актом отношений.

¹ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 6 ноября 1992 г. № 670 «Об утверждении Положения о коммерческой тайне» // Собрание Постановлений Правительства Республики Беларусь. 1992. № 32. С. 41–43 (Ст. 570). (Утратил силу).

В этот период времени отношения в области информации, составляющей тайну нотариальных действий, продолжали регулироваться нормами гражданского права. Закон «О государственном нотариате», принятый в 1974 г., претерпел незначительные изменения, которые не касались порядка защиты сведений, составляющих тайну².

Что касается служебной тайны, то здесь необходимо отметить, что она получила свое закрепление в Законе Республики Беларусь от 29 ноября 1994 г. № 3410-XII «О государственных секретах»³. Сведения, составлявшие служебную тайну, представлялись в виде отдельных данных в составе тех, которые являлись государственной тайной. В нашем понимании, отношения, складывающиеся по поводу такой информации, регулировались нормами публичного права. Но появление самого понятия «служебная тайна» в законодательстве Республики Беларусь дало возможность развития этого института в дальнейшем.

С принятием Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2572-XII «О защите прав потребителей» в сферу гражданско-правового регулирования попали и отношения, возникающие по поводу информации о товарах⁴. В соответствии с данным законодательным актом потребитель мог требовать от продавца (изготовителя) предоставления необходимой и достоверной информации о наименовании и принадлежности предприятия, цене, способах и правилах пользования товарами, гарантийных обязательствах и др. В случае причинения вреда потребителю продавец обязан был возместить его в соответствии с требованиями гражданского законодательства.

Как нам кажется, принятые в исследуемый период нормативные правовые акты еще не в полной мере регламентировали порядок защиты прав на информацию, однако уже наметилась тенденция развития гражданско-правового регулирования отношений в данной сфере.

Важным событием в развитии гражданско-правой защиты информации стало принятие в 1998 г. ГК Республики Беларусь⁵. С этого момента и по настоящее время длится современный *четвертый этап*. Этот период характеризуется активизацией изучения про-

² Закон БССР от 30 апреля 1974 г. № 216-VIII «О государственном нотариате» // Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. 1974. № 13. Ст. 224. (Утратил силу).

³ Закон Республики Беларусь от 29 ноября 1994 г. № 3410-XII «О государственных секретах» // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1995. № 3. Ст. 5. (Утратил силу).

⁴ Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2572-XII «О защите прав потребителей» // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. № 35. Ст. 447. (Утратил силу).

⁵ Гражданский кодекс Республики Беларусь 7 декабря 1998 г. № 218-3 (в ред. 05.01.2024 № 344-3, 2/3064) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 7-9. Ст. 101.

блем, связанных с защитой прав на различную информацию, как правоведами в целом, так и цивилистами в частности. Вопросы, касающиеся защиты информации в режиме коммерческой тайны, нашли отражение в научных публикациях современных белорусских ученых (С. М. Ананич, Д. В. Ивановой, Д. А. Колбасина, С. С. Лосева, Р. Р. Томковича и др.). Возрос интерес к гражданским правоотношениям, складывающимся по поводу информации, что связано с изменениями, произошедшими в гражданском законодательстве Республики Беларусь.

В первой редакции ГК Республики Беларусь одним из видов объектов гражданских прав была названа «охраняемая информация». Там же появилось понятие «нераскрытая информация», которую законодатель отнес к объектам прав интеллектуальной собственности. Владелец таких сведений мог защитить свои права на них в том случае, если были соблюдены условия, позволяющие установить режим коммерческой или служебной тайны в отношении такой информации. Однако четких критериев, которые бы разграничивали оба вида тайны в белорусском гражданском законодательстве не было.

Принятый в 2013 г. Закон Республики Беларусь «О коммерческой тайне» внес существенные изменения в ГК Республики Беларусь¹. Понятие «охраняемая информация» было изъято из перечисленных в законе объектов гражданских прав. Его место заняло понятие «нераскрытая информация», которое было исключено из числа объектов интеллектуальной собственности. В современной редакции ГК режим коммерческой тайны может устанавливаться в отношении секретов производства (ноу-хау), а также нераскрытой информации. Законодатель четко определил разницу между последней и режимом ее защиты. Как подчеркивает С. С. Лосев, «...понятие "нераскрытая информация" определяет, что охраняется и что выступает в качестве объекта возможных правоотношений, а понятие "коммерческая тайна" определяет то, каким образом нераскрытая информация охраняется» [14, с. 63]. Данное разграничение понятий стало возможным благодаря реализации норм, установленных Законом Республики Беларусь «О коммерческой тайне» 2013 г.

Как первоначальная, так и действующая редакции ГК Республики Беларусь предполагают возможность защиты прав на иные виды информации, кроме сведений, которые могут охраняться в режиме служебной или коммерческой тайны. Так, после принятия данного законодательного акта стало возможным осуществление защиты информации, относящейся к нематериальным благам, т. е. являющейся личной и семейной тайной. Кроме того, отдельные статьи ГК Республики Беларусь предусматривают защиту информации, которая по своей сути составляет профес-

сиональную тайну, а именно тайну сведений о страховании и тайну завещания (нотариальную).

Большое влияние на гражданско-правовое регулирование отношений в сфере информации на современном этапе оказали и иные нормативные правовые акты. Например, принятый в 2002 г. Закон Республики Беларусь «О защите прав потребителей» закрепил право граждан на информацию «о товарах (работах, услугах), а также об изготовителях (продавцах, поставщиках, исполнителях)»². Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» 2008 г. определил перечень информации, «распространение и (или) предоставление которой ограничено»³, куда включены персональные данные, а также тайна частной жизни. Отметим, что отношения по поводу этих нематериальных благ регулируются в том числе и нормами гражданского права.

Итак, гражданское законодательство Республики Беларусь в сфере информации динамично развивается и в настоящее время. Это позволяет принимать все необходимые меры для обеспечения информационной безопасности как общества в целом, так и отдельного гражданина.

В результате проведенного анализа формирования гражданского законодательства в сфере информации нами были сделаны некоторые выводы:

1. Опираясь на анализ правовой регламентации институтов различных тайн, в становлении и развитии гражданско-правового регулирования отношений, возникающих в информационной сфере, предлагаем выделить следующие этапы:

- дореволюционный период (от появления первых государственных образований на белорусских землях до 1917 г.);
- советский период (с 1917 по 1991 гг.);
- переходный (постсоветский) период (с 1991 по 1998 гг.);
- современный период (с 1998 г. по настоящее время).

2. С учетом определения особенностей гражданско-правового регулирования отношений в сфере информации на различных этапах полагаем целесообразным отнести к наиболее значимым из них переходный (постсоветский) и современный периоды. В основе такого выделения лежит принятие ГК и иных законодательных актов Республики Беларусь в качестве основных источников, регулирующих исследуемые отношения.

3. В условиях цифровизации и развития договорных отношений предложенный анализ и обобщение

² Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-3 «О защите прав потребителей» (в ред. 06.01.2024 № 353-3, 2/3073) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 10, 2/839. Ст. 7.

³ Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» (в ред. 10.10.2022 № 209-3, 2/2929) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2008. № 279, 2/1552. Ст. 17.

¹ Закон Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-3 «О коммерческой тайне» (в ред. 17.07.2018 № 132-3, 2/2570) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2013. № 3, 2/2014. Ст. 21.

опыта предыдущих периодов формирования гражданского законодательства позволяет определить место информации в системе объектов гражданских прав, установить роль субъектов в рассматриваемых правоотношениях, а также усовершенствовать способы ее гражданско-правовой защиты.

Библиографический список

1. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. 284 с.
2. Исаев И. А. История отечественного государства и права: учебное пособие для подготовки к кандидатскому экзамену. М.: Норма, Инфра-М, 2017. 799 с.
3. Доунар Т. І. Грамадзянскае права феадальнай Беларусі XV–XVI стагоддзяў (Гражданское право феодальной Белоруссии XV–XVI вв.). Мінск: БДУ, 1997. 84 с.
4. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. [и с предисловием] О. И. Чистякова. / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.
5. Статут Великого Княжества Литовского 1529 г. / Академия наук Белорусской ССР, Отдел правовых наук. Минск: АН БССР, 1960. 253 с.
6. Фатьянов А. А. Очерк истории развития института коммерческой тайны в российском законодательстве имперского периода и периода возрождения рыночных экономических отношений // Пространство и время. 2014. № 4. С. 168–174.
7. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.: с приложен. предметн. алфавитн. указателя. Неофиц. изд. СПб.: Каменноостровский юридич. книжн. магазин В. П. Анисимова, 1903. 253 с.
8. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права: 9-е изд. (2-е посмертное). М.: Московское Научное Издательство, 1919. 373 с.
9. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: изд. 1885 г.: с доп. по продолж. 1906, 1908 и 1909 годов, с прилож. мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената / изд. Н. С. Таганцевым. 19-е изд., доп. СПб.: Типография М. Меркушева, 1911. 577 с.
10. Беляев М. В. Объект и субъекты права на коммерческую тайну: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 209 с.
11. Кокорин И. С., Игбаев З. Р. Развитие коммерческой тайны в России (историко-правовой аспект) // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 1. С. 92–100.
12. Афанасенко А. В., Войтик А. А., Дедков Л. Л. [и др.]. Комментарий к Закону БССР «О предприятиях в Белорусской ССР». Минск, 1991. 229 с.
13. Колбасин Д. А., Бокшиц А. М. Теоретико-правовая характеристика защиты коммерческой тайны, ее характерные особенности // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2017. № 1. С. 148–151.
14. Лосев С. С. Охрана нераскрытой информации в Республике Беларусь // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2013. № 5. С. 61–71.

References

1. Ioffe O. S. Selected works on civil law. M.: Statute, 2000. 284 p.
2. Isaev I. A. History of the domestic state and law: textbook for preparation for the candidate's exam. M.: Norma, Infra-M, 2017. 799 p.
3. Dovnar T. I. Civil law of feudal Byelorussia. XV-XVI cent.). Minsk: BSU, 1997. 84 p.
4. Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 vols. / ed. by V. L. Yanin. M.: Yuridicheskaya Literatura, 1984. 430 p.
5. Statute of the Grand Duchy of Lithuania 1529 / Academy of Sciences of the BSSR. Minsk: Academy of Sciences of the BSSR, 1960. 253 p.
6. Fatyanov A. A. Sketch of the history of the development of the institute of commercial secrecy in the Russian legislation of the imperial period and the period of revival of market economic relations // Space and Time. 2014. № 4. Pp. 168–174.
7. The New Criminal Code, Highly approved on March 22, 1903: with an appendix of the subject alphabetical index. Unofficial edition. St. Petersburg: Kamennooostrovsky juridical bookstore V. P. Anisimov, 1903. 253 p.
8. Shershenevich G. F. Textbook of commercial law: ed. 9th (2nd posthumous). M.: Moscow Scientific Publishing House, 1919. 373 p.
9. Statute on punishments imposed by magistrates: edition of 1885: with supplements to continue. 1906, 1908 and 1909, with an appendix of motives and extracts from the decisions of the cassation departments of the Senate / published by N. S. Tagantsev. Izd. 19th. Tipografiya M. Merkushev, 1911. 577 p.
10. Belyaev M. V. Object and subjects of the right to commercial secrecy: dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2005. 209 p.
11. Kokorin I. S., Igbaev Z. R. Development of commercial secrecy in Russia (historical and legal aspect) // Leningrad Law Journal. 2011. № 1. Pp. 92–100.
12. Afanasenko A. V., Voitik A. A., Dedkov L. L. [and others]. Commentary to the Law of the BSSR «On Enterprises in the BSSR». Minsk, 1991. 229 p.
13. Kolbasin D. A., Bokshits A. M. Theoretical and legal characteristics of the protection of commercial secrets, its characteristic features // Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus. 2017. № 1. Pp. 148–151.
14. Losev S. S. Protection of undisclosed information in the Republic of Belarus // Patents and licenses. Intellectual rights. 2013. № 5. Pp. 61–71.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 28.12.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 28.12.2023; accepted for publication 15.03.2024

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Научная статья
УДК 343.98

Ложное алиби как прием противодействия расследованию преступлений

Андроник Наталья Ауреловна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, Natali376@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется ложное алиби, выдвинутое обвиняемым (подозреваемым), как прием противодействия расследованию преступлений. На основе анализа теоретических и практических аспектов показано, что следователю необходимо предвидеть возможное противодействие со стороны отдельных участников уголовного судопроизводства. Обосновывается необходимость проверки заявленного алиби для обеспечения полноты и объективности расследования по уголовному делу и установления доказательств причастности лица к совершенному преступлению.

Ключевые слова: ложное алиби, подозреваемый, обвиняемый, преступление, противодействие, расследование, раскрытие, уголовное дело

Для цитирования: Андроник Н. А. Ложное алиби как прием противодействия расследованию преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 69–73.

Original article

False alibi as a method of countering the investigation of crimes

Andronik Natalia A.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, Natali376@mail.ru

Abstract. The article examines a false alibi put forward by the accused (suspect) as a method of counteracting the investigation of crimes. Based on the analysis of theoretical and practical aspects, it is shown that the investigator needs to anticipate possible opposition from individual participants in criminal proceedings. The need to verify the stated alibi is substantiated to ensure the completeness and objectivity of the investigation in a criminal case and to establish evidence of a person's involvement in the crime committed.

Keywords: false alibi, suspect, accused, crime, counteraction, investigation, disclosure, criminal case

For citation: Andronik N. A. False alibi as a method of countering the investigation of crimes // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 69–73.

При раскрытии и расследовании уголовных дел следователи (дознаватели) постоянно сталкиваются с противодействием, направленным на воспрепятствование установлению истины. В последнее десятилетие наблюдается резкое усиление противодействия организованными преступными группами, лицами, совершившими преступления в сфере информацион-

но-телекоммуникационных технологий, а также коррупционные преступления.

Современные криминалистические аспекты противодействия имеют непосредственную связь с историческими периодами. Из дошедших до нас документов следует, что египтяне, несмотря на их осо-

бую набожность в почитании многочисленных богов, грабили гробницы фараонов и принимали меры к сокрытию этих преступлений, пренебрегая при этом заклятиями жрецов и возможными карами [1, с. 78]. Изучению способов сокрытия следов преступления уделяли внимание знаменитые ученые-криминалисты: Г. Гросс, Р. С. Белкин, И. Н. Якимов, В. И. Громов и др. [2, с. 58]. Оценивая научную разработанность данной темы, следует отметить, что этот вопрос является актуальным. В настоящее время понятию, сущности, особенностям выявления и преодоления противодействия посвящено значительное количество научных трудов (А. С. Андреев, Б. Я. Гаврилов, В. П. Лавров, В. Н. Карагодин, Р. Р. Рахматуллин и др.).

По мнению В. Н. Карагодина, противодействие предварительному расследованию – это «умышленные действия (или система действий), направленные на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу, достижению других целей предварительного расследования» [3, с. 35].

В свою очередь Б. Я. Гаврилов и В. П. Лавров определяют противодействие следующим образом: это совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников, а также связанных с ними лиц, направленная на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний» [4, с. 18].

Основная цель противодействия – уклониться от ответственности за совершенное преступление или, по меньшей мере, добиться неза заслуженного смягчения наказания.

Одним из приемов противодействия является выдвижение ложного алиби. В уголовно-процессуальной и криминалистической литературе можно встретить различные подходы к пониманию термина «алиби». Это объясняется тем, какую авторы подразумевают совокупность существенных признаков. «Алиби – значит в другом месте», – указывает М. С. Строгович [5, с. 29]. Другие авторы информационную сущность алиби при расследовании преступлений (заявленное на допросе алиби) характеризуют как доказательство невиновности. С данным утверждением можно согласиться только в том случае, если действительность заявленного алиби подтверждена проверкой. Анализ имеющихся в научной литературе трактовок термина «алиби» определяет содержание следующих существенных признаков: место совершения расследуемого преступления; время совершения этого преступления; место, где в это время фактически находился обвиняемый [6, с. 185].

В криминалистическом аспекте алиби определяется как прием противодействия расследованию преступлений и выступает совокупностью активных действий подозреваемого или обвиняемого, направленных на предоставление ложных сведений относительно нахождения себя вне места совершения преступления.

Выдвинутое обвиняемым алиби обязывает следователя проверить указанную информацию. В ходе предварительного расследования могут складываться две ситуации.

1. Алиби соответствует действительности. Данная ситуация характеризуется тем, что обвиняемый (подозреваемый) в определенное время и в указанном месте (место преступления) не мог совершить преступление, т. к. действительно в этот момент находился в другом месте. Это суждение подтверждается правоприменительной практикой. В ходе расследования разбойного нападения, в совершении которого подозревался Р., потерпевшая М. на допросе пояснила, что приметы нападавших не видела, т. к. удары, повлекшие опасные для жизни и здоровья телесные повреждения, были нанесены ей сзади. Однако она слышала речь преступников, а голос одного из них был очень похож на голос ее соседа по фамилии Р. Допрошенный в качестве подозреваемого Р. пояснил, что преступление он не совершал и в указанное время находился в ином месте. Заявленное Р. алиби следователем было проверено путем допроса свидетелей, которые в тот момент были вместе с Р. Таким образом, уголовное преследование в отношении Р. было прекращено¹.

2. Алиби не соответствует действительности. Проверенные путем оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий обстоятельства подтверждают, что у заподозренного лица ложное алиби. Так, серийный маньяк и убийца П. в период с 1998 по 2003 г. совершил 26 доказанных преступлений на территории Свердловской области, из них 11 убийств. П. был задержан сотрудниками уголовного розыска по подозрению в совершении убийства несовершеннолетней девочки и пояснил, что преступление он не совершал, но видел, как девочку сбил джип. В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий установлено, что на месте дорожно-транспортного происшествия отсутствуют следы, указывающие на механизм совершения преступления, т. е. нет явных признаков, свидетельствующих, что именно на данной территории был совершен наезд на ребенка. По ряду других эпизодов П. также старался уйти от уголовной ответственности и выдвигал различные алиби, которые в результате взаимодействия оперуполномоченных уголовного розыска, следователей и экспертов были опровергнуты. Соответственно, было доказано, что именно П. совершил убийство вышеуказанной девочки, а также другие преступления [7].

По степени подготовленности ложное алиби следует классифицировать как заранее подготовленное и неподготовленное. По объему информации – полное и частичное.

Подготовленное ложное алиби может быть в том случае, когда прошло определенное время между мо-

¹ Уголовное дело № 158307 (2010 г). Предварительное следствие по уголовному делу проводилось в СО по РПТО ОП № 15 УМВД России по г. Екатеринбургу.

ментом совершения преступления и вызовом лица на допрос к следователю. Обвиняемый (подозреваемый) проанализировал ситуацию и предпринял действия по созданию себе алиби, например, возможно убедил родственников, друзей, которые смогут подтвердить его ложные показания, либо приобрел билеты в кино или на электропоезд. Например, Л., был задержан по подозрению в убийстве жены через несколько дней, после того как обгоревшее тело было обнаружено в лесном массиве около города Екатеринбурга. По геолокации установлено, что именно Л. в указанный период времени находился рядом с местом обнаружения тела. Согласно алиби, выдвинутому Л., он находился территориально в кафе неподалеку от места преступления, но отношения к преступному событию не имеет, что в ходе расследования уголовного дела было опровергнуто [8].

При неподготовленном алиби действия субъекта противоправного деяния противоречивы и неконкретны. Учитывая, что лицо задержано сразу после совершения преступления или спустя небольшой промежуток времени, заподозренный выдвигает алиби, надеясь, что сотрудники правоохранительных органов не будут его проверять.

Для преодоления противодействия в форме ложного алиби особое значение имеет профессионализм проводящих предварительное расследование.

Деятельность следователя по прогнозированию противодействия расследованию и принятию опережающих мер по его профилактике может носить как общий, так и частный характер, т. е. выступать в виде отдельного тактического приема.

С развитием компьютерных технологий появляется новый вид алиби, именуемый «цифровое алиби», который в настоящее время является наиболее актуальным способом противодействия. Сущность его заключается в том, что подозреваемый, обосновывая свою непричастность к совершению преступления, опирается на данные своего компьютера или гаджета, свидетельствующие о том, что в уголовно-релевантное время он находился вне места совершения преступного деяния и работал на данном устройстве [9].

При изучении уголовных дел, по которым обвиняемые отрицают свою вину, но не имеют доказательств своей невиновности, отмечена следующая закономерность: в 90 % случаев обвиняемые говорят о «существовании так называемого "морального" алиби, заявляя о своем безупречном поведении в быту и на работе, личностных качествах, которые подтверждаются характеристиками и показаниями свидетелей» [10].

Проверка алиби в ходе судебного заседания также не редкость, соответствующие ходатайства поступают от подсудимых и их защитников достаточно регулярно. При этом возможны и ложные ссылки на алиби, а также создание ложного алиби с использованием различного рода ухищрений. В этом случае задача состоит в том, что истинная непричастность заподозренного в преступлении должна быть установлена

безусловно, а даже самые хитроумные уловки лиц, пытающихся ввести следственные органы в заблуждение, должны быть своевременно разоблачены.

Таким образом, ложное алиби как прием противодействия расследованию преступлений можно определить в качестве совокупности противоправных либо не противоречащих закону действий лица по выдвиганию и отстаиванию ложной информации о месте нахождения субъекта, совершившего преступление, в момент его совершения и тем самым направленных на воспрепятствование установлению объективной истины по делу. Сам процесс обоснования ложного алиби виновным складывается из следующих способов:

- 1) интеллектуальный способ – логико-мыслительные операции о том, как обосновать ложное алиби с учетом обстоятельств совершенного преступления;
- 2) физический способ – совокупность действий по обоснованию ложного алиби в объективной реальной действительности.

В целях решения проблемы преодоления противодействия криминалистикой разработаны тактические приемы, которые применяются в совокупности, в различных комбинациях и операциях или используются в отдельности. К приему логического характера можно отнести предъявление лицу таких уличающих доказательств, как показания участников уголовного судопроизводства, заключение эксперта, данные криминалистических учетов, видеозаписи, вещественные доказательства. Логические приемы, как правило, используются в комплексе с психологическими, тогда они будут называться комплексными.

Поскольку к алиби, выдвинутому обвиняемым (подозреваемым), следует

относиться крайне внимательно, стоит учитывать, что преступник, как правило, осознает необходимость его создания и различными средствами пытается его обосновать. Пока допрос протекает в форме заученных показаний, у обвиняемого сохраняется уверенность. Но стоит допросить его более подробно об обстоятельствах, о которых он ничего не сказал или не придавал им значения, (соответственно не готовился отвечать на эти вопросы), он теряется и якобы не может вспомнить отдельные факты, ограничиваясь формулировками самого общего характера. В этих случаях необходимо терпеливо добиваться, чтобы допрашиваемый подробно обосновал все обстоятельства событий, на которые он ссылается. В такой ситуации универсальным тактическим приемом является детализация показаний.

В целях подготовки ложного алиби преступник может прямо или косвенно показать влияние на свидетелей. В этом случае предполагается, что правонарушитель заранее имеет ясное представление о месте и времени преступления и еще до его совершения он ищет свидетелей, которые дали бы показания в его пользу. Такое влияние преступника на свидетелей предполагает, что они находятся в близких отношениях. Если подготовленное еще до совершения

преступления алиби обсуждается с другими лицами, то они договариваются о том, что каждый из них должен будет показать на следствии.

Чтобы успешно опровергнуть такое алиби, надо допросить обвиняемого и свидетелей относительно подробностей, о которых заранее трудно договориться. В этом случае свидетели ложного алиби начинают путаться, неизбежно возникают противоречия, которые обычно удается доказать сначала одному свидетелю, потом другим, и, наконец, преступнику их ложь, тем самым побудив их дать правдивые показания.

Нередко преступник довольствуется голословным заявлением о своем алиби, не беспокоясь, насколько оно убедительно. Отказываясь от активных действий, он конструирует алиби сугубо умозрительно, не прибегая к помощи свидетелей. При этом правонарушитель называет место своего истинного местонахождения, которое, по его мнению, вряд ли может быть проверено, например, кинотеатр.

Известно три порядка предъявления доказательств обвиняемому:

- 1) последовательно и с нарастающей силой воздействия каждого доказательства;
- 2) с расчетом на эффект воздействия решающего доказательства;
- 3) используя всю совокупность доказательств одновременно.

В первом случае у лица, дающего показания, создается психическое напряжение. Тем самым стремление к разрядке, высокий тонус ожидания какого-то нового доказательства, разрушающего его позицию отрицания действительной вины, формируют у него убеждение в необходимости дачи правдивых показаний.

Таким образом, можно выделить следующие тактические приемы, направленные на преодоление ложного алиби:

1. Допущение легенды – допрашиваемому лицу дается право изложить свою легенду, чтобы в дальнейшем следствие опровергло ее. Данный прием рекомендуется использовать в совокупности с приемом «пресечение лжи», т. е. когда легенда подозреваемого прерывается следователем в самом уязвимом месте, после чего включается процесс опровержения путем предъявления доказательств или использования приема внезапности.

2. Повторность – это прием, при котором следователь в ходе допроса требует от подозреваемого повторить данные ранее показания, что позволяет обнаружить противоречие. Данное следственное действие уточняет мельчайшие детали события преступления.

3. Косвенный допрос – разновидность проведения допроса в форме передачи скрытой информации, действующей в обход доминирующей негативной установки на умолчание (дачу ложных показаний) в силу сложных ассоциативных отношений, что может привести к внезапному проговору. Часто используется в совокупности с таким приемом, как форсиро-

вание темпа допроса – это процесс, в ходе которого следователь проводит допрос, переводя темы из одной сферы в другую, считая, что подозреваемый проговорится о нужной для расследования информации.

4. Проговорка – это тактический прием, в котором применяется форсирование темпа допроса, при этом ускорение происходит с постановкой неожиданных вопросов.

5. Выжидание – тактический прием, когда в допросе делается перерыв с целью понимания психического состояния подозреваемого под воздействием влияния на него.

6. Создание заполненности – прием, суть которого заключается в акцентировании внимания следователем на отдельных обстоятельствах уголовного дела для устранения имеющихся пробелов [11, с. 54].

Использование в ходе допроса такого криминалистического приема логического характера, как «демонстрация результатов судебной экспертизы», обусловлено значимостью заключения эксперта и способствует нейтрализации противодействия. Нередко обвиняемый (подозреваемый) осознает бессмысленность противодействия расследованию преступления, т. к. следователь в процессе убеждения обращается не столько к личностным характеристикам и полученным доказательствам, но и к научно-техническим достижениям. Очевидно, что такая информация трудно поддается фальсификации. Конечно, весьма веским аргументом для нейтрализации противодействия является уже само предъявление заключения экспертизы как уличающего доказательства.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что одной из актуальных проблем предварительного расследования является преодоление противодействия, оказываемое в большинстве случаев обвиняемым (подозреваемым). Эффективность организационно-тактических основ преодоления противодействия расследованию преступлений обеспечивается только комплексным характером их использования, в строгой координации с процессом собирания и исследования доказательств. Для преодоления противодействия в виде ложного алиби следователь (дознатель), орган дознания должны владеть психологическими, логическими, организационно-управленческими приемами, использование которых в совокупности позволит нейтрализовать противодействие и установить истину по уголовному делу.

Библиографический список

1. Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права / под ред. К. И. Батыра, Е. В. Поликарповой. М., 2000. Т. 1. С. 78.
2. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики: новое изд. перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. 837 с.
3. Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предвари-

тельному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 35.

4. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник для вузов / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. М.: Издательство Юрайт, 2018. 205 с.

5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М.: Наука, 1970. Т. 2. С. 29.

6. Андреев А. С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 191 с.

7. Зловещий треугольник из цикла честный детектив. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MMfOsPdZB5Q&ysclid=lrrqhawwy408504624>

8. Дело Лошагина. Красавица и фотограф. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26380/3258337/>

9. Виноградова О. П. Криминалистические особенности исследования «цифрового алиби» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 2. С. 65–68.

10. Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. 358 с.

11. Андроник Н. А., Елфимов П. В., Виноградова О. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019. 94 с.

11. Andronik N. A., Elfimov P. V., Vinogradova O. P. Counteraction to the investigation of crimes and measures to overcome it: a course of lectures. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 94 p.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 13.12.2023; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 15.03.2024

References

1. Reader on the General History of State and Law / ed. K. I. Batyr, E. V. Polikarpova. M., 2000. Т. 1. P. 78.

2. Gross G. Guide for forensic investigators as a system of criminology: new ed. rebake with ed. 1908. M.: LexEst, 2002. 837 p.

3. Karagodin V. N. Fundamentals of forensic teaching on overcoming opposition to preliminary investigation: dis. ... Doctor of Law. Sci. Ekaterinburg, 1992. P. 35.

4. Counteraction to the investigation of crimes and measures to overcome it: a textbook for universities / edited by. ed. B. Ya. Gavrilova, V. P. Lavrova. M.: Yurayt Publishing House, 2018. 205 p.

5. Strogovich M. S. Course of Soviet criminal procedure: Procedure for criminal proceedings according to Soviet criminal procedure law. M.: Nauka, 1970. Т. 2. P. 29.

6. Andreev A. S. False alibi and forensic methods of exposing it: dis. ...cand. legal Sci. Rostov-on-Don, 2001. 191 p.

7. The sinister triangle from the honest detective series. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MMfOsPdZB5Q&ysclid=lrrqhawwy408504624>

8. The Loshagin case. Beauty and photographer. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26380/3258337/>

9. Vinogradova O. P. Forensic features of the study of "digital alibi" // News of Tula State University. Economic and legal sciences. 2023. No. 2. P. 65–68.

10. Kokorev L. D., Kotov D. P. Ethics of criminal proceedings. Voronezh, 1993. 358 p.

Научная статья
УДК 343.98

Способы нейтрализации штатных и нештатных средств защиты автомобиля как элемент совершения угонов и хищений транспортных средств

Бахтеев Дмитрий Валерьевич¹, Шевырталов Егор Павлович²

¹ Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ae@crimlib.info, <https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>

² Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, shevyrtalove@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3874-0181>

Аннотация. В статье рассматриваются штатные и нештатные средства защиты автомобиля с позиций уязвимости к средствам их взлома или иного противодействия их работе. Преодоление таких систем является ключевым элементом совершения угонов и хищений транспортных средств. Детально рассматриваются технические особенности радиоперехвата с использованием код-граббера, использования ретранслятора сигнала брелока, прямого подключения к внутренней сети автомобиля и комбинаций указанных способов. Делается вывод о том, что темпы технологического развития преступности опережают процесс совершенствования средств защиты автомобиля, отсюда сохраняется тенденция раскрытия названных преступлений путем задействования внешних по отношению к автомобилю источников криминалистически значимой информации.

Ключевые слова: угон, кража автомобиля, код-граббер, защита от угона, радиоперехват сигнала, ретрансляция сигнала, расследование угонов

Благодарности: исследование выполнено в рамках Конкурса 2023 г. «Проведение исследований научными группами под руководством молодых ученых» Президентской программы исследовательских проектов, реализуемых ведущими учеными, в том числе молодыми учеными за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10011, <https://rscf.ru/project/23-78-10011>.

Для цитирования: Бахтеев Д. В., Шевырталов Е. П. Способы нейтрализации штатных и нештатных средств защиты автомобиля как элемент совершения угонов и хищений транспортных средств // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 74–79.

Original article

Methods of neutralization of regular and non-standard means of protection of the car as an element of theft and theft of vehicles

Bakhteev Dmitry V.¹, Shevyrtalov Egor P.²

¹ Department of Criminology V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia, ae@crimlib.info, <https://orcid.org/0000-0002-0869-601X>

² Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, shevyrtalove@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3874-0181>

Abstract. The article discusses standard and non-standard means of protecting a car from the standpoint of vulnerability to means of hacking or other counteraction to their work. Overcoming such systems is a key element in committing theft and theft of vehicles. The technical features of radio interception using a code grabber, the use of a key fob signal repeater, direct connection to the internal network of the car and combinations of these methods are considered in detail. It is concluded that the pace of technological development of crime is ahead of the process of improving the means of protecting the car, hence the tendency to disclose these crimes by using sources of criminally significant information external to the car.

Keywords: hijacking, car theft, code-grabber, hijacking protection, radio signal interception, signal retransmission, hijacking investigation

Acknowledgments: the research was carried out within the framework of the 2023 Competition “Conducting research by scientific groups under the guidance of young scientists” of the Presidential program of research projects implemented by leading scientists, including young scientists, through a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10011, <https://rscf.ru/project/23-78-10011>.

For citation: Bakhteev D. V., Shevyrtalov E. P. Methods of neutralization of regular and non-standard means of protection of the car as an element of theft and theft of vehicles // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 74–79.

В системе современной преступности угоны и кражи автомобилей занимают особое место, так как именно этот вид уголовно наказуемых деяний наглядно иллюстрирует влияние развития информационных технологий и внедрения их в правоохранительную деятельность на борьбу с ними. Обратимся к официальной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации [1].

**Статистика краж автомобилей
по ст. 158 УК РФ¹**

Год	Количество преступлений за январь - декабрь	Раскрываемость
2023	3590 (-28,3 %)	45,6 %
2022	5006 (-28,3 %)	41,7 %
2021	6978 (-26,8 %)	36,5 %
2020	9528 (-33,3 %)	29,3 %
2019	14 290 (-14,8 %)	23,0 %
2018	16 776 (-14,8 %)	21,5 %
2017	20 830 (-16 %)	19,4 %
2016	24 808 (-18,9 %)	19,3 %

Анализируя вышеуказанные данные, мы можем наблюдать, что ежегодно количество совершенных преступлений, связанных с хищением транспортных средств, уменьшается, при этом повышается их раскрываемость. Считаем, что совершенствование средств пассивной защиты имущества и внедрение правоохранительными органами в свою деятельность новых технологий (в первую очередь систем мониторинга дорожного движения и распознавания номеров транспортных средств) создают огромные трудности для злоумышленников, желающих завладеть чужим автотранспортом. Можем предположить, что такая тенденция будет продолжаться. Однако необходимо как совершенствовать способы защиты имущества граждан, так и повышать уровень информационного обеспечения предварительного расследования, ведь раскрываемость остается на довольно низком уровне. Это приводит к тому, что более поло-

вины транспортных средств не возвращается законным владельцам. Учитывая среднюю рыночную стоимость автомобиля, бывшего в эксплуатации, которая составляет 1,6 млн рублей [2], мы можем понять, насколько значителен имущественный ущерб от таких преступлений.

Не преувеличением будет охарактеризовать процесс борьбы с преступностью как гонку технологий. К сожалению, на каждое средство защиты находится свой метод атаки. Это ставит перед правоохранительной системой и научным сообществом задачу – разработать подходы предотвращения, раскрытия и расследования преступлений указанной категории. В настоящей статье мы охарактеризуем способы совершения угонов и краж автотранспортных средств, основанные на современных технологиях и включающие использование радиоэлектронных средств как элемент криминалистической характеристики таких преступлений.

Учитывая, что способы угона или хищения автомобиля напрямую зависят от преодоления штатных и дополнительных средств его защиты, кратко остановимся на них.

Сигнализация способна оповещать владельца автомобиля, в отношении которого совершаются неправомерные действия, или привлечь внимание находящегося рядом с ним лиц. В системе сигнализации могут быть установлены антисканеры и антиграбберы. Первые, анализируя сигналы, поступающие на вход с приемника блока, фиксируют их с различными кодами (при работе сканера) и на несколько секунд отключают приемник. Антиграббер изменяет код радиосигнала, излучаемого брелоком после каждого нажатия на его кнопку. При этом предыдущий код стирается из памяти системы и не может быть использован для отключения сигнализации [3].

Иммобилайзер блокирует пуск и работу двигателя через какое-то время после включения или выключения зажигания (путем замыкания или размыкания нескольких электрических цепей). Нередким способом совершения преступления является замена штатного иммобилайзера на новый, запрограммированный по заказу преступников, что позволяет получить им доступ к автомобилю. Данное действие совершается, как правило, работниками сервисных центров, находящимися в сговоре с преступниками.

¹ Во втором столбце в скобках указан процент снижения количества таких преступлений в сравнении с аналогичным периодом прошлого года.

Радиолокационные системы не являются в полной мере средством предотвращения угона или хищения автомобиля, однако позволяют за счет пеленгации сигнала с небольшого приемопередатчика определить местонахождение транспортного средства. Современные угонщики обходят такие системы за счет использования мобильных подавителей сигнала (глушилок).

Аналогичным образом функционируют спутниковые системы на основе геопозиционных навигационных систем (GPS, Glonass и пр.). Недостатки этого способа защиты вызваны ограничениями технологии: сигнал спутника может быть заблокирован, например, железнодорожным контейнером или гаражом.

Недостатки данных систем безопасности осознают и зарубежные исследователи [4]. Они называют такие проблемы, как неэффективность узлов сотовой связи, использующих слишком широкое направление работы антенны (около 120°) для покрытия густонаселенного и развитого района, в котором может быть большое количество зданий, автомагистралей, парковок, гаражей и других объектов, позволяющих скрыть похищенное транспортное средство. С одной стороны, навигационные системы могут определять общее местоположение автомобиля относительно антенны сотовой связи, но с другой – вероятность определения его точного местоположения в короткий срок очень мала. Кроме того, узлы сотовой связи, расположенные в городских районах, охватывают очень большие площади мощными всенаправленными антеннами, что еще больше затрудняет розыск авто, поскольку антенны являются всенаправленными, а не секторными. В любом случае, здания, подземные автостоянки, горы и другие препятствия могут привести к тому, что вышки будут сообщать ложные показания.

Современные автопроизводители штатно или опционально оснащают автомобили премиального класса системой «SmartKey», которая предполагает усиленную охранную защиту автомобиля от несанкционированного проникновения и запуска двигателя посредством штатного ключа-иммобилайзера [5]. «SmartKey» представляет собой брелок, оснащенный программой дистанционного доступа ко всем функциям транспортного средства от открытия/закрытия дверей до запуска автомобиля и выезда с места парковки без водителя. Как утверждают сами автопроизводители, данная система обладает повышенной безопасностью, к сожалению, заявления компаний и реальность не всегда совпадают.

Похожая, но более упрощенная система бесключевого доступа устанавливается в современные автомобили и называется «KeyLessGo». Она способна определить наличие в зоне своего действия ключа-иммобилайзера и открыть двери, а также при нажатии кнопки «start/stop» запустить двигатель. «KeyLessGo» в отличие от «SmartKey» не оснащена функцией дистанционного управления автомобилем через специальное мобильное приложение или экран, встроенный непосредственно в брелок охран-

ной сигнализации, как это реализовано в некоторых автомобилях марки BMW.

Учитывая тематику настоящей статьи, мы ограничимся лишь указанными методами, оставив за рамками исследования механические способы защиты. Также отметим, что ни один из перечисленных способов не является абсолютно надежным, поэтому лучшим решением будет параллельное использование разных методов. Отметим, что из указанных средств защиты сигнализация и иммобилайзер препятствуют непосредственному совершению угона или хищения, а радиолокационные и спутниковые системы – действиям по сокрытию.

Способ совершения угона или кражи автомобиля является полноструктурным, в нем всегда присутствуют этапы подготовки, совершения и сокрытия преступления [6].

Тщательная подготовка к преступным действиям необходима для определения наиболее подходящего времени и места совершения угона, приобретения устройств и приборов для преодоления всех систем защиты автомобиля. К подготовке относятся действия по выбору объекта (сбор справочной информации о его технических характеристиках, в том числе противоугонных системах), времени, места, способа преодоления защитных средств транспортного средства, маршрута его перемещения, а также «создание алиби и выбор поведения при возможном задержании» [7]. Чаще всего при задержании автоугонщики используют ложное алиби и утверждают, что умысла на хищение транспортного средства у них не было. Тем самым деяние перекалифицируется на ст. 166 УК РФ, которое относится к преступлениям средней тяжести, тогда как ч. 3 ст. 158 УК РФ является тяжким преступлением.

Сокрытие преступления сводится к оставлению места происшествия, смене или снятию номерных знаков, что затрудняет определение маршрута похищенного автомобиля и, как следствие, установление его местонахождения. Чаще всего после угона автомобиль на время оставляют в «отстойнике» с целью его сокрытия от розыска. Такими местами чаще всего выступают гаражи, подземные паркинги, ангары, производственные помещения.

В практике органов расследования, научной, технической и публицистической литературе рассматриваются различные способы угонов и хищений автомобилей. С позиций криминалистики среди них можно выделить четыре ключевые группы.

1. Угон или хищение путем радиоперехвата. При открытии или закрытии автомобиля происходит радиобмен между ним и брелоком сигнализации. Учитывая, что радиоволны распространяются по большой площади, преступник имеет возможность, находясь рядом с целевым автомобилем, использовать специальное устройство – код-граббер. К сожалению, такие устройства доступны как для приобретения, так и для самостоятельной сборки из комплектующих, что делает их крайне популярными в преступной среде.

Наиболее доступным (но не наиболее эффективным) из устройств, способных осуществлять радиоперехват, является FlipperZero. Этот способ вызывает криминалистический интерес также тем, что в нем непосредственно используется защитная технология, которая предполагает, что передатчик (брелок) и приемник (автомобиль) обмениваются одноразовыми кодами, соответственно, старые коды уже не могут быть использованы преступником. Если на современных автомобилях последовательность кодов может быть основана на генераторе случайных чисел, а значит условно бесконечной (это называется rollingcodes – плавающие коды), то на более старых моделях может использоваться лишь несколько десятков кодов, при этом приемник воспринимает и уже использованный ранее код.

Однако даже современные средства защиты не абсолютны. Так, еще в 2015 г. известный хакер Сами Камкар продемонстрировал код-граббер в виде небольшой монтажной платы (Рис. 1). Это устройство должно быть размещено рядом с автомобилем или, что бывает чаще, на его днище.

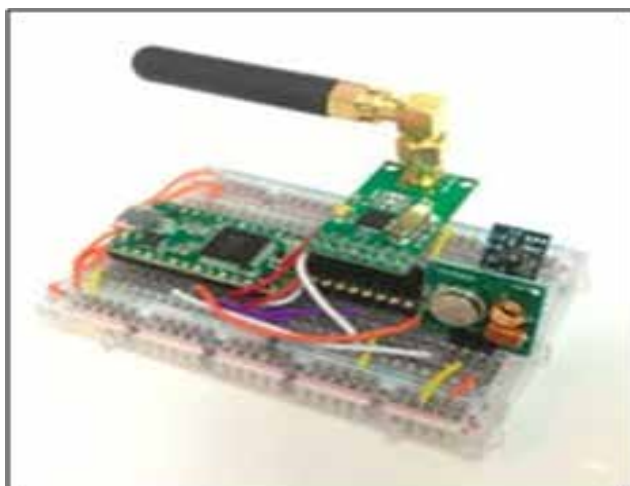

Рис. 1. Код-граббер

Работает оно следующим образом: когда владелец автомобиля нажимает кнопку разблокировки на брелоке, код-граббер глушит сигнал и записывает передаваемый им код. Поскольку автомобиль не открылся, его владелец нажимает на кнопку второй раз. Код-граббер снова глушит сигнал и фиксирует его код, но в то же время отправляет в автомобиль сигнал с первым кодом (поскольку он еще не использовался, то будет принят). Автомобиль открывается, и владелец может им пользоваться. Однако при этом у преступника теперь имеется ключ, которым можно разблокировать, а иногда и завести автомобиль.

Единственная из существующих систем автомобильной сигнализации, способная противостоять код-грабберам, использует диалоговый код с индивидуальными ключами шифрования. Работает это следующим образом: когда пользователь нажимает на кнопку открытия/закрытия дверей, брелок посы-

лает динамически закодированную команду в систему автомобиля, которая не выполняется, так как система отправляет запрос в виде динамически зашифрованного числа для подтверждения команды и проверки подлинности брелка. После этого брелок по средствам специального шифра (ключа) и сложного алгоритма перекодирует команду и опять отправляет ее системе автомобиля, если ключи совпадают, то она выполняется. Весь процесс происходит за доли секунды и незаметен для человека. Иными словами, между брелком и автомобилем ведется зашифрованный диалог («общение»), понятный только этим объектам, так как именно они обладают ключом к шифрованию и дешифрованию. Данный ключ является индивидуальным и присваивается при регистрации охранной системы. Длина ключа – 128 бит при этом возможно $3,4 \cdot 10^{38}$ комбинаций, поэтому для взлома потребуется слишком много времени [8].

Так как код-граббер не способен узнать алгоритм изменения кода, то его использование с целью взлома авто, оборудованного сигнализацией с диалоговым кодом, бесполезно. Однако это не означает, что такие автосигнализации невозможно взломать иными способами, поскольку алгоритм и ключи работы можно переписать напрямую. Например, в сервисном центре брелок остается вместе с автомобилем, владелец, ожидая окончания работ, уходит, в это время недобросовестные сотрудники автосервиса настраивают функционал брелка так, что открыть поставленный на охрану автомобиль не составит труда.

2. Использование ретранслятора (повторителя) сигнала, который иногда называют «длинной рукой» или «удочкой». Этот способ применяется преступниками для угонов и краж автомобилей, как правило, премиального сегмента [9], в которых используется технология бесключевого доступа, не требующая нажатия кнопок брелока для блокировки и разблокировки дверей или управления сигнализацией. В этом случае перехват радиосигнала, описанного выше, не осуществляется. Данный способ предполагает участие двух преступников. Первый из них дожидается момента, когда водитель покидает салон автомобиля, и следует за ним, включив ретранслятор, который передает на определенное расстояние радиосигнал брелока. Второй злоумышленник находится рядом с автомобилем, располагая приемником-передатчиком этого сигнала. Автомобиль распознает сигнал брелока, и преступники могут беспрепятственно получить доступ в салон (Рис. 2). Указывается, что «одна часть оборудования, которая должна считывать и передавать сигнал оригинального ключа, должна находиться в пределах не более 5 метров от него» [10]. Несмотря на высокую стоимость таких устройств (около 500 000 рублей), они имеют огромный спрос и популярность среди преступников.

Рис. 2. Принцип работы ретранслятора (повторителя) сигнала

3. Обход иммобилайзера с помощью прямого подключения к внутренней сети автомобиля. Для совершения этого действия преступнику необходимо получить доступ к электронике автомобиля, что может выражаться в демонтаже, к примеру, передней фары. На современных автомобилях часто встречаются адаптивные фары, имеющие прямое подключение к CAN-шине (controller area network – сеть контроллеров, обеспечивающая прием и получение сигналов между всеми электронными узлами автомобиля). Доступ к разъему получают путем демонтажа бампера, снятия фары либо просверливания отверстия в крыле автомобиля. После подключения к разъему специальных устройств (обычно в виде монтажных плат) производят кодирование «пустого» ключа, который впоследствии становится основным для этой машины. Тем самым преступники снимают блокировку дверей и запускают двигатель.

4. Получение доступа к работе всех систем автомобиля путем эмуляции радиосигнала¹. Около двух лет назад в арсенале автоугонщиков появился «алгоритмический код-граббер-эмулятор Keyless», который быстро завоевал популярность благодаря своим функциональным возможностям. Данное устройство объединяет достоинства всех вышеперечисленных цифровых способов угона авто в одно, способное взломать практически любой автомобиль, оборудованный системой «KeylessGo». Среди злоумышленников такой код-граббер называется «Тетрис» или «GameVo» из-за своего внешнего сходства с портативными игровыми приставками, распространенными в конце прошлого века. Данная особенность позволяет скрывать истинное предназначение этого устройства. В нем содержится информация о работе штатных автосигнализаций системы «KeylessGo», что

¹ Имитация функционирования одного устройства посредством другого устройства или устройств вычислительной машины, при которой имитирующее устройство воспринимает те же данные, выполняет ту же программу и достигает того же результата, что и имитируемое.

позволяет угонщику выбрать на устройстве марку, модель и год выпуска конкретного автомобиля, которым он желает завладеть, после подойти к этому транспортному средству и нажать на одну из кнопок, расположенных на дверях машины с бесключевым доступом. При попытке открытия охранная система автомобиля отправляет «пакет ключей» для проверки наличия оригинального ключа в зоне действия. В это время устройство переводится в режим сканирования и получает этот «пакет», далее, примерно за 30 секунд, «Тетрис» подбирает необходимый ключ, эмулирует его, что позволяет как разблокировать двери, так и запустить двигатель. Таким образом, весь процесс угона занимает не более одной минуты. Стоит отметить, что «алгоритмический код-граббер-эмулятор Keyless» может использоваться не только для угона автомобиля, но и для кражи личных вещей из транспортного средства.

В заключении хочется отметить, что одновременно с развитием противоугонных систем растет уровень преступного мастерства злоумышленников. Автоугонщики используют электронные устройства для доступа ко всем системам автомобиля. Свободный оборот таких устройств негативно сказывается на криминогенной ситуации, поэтому необходимо внести нормативные изменения, регулирующие куплю/продажу приборов, используемых в противоправных целях. Продолжение научных исследований специальных радиоэлектронных средств, содержащих криминалистически значимую информацию, позволит увеличить количество раскрытых преступлений, связанных с кражами и угонами транспортных средств.

В описанных случаях криминалистически значимая информация может фиксироваться на самом автомобиле и связанных с ним устройствах. Так, о возможностях получения из штатных систем автомобилей необходимых для следствия доказательств своей работе пишет А. Б. Смушкин [11]. Однако приведенные методы имеют высокую общественную опасность именно в силу того, что следовая информация либо находится в распоряжении преступников вместе с похищенным или угнанным автомобилем, либо же, в случае радиосигнала, рассеивается. Соответственно, основными методами раскрытия и расследования названных преступлений по-прежнему остаются внешние способы фиксации, такие как камеры видеонаблюдения, спутниковые системы и свидетельские показания.

Библиографический список

1. Состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 02.03.2024).
2. В России подержанные машины подорожали на 26 %. URL: <https://www.autonews.ru/news/656444f59a794777f8b3c2cc?ysclid=lt9vncf3hc103509352&from=copy> (дата обращения: 02.03.2024).
3. Абакаров А. А. Способы и средства защиты автомобиля от угона // Вестник Махачкалинского филиала МАДИ. 2010. № 10. С. 10–13.

4. Enhancing the Security of Vehicles and the Work of the DVLA Using GSM/SMS Technologies. URL: <https://www.researchgate.net/publication/283202354> (дата обращения: 02.03.2024).

5. Грибунов О. П., Столбов В. Р. Основные способы совершения краж автотранспорта организованными преступными группами // Юридический Вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 101–106.

6. Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 16–17.

7. Бердникова О. П. Основные способы совершения краж и угонов автотранспортных средств // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 143–144.

8. Диалоговый код против кодграббера. URL: <https://www.starline.ru/2013/publication/dialogovuj-kod-avtoline-03-2013/?ysclid=ltb4gyh1q6666906564> (дата обращения: 03.03.2024).

9. Хамидуллин Р. С., Аюкин Т. К. Предупреждение и раскрытие краж и угонов автотранспорта: актуальные проблемы и способы их решения // Полицейская деятельность. 2022. № 5. С. 20–31.

10. Столбов В. Р. Специальное техническое оборудование, используемое участниками организованных групп для совершения краж автомашин с системой бесключевого запуска двигателя // Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: материалы Всерос. науч.-практ. конференции к юбилею д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста Российской Федерации А. А. Протасевича. Иркутск, 15 декабря 2022 г. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. С. 105–110.

11. Смушкин А. Б. Возможности использования в расследовании информации компьютеризированных систем автомобиля и установленных на нем устройств // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 134–141.

References

1. The state of crime. URL: <https://мвд.пф/reports/1/> (date of access: 03/02/2024).

2. In Russia, used cars have risen in price by 26 %. URL: <https://www.autonews.ru/news/656444f59a794777f8b3c2cc?ysclid=lt9vncf3hc103509352&from=copy> (date of access: 03/02/2024).

3. Abakarov A. A. Methods and means of protecting a car from theft // Bulletin of the Makhachkala branch of MAD. 2010. No. 10. Pp. 10–13.

4. Enhancing the Security of Vehicles and the Work of the DVLA Using GSM/SMS Technologies. URL: <https://www.researchgate.net/publication/283202354> (date of access: 03/02/2024).

5. Gribunov O. P., Stolbov V. R. The main ways of committing thefts of motor vehicles by organized criminal groups // Legal Bulletin of the Samara University. 2020. Vol. 6. No. 2. Pp. 101–106.

6. Zuikov G. G. Criminalistic doctrine of the method of committing a crime: dis. ... dr. juris. sciences. M., 1970. Pp. 16–17.

7. Berdnikova O. P. The main methods of committing thefts and thefts of motor vehicles // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (38). Pp. 143–144.

8. Dialog code vs code grabber. URL: <https://www.starline.ru/2013/publication/dialogovuj-kod-avtoline-03-2013/?ysclid=ltb4gyh1q6666906564> (date of access: 03.03.2024).

9. Khamidullin R. S., Ayukin T. K. Prevention and disclosure of thefts and carjackings: current problems and ways to solve them // Policing. 2022. No. 5. Pp. 20–31.

10. Stolbov V. R. Special technical equipment used by participants of organized groups to commit thefts of cars with a keyless engine start system // Scientific support for the disclosure, investigation and prevention of crimes: materials of the All-Russian scientific and practical conference on the anniversary of Dr. of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation Protasevich A. A., Irkutsk, of December 15, 2022. Irkutsk: Baikal State University, 2023. Pp. 105–110.

11. Smushkin A. B. The possibilities of using information from computerized car systems and devices installed on it in the investigation // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15. No. 4. Pp. 134–141.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Бахтеев Дмитрий Валерьевич – доктор юридических наук, доцент

Information about the authors

Bakhteev Dmitry V. – Doctor of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 07.03.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 07.03.2024; accepted for publication 15.03.2024

Подходы к построению оптимальной структуры криминалистической характеристики легализации («отмывания») преступных доходов посредством использования криптовалют

Боровик Петр Леонидович¹, Самойло Владислав Алексеевич²

^{1,2} Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

Автор, ответственный за переписку: Боровик Петр Леонидович, int@amia.by

Аннотация. Статья посвящена проблеме противодействия легализации («отмыванию») материальных ценностей, полученных преступным путем, осуществляемой посредством использования криптовалют. Представлены результаты анализа различных точек зрения авторов на построение структуры криминалистической характеристики этого уголовно наказуемого деяния. Аргументирован подход к содержанию данной информационной модели, согласно которому ее структурные элементы не только выделяются, но и соотносятся с определенными фазами легализации преступных доходов. Раскрыт компонентный состав криминалистической характеристики, отражающий особенности механизма совершения этих преступлений.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, «отмывание» материальных ценностей, криптовалюта, криминалистическая характеристика, фазы противоправной деятельности

Для цитирования: Боровик П. Л., Самойло В. А. Подходы к построению оптимальной структуры криминалистической характеристики легализации («отмывания») преступных доходов посредством использования криптовалют // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 80–85.

Original article

Approaches to building the optimal structure of the forensic characteristics of the legalization («laundering») of criminal proceeds through the use of cryptocurrencies

Borovik Pyotr L.¹, Samoilo Vladislav A.²

^{1,2} Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: Borovik Petr L., int@amia.by

Abstract. The article is devoted to the problem of countering the legalization («laundering») of material assets obtained by criminal means, carried out through the use of cryptocurrencies. The results of the analysis of various points of view of the authors on the construction of the structure of the forensic characteristics of this criminal act are presented. An approach to the content of this information model is substantiated, according to which its structural elements are not only highlighted, but also correlated with certain phases of money laundering. The component composition of the forensic characteristics is revealed, reflecting the features of the mechanism for committing these crimes.

Keywords: legalization of criminal proceeds, laundering of material assets, cryptocurrency, forensic characteristics, phases of illegal activities

For citation: Borovik P. L., Samoilo V. A. Approaches to building the optimal structure of the forensic characteristics of the legalization («laundering») of criminal proceeds through the use of cryptocurrencies // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 80–85.

В структуре противодействия преступности традиционно выделяют криминалистические характеристики, служащие информационной моделью соответствующих видов криминальных деяний. Эти характеристики представляют собой абстрактные научные обобщения, отражающие типичные закономерности механизма совершения преступлений. Криминалистическая характеристика использования криптовалют в процессе легализации («отмывания») материальных ценностей, полученных преступным путем (речь идет о преступлениях, предусмотренных ст. 235 УК Республики Беларусь), может эффективно применяться для разработки и проверки следственных версий, организации, планирования и непосредственного осуществления различных следственных и иных процессуальных действий.

Проведенный нами анализ научной литературы, посвященной указанной проблематике (М. С. Азаров, А. А. Гусева, Ю. А. Даниленко, С. А. Дороховец, К. Э. Емцева, Д. Б. Жамбалов, Р. В. Журбин, С. И. Коновалов, Ю. В. Крачун, М. В. Косович, Н. И. Лимож, Ю. В. Крачун, О. В. Маркова, Л. Л. Мельник, В. И. Михайлов, Е. З. Трошин, А. Л. Баньковский, Э. Х. Надысева, И. Г. Мухин, А. Я. Палант, И. Н. Ефременко, В. В. Хилюта, А. М. Хлус, А. П. Шевченко, Е. В. Щеглова и др.), показал, что лишь немногие авторы изучали криминалистическую характеристику легализации материальных ценностей, полученных преступным путем, посредством использования криптовалют. Многие из них посвятили свои научные изыскания криминалистической характеристике легализации преступных доходов в целом, без учета специфики использования криптовалют в процессе «отмывания» доходов. Обобщив результаты их работ, можно сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует единый подход к определению структуры и, соответственно, содержания криминалистической характеристики легализации преступных доходов как в целом, так и при использовании криптовалют в процессе их «отмывания».

Указанные обстоятельства обосновывают актуальность обозначенной темы и определяют соответствующие задачи исследования.

Согласно общепринятому подходу, функциональную сторону криминалистической характеристики преступлений образует комплекс находящихся во взаимосвязи и взаимозависимости элементов [1, с. 82–88]. Вместе с тем неоднозначное толкование признаков преступлений, связанных с «отмыванием» преступных доходов посредством использования криптовалют, обуславливает необходимость разработки структуры эффективной и практически востребованной криминалистической характеристики.

Результаты изучения литературы, посвященной данной проблематике, позволяют выделить две основные группы подходов к определению структуры и содержания криминалистической характеристики легализации преступных доходов: первый, известный как элементный, связан с описанием отдельных элементов характеристики; второй, называемый фазовым, основывается на описании временных промежутков – фаз преступной деятельности.

Большинство криминалистов используют элементный подход для определения характеристик «отмывания» материальных ценностей, полученных преступным путем, включая использование криптовалют. Некоторые авторы отдают предпочтение фазовому подходу. Третьи считают, что для полного понимания характеристик легализации криминальных доходов, в том числе с использованием криптовалют, необходимо комплексное решение, включающее как элементный, так и фазовый анализ преступной деятельности. Мы придерживаемся точки зрения, выдвинутой последней группой ученых, и в рамках настоящей статьи попытаемся ее аргументировать.

Сторонники элементного подхода к числу структурных элементов криминалистической характеристики «отмывания» преступных доходов относят типичные сведения об объекте и предмете уголовно наказуемого деяния, о способах, характерных следах, месте и времени его совершения, личности преступника. При этом каждый из ученых предлагает и обосновывает собственный набор элементов криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений.

Так, предлагаются следующие подходы к структуре криминалистической характеристики указанных преступных деяний:

- предмет и субъект посягательства; физическая и психическая деятельность субъекта посягательства; место и время посягательства; внутренние и внешние связи; обстановка посягательства [2, с. 30–31];
- типичная информация о личности преступника и способах подготовки и совершения преступления (механизм преступления); типичная информация об обстановке и средствах совершения преступления; особенности предмета преступного посягательства и следов преступления [3, с. 8–10];
- место, время и способ совершения преступления; типичные следственные ситуации; типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения; данные о личности подозреваемого, обвиняемого [4, с. 83];
- предмет легализации преступных доходов; обстановка совершения преступлений; финансовый механизм, необходимый для реализации преступного замысла; способы совершения преступлений; следовая картина; сведения о личности преступников; состав и организация преступных групп [5, с. 272–278].
- предмет преступного посягательства; обстановка совершения преступления; способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; объекты-носители следовой информации; личностные данные преступников; мотивы и цели криминального деяния [6, с. 53].

Представленный анализ наглядно показывает наличие разногласий в подходах к построению криминалистической характеристики.

Так, не все авторы полагают целесообразным выделять в ее структуре такой элемент, как предмет преступного посягательства. На наш взгляд, такая позиция является достаточно спорной, поскольку характеристики субъекта криминального деяния, вы-

бор им конкретных финансовых операций, определение соучастников, а также частота и периодичность сделок напрямую зависят от предмета, в отношении которого совершается преступное посягательство. Кроме того, понимание сущности этого предмета позволяет органу уголовного преследования формулировать гипотезы о способах совершения преступления и его следах. Результаты соответствующей оперативно-следственной практики свидетельствуют о том, что при отсутствии информации о предмете преступного посягательства решение о возбуждении уголовного дела может быть отложено либо вообще не принято.

Обращаясь к рассматриваемому составу уголовно наказуемого деяния, следует заметить, что в зависимости от конкретного этапа или фазы преступной деятельности криптовалюта может выступать как предмет легализации преступных доходов, так и средством (орудием) реализации способов подготовки, совершения и сокрытия данного преступления.

Так, криптовалюта может использоваться как предмет легализации преступных доходов в случае, когда она получена в качестве оплаты за оказание соответствующих услуг. Затем приобретенную криминальным путем криптовалюту нужно «отмыть», что может заключаться в обмене ее на другую криптовалюту или фиатные средства. Например, противоправная услуга была оплачена посредством перевода криптовалюты Ethereum (Эфириум), которая затем была обменена на Bitcoin (Биткоин). В этом случае Bitcoin (Биткоин) является средством (орудием) реализации способа легализации преступных доходов.

В качестве средства (орудия) совершения преступлений при осуществлении действий по легализации материальных ценностей, полученных противоправным путем, криптовалюта чаще всего используется в качестве платежного инструмента. В этом случае отправитель и получатель криптовалюты могут взаимодействовать между собой напрямую, осуществляя транзакции без участия банковских или криптовалютных учреждений (бирж, обменников и пр.).

Некоторые авторы при изучении структуры криминалистической характеристики «отмывания» преступных доходов пренебрегают учетом способа его совершения. Мы убеждены, что такой подход также является весьма спорным, поскольку этот элемент в контексте информационной модели рассматриваемого преступления является одним из наиболее значимых и информативных. Именно способ указывает, какие именно преступные действия произведены, выражает субъективные компоненты личности лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, отражает форму его вины, мотив и цели, а также характер применяемых орудий и средств.

В свою очередь в некоторых публикациях способ легализации («отмывания») материальных ценностей, полученных преступным путем, рассматривается как физическая деятельность субъекта посягательства [7, с. 233]. Мы солидарны с позицией, утверждающей, что указанный элемент в структуре криминалистической

характеристики «отмывания» преступных доходов, в том числе с использованием криптовалют, должен рассматриваться самостоятельно [8, с. 53].

Дискуссионным представляется и включение типичных следственных ситуаций в структуру криминалистической характеристики по делам рассматриваемой категории [4, с. 83]. С одной стороны, выделение типичных следственных ситуаций во многом определяет содержание и направление деятельности органа уголовного преследования на каждом этапе расследования преступлений. С другой стороны, они относятся к закономерностям организации и расследования преступлений, а не к механизму преступления, определяющему структуру криминалистической характеристики в целом. Очевидно, это и определяет их положение в частной криминалистической методике в качестве отдельной составной части.

Как видим, элементный подход к построению информационной сущности преступления фокусируется на определении и анализе отдельных его компонентов без учета временных (хронологических) факторов, влияющих на их содержание. Полагаем, что это приводит к ограниченному пониманию механизма данного преступления.

В этой связи полагаем целесообразным не только представить элементы криминалистической характеристики рассматриваемого уголовно наказуемого деяния, но и соотнести эти элементы с определенными фазами противоправной деятельности. Такой подход раскроет и динамику совершения преступления, и содержание элементов на определенных этапах легализации. Прежде всего, это относится к сведениям о предмете, способе и обстановке совершения преступления, а также к следам, образующимся в результате совершения определенных операций по легализации.

Для подтверждения сказанного обратимся к анализу позиций сторонников фазового подхода к пониманию структуры криминалистической характеристики легализации («отмывания») материальных ценностей, полученных преступным путем. Указанный метод основывается на том, что при прохождении определенных фаз преступления оставляемые следы меняют свои свойства. Приверженцы фазового подхода анализируют криминалистическую характеристику исследуемых преступлений, опираясь на описание фаз (этапов) «отмывания» преступных доходов, что позволяет выявлять факты легализации в динамике (например, в процессе подготовки либо в процессе непосредственного совершения). Количество этапов, необходимых для «отмывания» преступных доходов, зависит от множества факторов, включая сложность механизма легализации, структуру преступной организации, характеристики преступления и др.

Анализ и обобщение имеющейся литературы [9; 10 и др.], а также эмпирических данных, полученных нами в процессе изучения оперативно-следственной и судебной практики, позволяет выделить различные многофазовые модели легализации материальных ценностей, приобретенных преступным путем. Ис-

следование показало, что наиболее распространенной является схема, состоящая из трех основных фаз (рис. 1).

Так, на первом этапе рассматриваемой схемы члены организованной преступной группы осуществляют конвертацию наличных денежных средств, полученных незаконным путем, в криптовалюты (чаще всего Bitcoin, реже – Ethereum, Monero и др.). Для этого они обычно обращаются к услугам анонимных онлайн-обменников, не требующих прохождения верификации (например, CoinStart, CryptoStrike, Xchang и др.), либо частных лиц. Для хранения приобретенной криптовалюты и последующего совершения крипто-транзакций используются анонимные электронные кошельки, также не требующие идентификации пользователя либо оставления какой-либо персональной информации об отправителе или получателе денежных средств.

На втором этапе осуществляется так называемое перемешивание (смешивание) криптовалютных средств. Для этого преступники используют криптовалютные «миксеры», также известные как «тумблеры» – онлайн-сервисы (например, Bitmix, Blender, Anonymix и др.), которые позволяют маскировать (скрывать) цепочки транзакций криптовалюты от разных источников, чтобы затруднить отслеживание их владельцем, усложняя связь между их исходными и целевыми адресами (кошельками).

Третий этап предполагает интеграцию «очищенных» денежных средств в легальный оборот и включает широкий перечень возможных действий:

– инвестирование криптовалютных средств в различные проекты (например, стартапы) и легальные бизнесы (приобретение активов или долей компаний), что позволяет получать «чистые» доходы, легально переводимые на собственные банковские счета;

– инвестирование криптовалютных средств в майнинг (процесс добычи криптовалюты с помощью специального оборудования), что позволяет не только преумножить имеющиеся средства в криптовалюте, но и в течение достаточно длительного периода времени генерировать доходы, которые в последующем путем смешивания с уже имеющимися средствами могут использоваться для легализации и вывода фиатных средств;

– участие в ICO (Initial Coin Offering) – в мероприятиях по привлечению финансирования для криптовалютных проектов путем выпуска и продажи новых токенов или монет. Основной принцип ICO заключается в том, что инвесторы покупают токены (цифровые акции) до того, как они станут доступны на криптовалютных биржах. Таким образом, инвесторы получают новые токены по более низкой цене, чем если бы они покупали их на бирже после выпуска, а участвующие в ICO компании либо уполномоченные физические лица, представляющие интересы злоумышленников, получают фактически легализованные финансовые средства;

– продажа криптовалюты на официальных биржах или через посредников, которые могут предоставлять услуги по ее обмену на фиатные деньги.

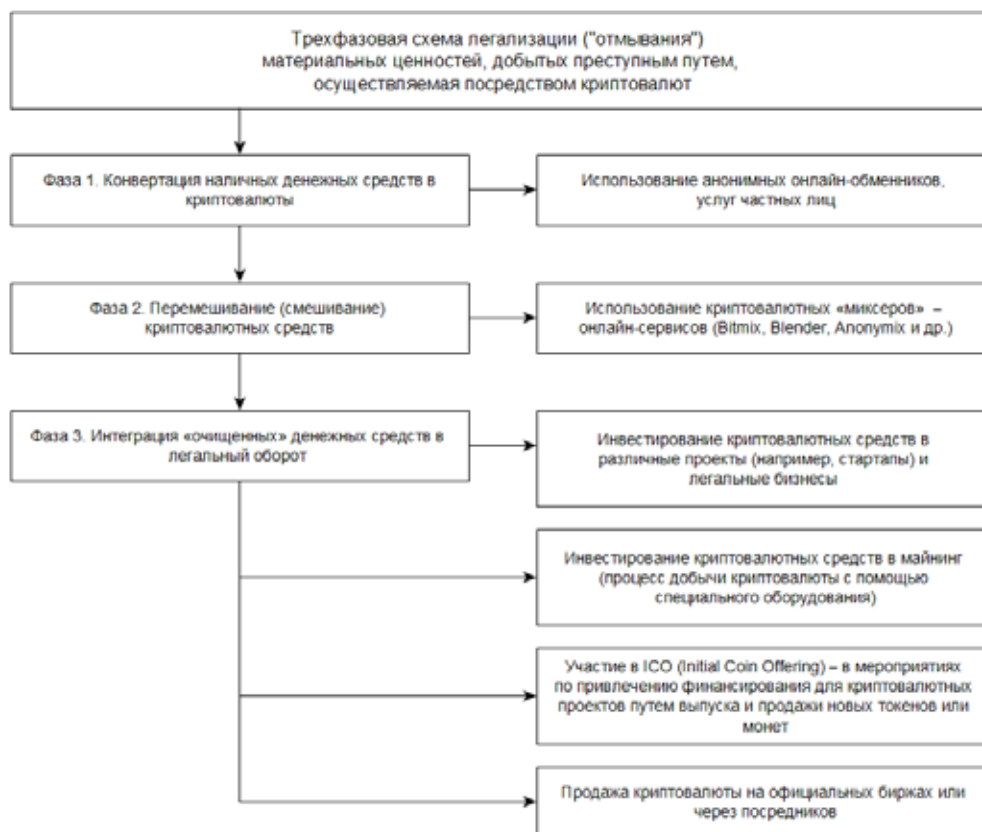

Рис. 1. Механизм легализации материальных ценностей, полученных преступным путем и осуществляемой посредством криптовалют

Как видим, механизм легализации материальных ценностей, полученных преступным путем, осуществляемой посредством криптовалют, является достаточно сложным и многогранным явлением, включающим в себя множество условий, факторов и взаимосвязей, которые обуславливают мотивы, действия, последствия, окружение и контекст, а также взаимодействие между различными участниками. Понимание этих фаз позволяет лучше изучить процесс легализации доходов, полученных преступным путем, с использованием криптовалют, а также разработать соответствующие меры для его нейтрализации. Полагаем, криминалистическая характеристика этого уголовно наказуемого деяния должна учитывать все эти аспекты и отражать полную и всестороннюю картину события.

В этой связи уместно говорить о возможности применения комплексного подхода, объединяющего элементный и фазовый подходы. Применительно к специфике рассматриваемой категории преступлений именно такое решение, на наш взгляд, способно раскрыть и динамику совершения криминального деяния, и содержание элементов его криминалистической характеристики на определенных этапах совершения преступления. Учитывая, что процесс «отмывания» преступных доходов посредством криптовалют состоит из несколько взаимосвязанных этапов (фаз преступной деятельности), обусловленных системой составляющих элементов (обстановка и способы совершения преступлений, типичная следовая картина, особенности личности преступника), это делает предлагаемый нами подход наиболее эффективным с точки зрения потребностей правоприменительной практики.

Некоторые ученые придерживаются схожей позиции относительно построения структуры криминалистической характеристики легализации преступных доходов, предлагая объединить принципы фазового и элементного подходов [9, с. 162; 10, с. 93].

С учетом результатов проведенного анализа в структуру криминалистической характеристики легализации («отмывания») материальных ценностей, полученных преступным путем, осуществляемой с использованием криптовалют, считаем целесообразным включить следующие элементы:

- 1) предмет преступного посягательства;
- 2) средства (орудия) совершения преступления;
- 3) обстановка совершения преступления;
- 4) способы легализации («отмывания») материальных ценностей, полученных преступным путем, с использованием криптовалюты;
- 5) типичная следовая картина;
- 6) сведения о личности преступника.

Предложенная структура отражает типичные закономерности механизма совершения соответствующих преступлений, в ней прослеживаются устойчивые и закономерные связи между элементами.

На основании проведенного нами исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Анализ научных источников позволяет выделить две основные группы подходов к определению структуры и содержания криминалистической характеристики легализации преступных доходов с использованием криптовалют: элементный (связан с описанием отдельных элементов характеристики) и фазовый (основывается на описании фаз противоправной деятельности). Для полного уяснения механизма совершения преступлений рассматриваемого вида в динамике (в развитии), а также понимания их криминалистической сущности рекомендован комплексный подход, сочетающий элементный и фазовый анализ соответствующей преступной деятельности. Это позволит не только определить и проанализировать отдельные компоненты рассматриваемого криминального деяния, но и раскрыть их содержание на определенных этапах совершения данного преступного деяния.

2. Основой формируемой структуры криминалистической характеристики легализации («отмывания») материальных ценностей, полученных преступным путем, осуществляемой посредством использования криптовалют является методологическая парадигма в виде системы следующих элементов: предмет – средства (орудия) – обстановка – способы подготовки, совершения и сокрытия – следы – личность преступника, а также комплексный подход к анализу содержания исследуемой преступной деятельности, согласно которому ее структурные элементы не только выделяются, но и соотносятся с определенными фазами легализации криминальных доходов.

Библиографический список

1. Коновалов С. И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики: монография. Ростов-на-Дону: РЮИ, 2001. 207 с.
2. Абаканова В. А. Криминалистическая характеристика и общая типовая программа исследования события с признаками легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт, 2002. 190 с.
3. Щеглова Е. В. Криминалистическое обеспечение расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2009. 195 с.
4. Коляда А. В. Расследование легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГИМО, 2010. 208 с.
5. Лузгин И. И. Криминалистика: учебно-методический комплекс для студентов спец. 1-24 01 02 «Правоведение»: в 5 ч. Ч. 4: Криминалистическая методика расследования и предупреждения отдельных видов и групп преступлений: в 2 кн. Новополюцк: ПГУ, 2009. Кн. 1. 384 с.
6. Маркова О. В. Теоретико-правовые и прикладные аспекты расследования легализации («отмы-

вания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2004. 140 с.

7. Абаканова В. А. [и др.]. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений / под ред. О. Н. Коршуновой, А. А. Степанова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 573 с.

8. Хлус А. М. Легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем, и ее криминалистическая характеристика // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. Вып. 2 (20). С. 47–58.

9. Жамбалов Д. Б. Криминалистическая характеристика легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4 (91). С. 159–168.

10. Крепышева С. К. К вопросу о формировании криминалистической характеристики преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов // Бизнес в законе. 2007. № 1. С. 91–99.

References

1. Konovalov S. I. Theoretical and methodological problems of criminology: monograph. Rostov-on-Don: RUI, 2001. 207 p.

2. Abakanova V. A. Forensic characteristics and a general standard program for studying events with signs of legalization (laundering) of funds or other property acquired by other persons through criminal means: dis. ... cand. legal sciences. SPb.: SPb. legal Institute, 2002. 190 p.

3. Shcheglova E. V. Forensic support for the investigation of legalization (laundering) of proceeds from crime: dis. ... cand. legal sciences. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 195 p.

4. Kolyada A. V. Investigation of the legalization (laundering) of criminally obtained income: dis. ... cand. legal sciences. M.: MGIMO, 2010. 208 p.

5. Luzgin I. I. Forensics: educational method. complex for special students 1-24 01 02 «Jurisprudence»: in 5 hours. Part 4: Forensic methods of investigation and prevention of certain types and groups of crimes: in 2 books. Novopolotsk: PSU, 2009. Book 1. 384 p.

6. Markova O. V. Theoretical, legal and applied aspects of the investigation of the legalization («laundering») of material assets acquired by criminal means: dis. ... cand. legal sciences. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic. Belarus, 2004. 140 p.

7. Abakanova V. A. [et al.]. Course of criminology: in 3 volumes. Vol. 3: Forensic methodology. Methods for investigating crimes in the field of economics, bribery and computer crimes / ed. by O. N. Korshunova, A. A. Stepanova. SPb.: Legal Center Press, 2004. 573 p.

8. Khlus A. M. Legalization («laundering») of funds obtained by criminal means and its forensic characteristics // Siberian criminal procedural and forensic readings. 2018. Issue 2 (20). Pp. 47–58.

9. Zhambalov D. B. Forensic characteristics of the legalization (laundering) of income obtained by criminal means // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (91). Pp. 159–168.

10. Krepysheva S. K. On the issue of forming a forensic characteristics of crimes associated with the legalization (laundering) of criminal proceeds // Business in Law. 2007. No. 1. Pp. 91–99.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Боровик Петр Леонидович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Borovik Pyotr L. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 21.07.2023; одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 21.07.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 15.03.2024

Научная статья
УДК 343.98

Понятие и проблемные аспекты преступлений в сфере предпринимательской деятельности

Дмитриев Константин Олегович
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, leoloboff@yandex.ru

Аннотация. В статье в качестве самостоятельного подвида экономических преступлений рассматриваются основные характеристики преступлений в сфере предпринимательской деятельности, а также актуальные вопросы борьбы с уголовно наказуемыми деяниями данной направленности. На основе правоприменительной практики предлагаются основные мероприятия по раскрытию наиболее распространенных и тяжких составов преступлений, связанных с предпринимательской деятельностью.

Ключевые слова: раскрытие преступлений, противодействие преступности, экономическая преступность, преступления сферы предпринимательской деятельности, квалификация преступлений, тактика раскрытия преступлений

Для цитирования: Дмитриев К. О. Понятие проблемные аспекты преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 86–91.

Original article

Concept and problematic aspects of business crime

Dmitriev Konstantin O.
Ural Law Institute of the Ministry of interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, leoloboff@yandex.ru

Abstract. The article, as an independent subtype of economic crimes, examines the main characteristics of crimes in the field of business activity, as well as current issues in the fight against criminal acts of this nature. Based on law enforcement practice, the main measures for uncovering the most common and serious crimes related to business activities are proposed.

Keywords: crime detection, crime prevention, economic crime, business crimes, classification of crimes, crime detection tactics

For citation: Dmitriev K. O. Concept and problematic aspects of business crime // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 86–91.

В условиях рыночных отношений предпринимательская деятельность является одним из важнейших направлений, формирующих фундаментальные основы экономической безопасности государства. Само понятие «предпринимательская деятельность» является составляющим более широкого понятия «экономическая деятельность».

Причинами преступлений в сфере предпринимательской деятельности являются низкий уровень жизни, отсутствие работы и местных источников дохода, неэффективность правовой системы, бюрократические проблемы, связанные с ее легальным оформлением, а также проблемы законодательства и упущения в работе правоохранительной системы.

Данные преступления оказывают негативное влияние на финансовый и инвестиционный климат субъектов хозяйственной деятельности и развитие экономики, а также способствуют росту цен и налогов, а также обороту некачественной продукции, в том числе представляющей вред для здоровья граждан, подрывая тем самым доверие к государственным институтам и правоохранительным органам.

Современное законодательство России определяет преступления в сфере экономической деятельности в обособленную гл. 22 УК РФ, не выделяя при этом отдельно деяния в сфере предпринимательской деятельности, которые имеют свою особую конструк-

© Дмитриев К.О., 2024

цию объекта, хотя и являются структурной частью преступлений в сфере экономической деятельности. Объект уголовно наказуемых деяний в сфере предпринимательской деятельности можно объединить как подвид экономических преступлений, имеющий свои особенности, специфические проблемы, требующие разработки отдельных решений и своеобразных методик раскрытия и противодействия.

В настоящее время органами прокуратуры РФ и МВД РФ преступления в сфере предпринимательской деятельности отдельно не учитываются, за исключением, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью. При этом данный перечень значительно шире, а официальные статистические данные, отражающие уровень преступности в данной сфере, отсутствуют.

Отдельно обобщить и идентифицировать преступления в сфере предпринимательской деятельности можно исходя из следующих признаков: они посягают на установленный законодательством порядок осуществления предпринимательской деятельности и (или) препятствуют ее свободному осуществлению. Разграничение преступлений в сфере предпринимательской деятельности относительно преступлений в сфере экономики можно провести с учетом определения обстоятельств, связанных:

- 1) с осуществлением предпринимательской деятельности или ее имитацией;
- 2) легальной или нелегальной предпринимательской деятельностью;
- 3) особенностями субъекта преступления и потерпевшего лица.

В. Д. Иванова рассматривает преступления в сфере предпринимательской деятельности как особый вид общественно опасных и незаконных действий, направленных на предотвращение независимой и рискованной деятельности, по систематическому извлечению прибыли, с ее регистрацией и лицензированием или без таковой [1].

Т. Д. Устинова относит к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности легализацию денежных средств, добытых преступным путем.

Однако по мнению большинства авторов, преступления данной категории чаще всего напрямую причиняют вред экономической безопасности государства, не касаясь непосредственно предпринимательства.

В свою очередь Э. Л. Сидоренко указывает на то, что преступления, предусмотренные ст. 159–159.6, 160, 165, 171 УК РФ нельзя относить к сфере предпринимательской деятельности в случаях, когда субъектом преступления является лицо, работающее в рамках трудового договора с индивидуальным предпринимателем либо когда мошеннические действия были совершены в рамках поддельных договоров [2].

Обобщая мнения Д. А. Баянова, М. Г. Жилкина и других ученых в области уголовного права, можно прийти к выводу, что преступления в сфере предпринимательской деятельности являются самостоятельной группой уголовно наказуемых деяний в сфере

экономики, которые в зависимости от юридического или фактического осуществления субъектами преступлений предпринимательской деятельности делятся на четыре группы:

- 1) преступления против собственности, совершенные в сфере легальной предпринимательской деятельности, связанной с неисполнением договорных отношений (ч. 5–7 ст. 159, ст. 160 и 165 УК РФ);
- 2) преступления, совершенные в сфере нелегальной предпринимательской деятельности или создающие условия для этой деятельности (ст. 171, 171.1, 171.2, 171.3, 171.4, 171.5, 172, 173.1, 173.2 УК РФ).
- 3) преступления, совершенные легальными предпринимателями в сфере кредитных отношений (ст. 176, 177, 195, 196, 197 УК РФ);
- 4) преступления, подрывающие условия справедливой конкуренции и равенства субъектов легальной предпринимательской деятельности (ст. 178, 180, 185.6 УК РФ) [3].

При этом стоит отметить, что наиболее существенное негативное влияние на криминогенную обстановку в сфере предпринимательской деятельности из рассматриваемых преступлений оказывают мошенничества в данной области, а также незаконная предпринимательская деятельность, связанная с реализацией немаркированной продукции.

Рассматривая первую группу, необходимо указать, что с 2016 г. законодатель убрал из самостоятельного состава норму ст. 159.4 УК РФ, предусматривающую ответственность за мошеннические действия в сфере предпринимательской деятельности, и ввел ответственность за данные преступления в качестве квалифицирующего состава ст. 159 УК РФ (ч. 5–7).

Согласно статистическим данным за мошеннические действия в сфере предпринимательской деятельности в 2022 г. было привлечено к ответственности 125 человек, из них 39 – к реальному лишению свободы. Изучение судебной практики по уголовным делам позволяет определить наиболее типичные способы совершения противоправных деяний данной категории [4].

Для понимания механизма их совершения необходимо рассмотреть типичные примеры. Так, 30 июля 2020 г. Пятигорским городским судом была привлечена к уголовной ответственности по ч. 6 ст. 159 УК РФ исполнительный директор ООО «Алтан» за хищение денежных средств ООО «Азимут Агро» путем обмана и злоупотребления доверием в результате заведомо ненадлежащего исполнения договорных отношений по поставке сельскохозяйственной продукции (кукурузы).

30 июля 2020 г. Ленинским районным судом города Саранска был привлечен к уголовной ответственности по ч. 5 ст. 159 УК РФ директор ООО «Электрика РМ» за хищение денежных средств ООО «Союз Экспорт» путем обмана и злоупотребления доверием в результате заведомо ненадлежащего исполнения договорных отношений по поставке кабельной продукции.

29 июля 2020 г. Первомайским районным судом города Кирова был привлечен к уголовной ответственности по ч. 5 ст. 159 УК РФ директор ООО «Ф» за хищение денежных средств ФКП «Комбинат "К"» путем обмана и злоупотребления доверием в результате заведомо ненадлежащего исполнения договорных отношений по поставке хладона путем его замены на четыреххлористый углерод¹.

Рассмотрев указанные преступления, можно сделать вывод, что механизм совершения мошеннических действий в сфере предпринимательской деятельности имеет схожие черты и связан с преднамеренным неисполнением договорных обязательств по поставке ранее оплаченных товаров, работ, услуг. Моментом окончания данных преступлений является дата перечисления денежных средств в виде аванса за поставляемую продукцию, после которой злоумышленник мог распоряжаться этими средствами по своему усмотрению.

В первых двух рассматриваемых случаях мошенничество совершалось путем злоупотребления доверием, когда лицо принимало на себя обязательства при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу имущества потерпевшего.

В третьем случае мошенничество было совершено путем обмана потерпевшей стороны. Здесь сложным моментом доказывания преступной деятельности является определение стоимости причиненного ущерба в виде разницы между стоимостью договора и стоимостью фактически поставленного имущества, а значит возникает необходимость в проведении экспертизы.

Ключевым обстоятельством доказательства преступной деятельности, связанной с мошенничеством в сфере предпринимательства, является субъективная сторона, а именно факт преднамеренного неисполнения договорных обязательств.

Типичными обстоятельствами, свидетельствующими об отсутствии у подсудимого намерения исполнять взятые на себя договорные обязательства, являются случаи, когда:

- 1) преступником предлагались потерпевшему наиболее выгодные условия заключения договора по сравнению с аналогичными предложениями;
- 2) у организации, возглавляемой преступником, отсутствовало специальное разрешение на осуществление определенного вида деятельности;
- 3) у организации-поставщика отсутствовали заключенные договоры с другими организациями, необходимые для осуществления договорных обязательств;
- 4) у организации-поставщика отсутствовало специальное оборудование, необходимое для выполнения договорных обязательств;
- 5) в рамках договорных отношений поставщиком использовались фиктивные документы.

При установлении и надлежащей процессуальной фиксации указанных обстоятельств имеется реальная возможность привлечения виновного лица к уголовной ответственности.

Как правило, информация о мошеннических действиях в сфере предпринимательской деятельности поступает в правоохранительные органы уже на стадии написания заявления о совершении противоправных деяний.

При сборе первоначального материала, связанного с обманом покупателя, путем умышленной поставки в рамках заключенного договора более дешевых товарно-материальных ценностей с целью незаконного завладения денежными средствами покупателя, необходимо:

1. Подробно опросить представителя потерпевшей стороны на предмет установления всех обстоятельств заключения договора и исполнения его условий.
2. Истребовать заверенные копии договора с приложениями, платежных документов, актов приема-передачи, товарно-транспортных накладных, учредительных документов, актов ревизии, приказов о приеме на работу и назначении на должность, актов ревизий, а также справок и иных документов, подтверждающих причиненный ущерб.
3. Опросить лиц, осуществлявших прием и учет товарно-материальных ценностей от поставщика, а также лицо, обнаружившее несоответствие товара условиям договора.
4. Произвести осмотр места происшествия (помещений организации покупателя – потерпевшей стороны) с целью фиксации информации о фактически поставляемой продукции и ее объемах, а также с целью передачи данной продукции на ответственное хранение для последующего проведения экспертизы.
5. Опросить сотрудников покупателя на предмет осуществления дальнейших действий, связанных с общением с поставщиком по факту несоответствия поставленной продукции.
6. Истребовать выписки о движении денежных средств по расчетным счетам, принадлежащим поставщику, с целью установления сведений о приобретении имущества, предназначавшегося для поставки потерпевшей стороне, а также схемы обналичивания денежных средств, полученных от покупателя.
7. Опросить руководителей фирмы поставщика на предмет обстоятельств заключения договора, а также причин непоставки товарно-материальных ценностей в соответствии с условиями договора.
8. Произвести осмотр места происшествия помещений организации поставщика с целью установления фактов, подтверждающих исключение намерений поставщика добросовестно исполнять условия договора с покупателем (отсутствие товаров, предусмотренных договором; отсутствие производственных мощностей на изготовление данных товаров; отсутствие договоров на приобретение продукции и т. д.).

¹ Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Pk9s5G2zQqYp/> (дата обращения: 30.10.2023).

9. Опросить сотрудников организации поставщика с целью установления сведений о порядке деятельности организации по закупке, производству и реализации товаров, а также обстоятельств ненадлежащего исполнения договора организацией-покупателем.

10. Истребовать заверенные копии учредительных документов, договоров с имеющимися приложениями на поставку товарно-материальных ценностей, документов, подтверждающих приобретение либо изготовление поставленной продукции.

11. Провести товароведческую экспертизу поставленной в адрес организации-покупателя продукции с целью установления точного размера причиненного ущерба.

12. Опросить других контрагентов организации-поставщика с целью выявления аналогичных фактов неисполнения договорных обязательств.

Указанный перечень проверочных и оперативно-розыскных мероприятий, а также следственных действий не является исчерпывающим и может изменяться и дополняться в зависимости от обстоятельств совершенного преступления, позиции подозреваемого (заподозренного), особенностей договорных отношений, финансово-хозяйственной деятельности обеих организаций и др.

Преступления второй группы, связанные с незаконной предпринимательской деятельностью, в зависимости от предмета преступных посягательств подразделяются на незаконную предпринимательскую деятельность, связанную с реализацией (а в некоторых случаях с производством и закупкой):

1) товаров, работ, услуг без регистрации или лицензии (ст. 171 УК РФ) – 144 преступления за 2022 г.;

2) товаров и продукции без маркировки или нанесения информации, в случае если такая маркировка и (или) нанесение такой информации обязательны (ст. 171.1 УК РФ) – 1103 преступления за 2022 г.;

3) услуг игорного бизнеса вне игровой зоны либо без лицензии (ст. 171.2 УК РФ) – 1164 преступления за 2022 г.;

4) этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, в том числе пищевой (ст. 171.3, 171.4 УК РФ) – 965 преступлений за 2022 г.;

5) услуг по предоставлению потребительских кредитов без регистрации или специального разрешения (ст. 172 УК РФ) – 385 преступлений за 2022 г.

Сюда же относятся:

1) незаконное создание юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) – 343 преступления за 2022 г.;

2) незаконное использование документов для образования юридического лица (ст. 173.2 УК РФ) – 2222 преступления за 2022 г. [4].

Статистика преступлений в сфере нелегальной предпринимательской деятельности говорит, что 37 % составляет незаконное использование документов для создания юридического лица, 19 % – незаконное оказание услуг в сфере игорного бизнеса и 18 % – реализация товаров и продукции без обязательной маркировки. Вместе с тем подавляющее число приго-

воров с реальным лишением свободы (80 приговоров или 44 % от общего числа) состоялось по преступлениям, предусмотренным ст. 171.1 УК РФ. Данный вид является одним из наиболее опасных, что вызывает необходимость рассмотрения правоприменительной практики по таким делам в целях выработки необходимых типовых мероприятий, направленных на их раскрытие.

Рассмотрим типичные механизмы совершения данных преступлений. Так, 25 ноября 2021 г. Шумяцким районным судом Смоленской области был осужден гражданин К. по ч. 6 ст. 171.1, осуществлявший перевозку немаркированных табачных изделий – сигарет «NZ goldcompact», в количестве 8500 пачек с целью последующего сбыта.

18 ноября 2021 г. Шадринским районным судом Курганской области были привлечены к уголовной ответственности по ч. 6 ст. 171.1 УК РФ два лица, которые организовали хранение и реализацию немаркированной табачной продукции неограниченному кругу лиц на территории города Шадринска.

16 марта 2021 г. Шарьинским районным судом Костромской области был привлечен к уголовной ответственности по ч. 6 ст. 171.1 гражданин В., который организовал хранение и сбыт немаркированной табачной продукции через принадлежащий ему магазин¹.

Анализ судебной практики помогает сформировать типовой перечень проверочных и оперативно-розыскных мероприятий, а также следственных действий, необходимых для раскрытия преступлений данной категории:

1. Проведение оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка» с целью документирования факта реализации табачной немаркированной продукции, находящейся на хранении.

2. Осмотр места хранения немаркированной продукции в целях изъятия и передачи ее на хранение, использования в качестве доказательства преступной деятельности, установления размера стоимости немаркированной табачной продукции, а также проведения экспертизы. При этом изъятие продукции может осуществляться в рамках оперативно-розыскного мероприятия «Обследование зданий, сооружений...», которое требует ведомственной санкции и привлекает дополнительное внимание надзорных органов к порядку его проведения. Учитывая, что факты реализации немаркированной табачной продукции и наличия крупной партии являются признаками, указывающими на наличие состава преступления, более целесообразно ее осмотр и изъятие осуществлять в рамках неотложного следственного действия «Осмотр места происшествия» после соответствующей регистрации сообщения о происшествии в КУСП.

3. Опрос продавца и иных сотрудников организации с целью установления собственника табачной

¹ Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Pk9s5G2zQqYp/> (дата обращения: 30.10.2023).

продукции, а также порядка ее поставки и реализации.

4. Изъятие сотового телефона, принадлежащего собственнику табачной продукции, с целью установления преступных связей, соучастников, обстоятельств приобретения, изготовления, маркировки и сбыта немаркированной табачной продукции, фотографий, фиксирующих указанную табачную продукцию и др.

5. Проведение компьютерно-технической экспертизы изъятого мобильного устройства.

6. Проведение экспертизы образцов изъятой табачной продукции с целью установления соответствия специальным маркам АО «Гознак» и стоимости изъятой табачной продукции.

7. Истребование учредительных документов организации, договоров аренды, сведений о выданных лицензиях, договоров приобретения немаркированной продукции и др.

8. Предоставление иных результатов оперативно-розыскной деятельности органу следствия или дознания.

Учитывая, что ч. 6 ст. 171.1 УК РФ относится к тяжким преступлениям, выявление и раскрытие данных противоправных фактов может проводиться в рамках иных оперативно-розыскных мероприятий, в том числе ограничивающих конституционные права граждан.

За преступления третьей группы (совершенные легальными предпринимателями в сфере кредитных отношений) в 2022 г. к ответственности было привлечено всего 107 человек, причем по своему квалифицирующему признаку все преступления были небольшой тяжести, 62 из них составили злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности.

Рассматривая преступления четвертой группы (подрывающие условия справедливой конкуренции и равенства субъектов легальной предпринимательской деятельности), стоит обратить внимание, что наиболее тяжкий состав здесь предусматривает санкция за незаконное использование средств индивидуализации товаров, совершенное организованной группой, за которые в 2022 г. было осуждено 71 лицо, из них 3 – к реальному лишению свободы. При этом стоит отметить, что методика раскрытия данных преступлений имеет схожие проблемные аспекты с методикой раскрытия преступлений в сфере нелегальной предпринимательской деятельности.

В целом борьба с преступностью в сфере предпринимательской деятельности требует принятия комплексных мер по совершенствованию законодательства, упрощению процедуры проверки и оформления документов, повышению юридической и финансовой грамотности населения, а также по координации деятельности правоохранительных органов, выработке ее эффективных мер и алгоритмов.

При этом тенденции развития уголовного законодательства направлены на разработку новых мер ответственности за совершение преступлений в сфе-

ре предпринимательства. Однако введенные статьи, предусматривающие уголовную ответственность, требуют разработки механизмов привлечения к ответственности за нарушение норм уголовного закона. Так, за 2022 г. к уголовной ответственности по ст. 171.5 УК РФ не было привлечено ни одно лицо, а по ст. 172.3 УК РФ – лишь одно [4].

Учитывая действующие проблемы, можно определить наиболее актуальные направления борьбы с преступностью в сфере предпринимательской деятельности:

1. Повышение квалификации оперативных сотрудников и сотрудников органов следствия и дознания, осуществляющих расследование и оперативное сопровождение преступлений указанной сферы, в том числе путем корректировки образовательных программ.

2. Использование современных технологий, баз данных, средств видеонаблюдения, мобильных устройств, беспилотных летательных аппаратов.

3. Улучшение координации действий между различными правоохранительными органами путем определения совместной стратегии борьбы с преступностью, взаимной интеграции информационных баз, проведения совместных оперативно-розыскных и проверочных мероприятий, обмена опытом по раскрытию и расследованию преступлений, оказания помощи в проведении экспертиз и использования сил и средств других ведомств.

4. Организация взаимодействия правоохранительных органов с уполномоченным государством лицами и общественными объединениями.

Таким образом, к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности, помимо связанных с незаконным предпринимательством, также относятся преступления против собственности, когда при причинении материального ущерба контрагенту пользуются доверительными или сложившимися деловыми отношениями либо применяют различные формы обмана.

Библиографический список

1. Иванова В. Д. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: общая характеристика и квалификации // INSITU. 2022. № 9. С. 43–47.
2. Сидоренко Э. Л. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы юридической идентификации // Общество и право. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-v-sfere-predprinimatelskoy-deyatelnosti-problemy-yuridicheskoy-identifikatsii> (дата обращения: 30.10.2023).
3. Жилкин М. Г. Понятие и квалификация преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Евразийская адвокатура. 2018. № 5. С. 98–102.
4. Судебная статистика РФ. Данные о назначении наказания по уголовным делам. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 30.10.2023).

References

1. Ivanov V. D. Crimes in the field of entrepreneurial activity: general characteristics and qualifications // IN SITU. 2022. № 9. Pp. 43–47.

2. Sidorenko E. L. Crimes in the field of entrepreneurial activity: problems of legal identification // Society and law. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-v-sfere-predprinimatelskoy-deyatelnosti-problemy-yuridicheskoy-identifikatsii> (date of access: 10/30/2023).

3. Zhilkin M. G. Concept and qualification of crimes in the field of entrepreneurial activity // Eurasian Bar. 2018. № 5. Pp. 98–102.

4. Judicial statistics of the Russian Federation. Criminal Sentencing Data. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (date of access: 10/30/2023).

Статья поступила в редакцию 31.10.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 31.10.2023; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 15.03.2024

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 342

Конституционные преобразования как фактор укрепления конституционного правопорядка в России

Безруков Андрей Викторович
Сибирский федеральный университет; Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск,
Россия, abezrukov@bk.ru

Аннотация. Раскрываются роль и значение конституционных преобразований как фактора укрепления конституционного правопорядка. Доказано, что проведение обоснованных, своевременных, качественно проработанных и необходимых конституционных преобразований предопределяет качество обеспечения конституционного правопорядка и повышает эффективность профилактики противоправных проявлений. Определены критерии допустимости и обоснованности проведения таких преобразований.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционные преобразования, конституционный правопорядок, противоправные проявления, конституционализация

Для цитирования: Безруков А. В. Конституционные преобразования как фактор укрепления конституционного правопорядка в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 92–95.

Original article

Constitutional changes as a factor strengthening the constitutional legal order in Russia

Bezrukov Andrey V.
Siberian Federal University; Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk,
Russia, abezrukov@bk.ru

Abstract. The role and significance of constitutional reforms as a factor in strengthening the constitutional legal order are revealed. It has been proven that the implementation of justified, timely, well-developed and necessary constitutional reforms predetermines the quality of ensuring constitutional law and order and increases the effectiveness of the prevention of illegal manifestations. Criteria for the admissibility and validity of such transformations have been determined.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, constitutional reforms, constitutional legal order, illegal manifestations, constitutionalization

For citation: Bezrukov A.V. Constitutional reforms as a factor in strengthening the constitutional legal order in Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 92–95.

Современные социальные проявления, в том числе качественное состояние конституционного правопорядка и динамика противоправных деяний, предопределяют и задают вектор, потребность и ос-

новные контуры проводимых государственно-правовых, в том числе конституционных, и иных публично-

правовых преобразований, которые всегда имеют различные предпосылки и социально-политические причины. Такие преобразования в той или иной мере отражаются как на качественном состоянии и развитии конституционно-правовой и уголовно-правовой политики [1; 2; 3; 4], так и определяют качественное обеспечение конституционного правопорядка, прав и свобод человека и гражданина, в целом продуктивность профилактики правонарушений.

Категория «конституционный правопорядок» уже не первый десяток лет как введена в конституционную доктрину, активно используется как в общеправовых, так отраслевых и межотраслевых правовых исследованиях. Критериями качественного установления и обеспечения конституционного правопорядка являются: формирование единой и согласованной нормативной правовой основы; эффективность и слаженность работы органов публичной власти; координация и четкое функционирование правоохранительных структур [5, с. 77–121].

Современное состояние, качественное и своевременное обеспечение конституционного правопорядка predeterminedены и обусловлены множеством факторов, в том числе характером и вектором проводимых государственно-правовых, в том числе конституционных, преобразований, пик которых в России пришелся на 2020 г.

Генеральная идея проведенной конституционной реформы 2020 г. в основе своей была сконцентрирована на укреплении единой системы публичной власти и перераспределении властных полномочий между федеральными органами публичной власти. Публичная власть в свою очередь стала предметом множества конституционно-правовых изысканий [6; 7], при этом сама категория «единая система публичной власти» выстроена на понятиях «государственность» и «государство», а принцип единой системы публичной власти имплицитно следует из совокупности конституционных положений общего характера [7, с. 59–60].

Закономерным продолжением развития конституционных поправок 2020 г., как заметил Генпрокурор России, выступая перед сенаторами Российской Федерации, явилось конкретизирующее нормотворчество, укрепляющее российский суверенитет и базовые ценности нашего общества. Прокуроры отслеживали процессы приведения правовых актов всех уровней государственной и муниципальной власти в соответствие с конституционными нормами и федеральным законодательством. За 2022 г. в регионах и муниципалитетах внесены поправки в 400 тыс. таких документов, принято почти 24 тыс. новых актов¹, что также способствует конституционализации законодательства и укреплению конституционного правопорядка.

¹ Доклад Генерального прокурора РФ И. А. Краснова в Совете Федерации Федерального Собрания РФ 26 апреля 2023 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=87329761> (дата обращения: 31.01.2024).

По своей сути конституционные реформы всегда должны исходить из верховенства Конституции РФ, ее высшей юридической силы и обуславливать процесс конституционализации, который сегодня имеет реверсивное движение, а именно не только проникновение и развитие конституционных положений в отраслевом национальном законодательстве, но и возведение на уровень текста Конституции РФ тех отраслевых положений, которые подлежат конституционному регулированию в силу их особой значимости (например, положения ст. 67.1, 75 Конституции РФ, вбирающие в себя нормы семейного, трудового права, права социального обеспечения).

Поэтому современная конституционализация отраслевого национального законодательства, связанная как с проникновением конституционных предписаний в отраслевые нормы, так и возведением на конституционный уровень определенных отраслевых норм, обуславливает как процессы конституционных преобразований, так и корректировку тех и иных отраслевых правовых предписаний, ориентируя органы власти на разработку и реализацию соответствующих мероприятий.

И здесь важно понимать и учитывать, что даже ключевые положения каждой отрасли национального права не «уместятся» в Конституции РФ, ее текст должен быть слитным, лаконичным и не может безмерно расширяться. Поэтому с учетом верховенства Конституции РФ и ее высшей юридической силы акцент должен фокусироваться на развитии и конкретизации конституционных положений в отраслевом национальном законодательстве.

Конституция Российской Федерации в 2023 г. преодолела 30-летний рубеж и, как уже упоминалось, лишь только в 2020 г. была подвержена серьезной содержательной модернизации, сконцентрированной в основном на изменении конфигурации публичной власти в России, основных направлений социально-экономической и политической модернизации, перераспределении и расширении властных полномочий федеральных органов государственной власти [8; 9; 10; 11].

В любом случае такие преобразования качественно изменили предмет не только конституционного, но и национального права в целом, проникли в различные конституционно-правовые, отраслевые и межотраслевые институты.

Проводимые конституционные реформы могут позитивно и негативно наполнять содержание не только конституционно-правовой материи, но и отраслевого российского законодательства и практики. Например, конституционная реформа 2020 г. показала особую значимость Закона РФ о поправке к Конституции РФ, усложнила процедуру его принятия и вступления в силу, дополнив ее участием Конституционного Суда РФ и вынесением поправок на общероссийское голосование. Следствием такой реформы явилась корректировка отраслевого (административного, трудового, уголовного, уголовно-процессуального и др.) законодательства.

Законодатель не стал изменять общий порядок принятия поправок к Конституции РФ и прописал этот усложненный алгоритм в конкретном Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». С одной стороны, мы получили более легитимную процедуру принятия и одобрения поправочного закона, обогатили конституционную практику и создали почву для осмысления доктрины. С другой стороны, в конституционном законодательстве остались дефектные, противоречащие друг другу конституционно-правовые нормы. Поэтому и оценка таких преобразований не может быть однозначной.

Аналогичную ситуацию мы наблюдали в 2014 г., при принятии в состав Российской Федерации Республики Крым, когда законодатель соединил в одном две разные процедуры – принятия и образования нового субъекта РФ: приняли Крым и одновременно образовали город федерального значения Севастополь, а положения ФКЗ от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» не предусматривают такой возможности и по-прежнему не скорректированы. Это еще один пример развития конституционной практики вразрез с общим установленным конституционным порядком. Как оценивать такие конституционные преобразования? Налицо формальная недоработка законодателя, которую давно пора устранить и предусмотреть в указанном ФКЗ такую возможность.

Поэтому если мы проводим конституционные преобразования и идем на изменение текста федеральной Конституции, то в таком случае необходимо: во-первых, продумать концептуальную основу таких реформ, привлечь компетентных ученых и практиков в работе над конституционным проектом; во-вторых, проработать вопрос исправления имеющихся дефектов и учета современных достижений конституционной и отраслевой доктрин и практики; в-третьих, сформулировать прогноз относительно последствий и убедиться в своевременности проводимых преобразований.

С учетом изложенного, необходимо выделить критерии допустимости и потребности проведения конституционных преобразований, в их числе можно включить такие, как:

1. Своевременность и последовательность проведения конституционных реформ. Предлагаемые преобразования должны учитывать социально-политическую и общественно-правовую ситуацию в стране, должны последовательно решать намеченные цели и задачи такой реформы, быть логически выстроены и осмысленны.

2. Обоснованность и необходимость преобразований заключается в том, что инициаторы таких поправок должны довести до юридической общественности и граждан необходимые аргументы и доводы, свидетельствующие о реальной потребности предла-

гаемых реформ и в высокой степени вероятностном прогнозе наступления определенных неблагоприятных последствий в случае их непроведения.

3. Качественная проработка концепции и содержания иницируемых конституционных преобразований. Концептуальная основа конституционной реформы должна исходить из парадигмы современной конституционно-правовой политики, иметь четкую структуру и содержание, соотноситься с действующими нормативными правовыми актами. Должно быть обеспечено понимание необходимости, содержания и возможности осуществления соответствующих изменений законодательства с учетом общественно-политической обстановки в целях минимизации/исключения конституционных рисков массового общественного несогласия. Для этого необходимо привлекать институты общественности к разработке конституционных поправок и учитывать их мнение.

4. Просчет и прогноз социально-политических и общественно-правовых последствий проводимой конституционной реформы. Инициаторы и реформаторы должны четко понимать и довести до общественности, к каким последствиям приведут или смогут привести проводимые преобразования конституционного законодательства и каким образом проводимая реформа отразится на укреплении конституционного правопорядка.

Концептуальные основы современных конституционных преобразований должны быть всегда ориентированы не только на совершенствование и укрепление ключевых конституционно-правовых институтов, но и на эффективное обеспечение прав человека, оптимизацию функционирования и сотрудничества органов публичной власти, укрепление конституционного правопорядка, результатом которого является в том числе своевременная профилактика и продуктивное противодействие противоправным проявлениям.

Таким образом, оценивая в целом возможность и целесообразность проведения конституционных реформ, следует исходить из необходимости, своевременности и обоснованности планируемых преобразований, ориентироваться на предложенные критерии их допустимости и всегда учитывать, насколько такие преобразования социально полезны, каким образом они качественно отразятся на содержании не только конституционной доктрины и практики, но и способствуют развитию и совершенствованию функционирования различных публично-правовых механизмов обеспечения и укрепления конституционного правопорядка.

Библиографический список

1. Аничкин Е. С. Конституционно-правовая политика Российской Федерации: природа, стратегия, характерные черты // Право и политика. 2012. № 2. С. 243–248.
2. Безруков А. В. Конституционно-правовые основы уголовной политики в условиях обеспечения кон-

ституционного правопорядка в России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 59–63.

3. Сизова В. Н. Конституционные основы уголовного законодательства России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1. С. 332–334.

4. Ромашов Р. А., Панченко В. Ю., Исаева А. А., Макачук И. Ю. О конституционно-правовых основах уголовной политики и ее системе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 246–252.

5. Безруков А. В. Конституционно-правовой механизм обеспечения правопорядка органами публичной власти в России: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 325 с.

6. Безруков А. В. Правовая природа публичной власти в России: взгляд конституционалиста // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 11. С. 56–60.

7. Мещеряков А. Н. Конституционно-правовые основы организации публичной власти в Российской Федерации: монография. Тюмень: ТИПК МВД России, 2023.

8. Авакьян С. А. Проект законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грянет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44.

9. Кокотов А. Н. Конституционный Суд России и макроправовое регулирование // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 3–7.

10. Румянцев О. Г. Конституционная реформа 2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 6–32.

11. Бабурин С. Н. О корректировке Конституции Российской Федерации в 2020 г. // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 119–121.

References

1. Anichkin E. S. Constitutional and legal policy of the Russian Federation: nature, strategy, characteristic features // Law and Politics. 2012. No. 2. pp. 243–248.

2. Bezrukov A.V. Constitutional and legal foundations of criminal policy in the conditions of ensuring constitutional law and order in Russia // Constitutional and municipal law. 2021. No. 6. pp. 59–63.

3. Sizova V. N. Constitutional foundations of criminal legislation in Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1. pp. 332–334.

4. Romashov R. A., Panchenko V. Yu., Isaeva A. A., Makarchuk I. Yu. On the constitutional and legal foundations of criminal policy and its system // Bulletin of Tomsk State University. 2020. No. 452. pp. 246–252.

5. Bezrukov A.V. Constitutional and legal mechanism for ensuring law and order by public authorities in Russia: monograph. M.: Justitsinform, 2018. 325 p.

6. Bezrukov A.V. The legal nature of public power in Russia: the view of a constitutionalist // Constitutional and municipal law. 2023. No. 11. pp. 56–60.

7. Meshcheryakov A. N. Constitutional and legal foundations of the organization of public power in the

Russian Federation: monograph. Tyumen: TIPC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023.

8. Avakyan S. A. Draft laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation: is the fourth round coming? // Constitutional and municipal law. 2020. No. 1. pp. 31–44.

9. Kokotov A. N. The Constitutional Court of Russia and macro-legal regulation // Constitutional and municipal law. 2020. No. 3. pp. 3–7.

10. Rumyantsev O. G. Constitutional reform 2020 in the Russian Federation: biased assessment // Constitutional Bulletin. 2020. No. 5 (23). pp. 6–32.

11. Baburin S. N. On the adjustment of the Constitution of the Russian Federation in 2020 // Constitutional Bulletin. 2020. No. 5 (23). pp. 119–121.

Информация об авторе

Безруков Андрей Викторович – доктор юридических наук

Information about the author

Bezrukov Andrey V. – Doctor of Law

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 12.03.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 12.03.2024; accepted for publication 15.03.2024

Научная статья
УДК 342.5

Обеспечение национальной безопасности как одно из направлений взаимодействия органов единой системы публичной власти в Российской Федерации

Карасёв Анатолий Тиханович¹, Кожевников Олег Александрович², Крысанов Антон Вячеславович³
^{1,2,3} Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Россия

¹ a.t.karasev@mail.ru

² jktu1976@yandex.ru

³ a.v.krysanov@uslu.su

Аннотация. В 2020 г. в Российской Федерации была проведена конституционная реформа, в результате которой в текст Основного закона было внесено значительное количество поправок, в том числе появилось упоминание о единой системе публичной власти. В науке конституционного права многие конституционные изменения стали предметом пристального внимания. Однако, как представляется авторам настоящей статьи, в правовой доктрине, а также в законодательных актах и документах стратегического планирования, названные конституционные изменения не получили должной оценки и полноценного развития применительно к сфере взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в области обеспечения национальной безопасности. В связи с чем высказывается предложение о важности и необходимости развития законодательных предписаний и документов стратегического планирования, в полной мере отражающих конституционные положения о единой системе публичной власти в Российской Федерации, которая базируется на функциональном взаимодействии, в том числе в области обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, единая система публичной власти, документы стратегического планирования, национальная безопасность

Для цитирования: Карасев А. Т., Кожевников О. А., Крысанов А. В. Обеспечение национальной безопасности как одно из направлений взаимодействия органов единой системы публичной власти в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 96–100.

Original article

Ensuring national security as one of the areas of interaction between the bodies of the unified system of public authority in the Russian Federation

Karasev Anatoly T.¹, Kozhevnikov Oleg A.², Krysanov Anton V.³
^{1,2,3} Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

¹ a.t.karasev@mail.ru

² jktu1976@yandex.ru

³ a.v.krysanov@uslu.su

Abstract. In 2020, a constitutional reform was carried out in the Russian Federation, as a result of which a significant number of amendments were made to the text of the Basic Law, including a mention of a unified system of public authority. In the science of constitutional law, many constitutional changes have become the subject of close attention. However, as it seems to the authors of this article, in the legal doctrine, as well as in legislative acts and strategic planning documents, these constitutional changes have not been properly evaluated and fully developed in relation to the sphere of interaction between state authorities and local governments in the field of national security. In this connection, a proposal is made on the importance and necessity of developing legislative prescriptions and

strategic planning documents that fully reflect the constitutional provisions on a unified system of public authority in the Russian Federation, which is based on functional interaction, including in the field of national security.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the unified system of public authority, strategic planning documents, national security

For citation: Karasev A. T., Kozhevnikov O. A., Krysanov A. V. Ensuring National Security as one of the Areas of Interaction between bodies of the Unified System of Public Authority in the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 96–100.

В ежегодном послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации подчеркнул, что «сегодня, когда наша Родина отстаивает свой суверенитет и безопасность, защищает жизнь соотечественников на Донбассе и в Новороссии, решающая роль в этой праведной борьбе принадлежит именно нашим гражданам, нашей сплоченности, преданности родной стране, ответственности за ее судьбу»¹. Девять раз глава государства в своем выступлении обратился к насущным и актуальным вопросам безопасности личности, общества и государства. Очевидно, что повышенное внимание со стороны Президента к сфере безопасности не случайно и требует концентрации усилий всего общества и публичных институтов, направленных на нейтрализацию существующих вызовов и угроз безопасности.

Термин «безопасность» в словаре определяется как состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности [1]. В юридической литературе под «безопасностью» понимается положение или состояние, которое предполагает надежное существование и устойчивое развитие государства, общества и личности [2, с. 57]. Законодательная формулировка определения безопасности на сегодняшний день отсутствует. Однако в законе о безопасности 1992 г. содержалась ст. 1, которая имела наименование «Понятие безопасности и ее объекты». В данной статье закреплялось, что «безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»².

В современной юридической доктрине все большее внимание уделяется рассмотрению категории «национальная безопасность», вопросам ее обеспечения и иным аспектам, связанным с этим феноменом. Отмечается, что национальная безопасность является важнейшим видом безопасности [2, с. 57], а также что обеспечение национальной безопасности России является крупной научной проблемой, решение которой во многом определяет пути дальнейшего развития страны [3, с. 11]. Поддерживая авторов, также считаем, что обеспечение национальной безопасности невозможно в отсутствие адекватного внутренне не-

противоречивого и гармонично сбалансированного законодательного и подзаконного регулирования на различных уровнях российской правовой системы.

Вместе с тем нельзя не заметить, что юридическое оформление «национальная безопасность» приобретает в документах стратегического планирования. На сегодняшний день в России имеется качественная правовая основа стратегического планирования в форме соответствующего закона³, благодаря которому определены основные понятия, полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, система стратегического планирования, цели, задачи мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования, общие положения об ответственности за нарушение законодательства в сфере стратегического планирования.

Рассматривая документы стратегического планирования, можно отметить тот факт, что они выполняют важнейшую роль в области национальной безопасности, поскольку, как правило, в них определяются основные приоритеты государственной политики, цели и задачи в данной сфере, механизм реализации таких документов; устанавливаются субъекты обеспечения национальной безопасности, зачастую – их полномочия и многое другое.

В настоящее время актуальной является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия), принятая в 2021 г., которая представляет собой базовый документ стратегического планирования в области национальной безопасности. Именно в ней дается определение «национальной безопасности» как состояния защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны⁴. В Стратегии подчеркивается неразрывность взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны. Кро-

¹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 29 февраля 2024 г. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 29.02.2024).

² Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) «О безопасности» (утратил силу). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2024).

³ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2024).

⁴ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.01.2024).

ме того, она исходит из того, что система национальной безопасности – совокупность органов публичной власти и имеющихся у них инструментов, осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. В то же время, определяя национальные интересы, Стратегия указывает на то, что их обеспечение и защита осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества посредством реализации целого ряда стратегических национальных приоритетов (например, сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; оборона страны; государственная и общественная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность и иные).

Приведенные положения Стратегии, полагаем, недвусмысленно указывают на то, что не только органы государственной власти и государственные органы обеспечивают национальную безопасность Российской Федерации, но и органы местного самоуправления, а также организации и граждане участвуют в реализации стратегических национальных приоритетов.

С учетом обозначенного, возрастает роль каждого субъекта (участника) в решении общих государственных задач по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации. Самый большой объем полномочий по обеспечению национальной безопасности сконцентрирован в «руках» федеральных властных структур, а также определенная часть компетенций перераспределена в пользу региональных органов государственной власти.

Обращаясь к анализу базового закона в сфере безопасности¹, также можно увидеть, что государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется всей совокупностью органов власти: федеральными, региональными и местными на основе документов стратегического планирования, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом Российской Федерации. В законе перечисляются полномочия Президента Российской Федерации, палат Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации в области обеспечения безопасности. Так, например, глава государства определяет основные направления государственной политики в указанной сфере; утверждает стратегию национальной безопасности Российской Федерации, иные концептуальные и доктринальные документы; устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности, руководство деятельностью которых он осуществляет. Совет Федерации рассматривает принятые Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации федеральные законы в обозначенной сфере; утверждает указ Президента о введении чрезвычайного положе-

ния; проводит консультации по предложенным Президентом кандидатурам на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности. Государственная Дума обеспечивает законодательную основу регулирования отношений в области обеспечения безопасности.

При достаточно подробной регламентации полномочий указанных выше органов отмечается весьма общий подход к определению компетенции федеральных органов исполнительной власти путем указания на те задачи, которые данные органы должны выполнять в соответствии с Конституцией, законодательными и подзаконными актами. В отношении региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления и вовсе лишь предписывается осуществлять функции по исполнению законодательства в области обеспечения безопасности. Таким образом, можем констатировать отсутствие рамочного законодательного регулирования, определяющего более или менее конкретные правовые границы сфер деятельности и правовых возможностей региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления по обеспечению безопасности.

Местное самоуправление как одна из основ конституционного строя и форма осуществления народом своей власти при решении вопросов местного значения осуществляет непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения муниципального образования². Принимая во внимание содержательную специфику вопросов местного значения, полагаем, что среди них можно выделить такие, которые по своей сути составляют ведение органов государственной власти и обеспечивают реализацию государственной политики в сфере национальной безопасности, то есть, в сущности, могут быть отнесены к отдельным государственным полномочиям.

На данную ситуацию в своих исследованиях обращал внимание профессор В. И. Фадеев, предостерегавший при этом от чрезмерного расширения перечня вопросов местного значения, учитывая высокий уровень дотационных муниципальных образований [4, с. 191]. Наиболее яркими примерами вопросов местного значения по обеспечению национальной безопасности можно назвать такие, как участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма; участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, организация охраны общественного порядка на территории муниципального образова-

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 10.01.2024).

² Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 10.01.2024).

ния; осуществление мер по противодействию коррупции и ряд других.

Органы местного самоуправления осуществляют решение вопросов местного значения путем принятия муниципальных правовых актов. В сфере обеспечения национальной безопасности разрабатываются и вводятся в действие муниципальные программы. Так, в частности, в г. Екатеринбурге действует муниципальная программа «Безопасность жизнедеятельности населения в муниципальном образовании "город Екатеринбург"» на 2021–2025 гг., в г. Челябинске реализуется муниципальная программа «Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения города Челябинска», в г. Ярославле выполняется муниципальная программа «Повышение правопорядка и общественной безопасности на территории города Ярославля» на 2023–2028 гг., в г. Хабаровске осуществляются мероприятия муниципальной программы «Профилактика правонарушений, терроризма и экстремизма, а также минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма и экстремизма на территории городского округа "Город Хабаровск"» на 2021–2030 гг.

Таким образом, законодательное регулирование обеспечения национальной безопасности Российской Федерации предопределяет участие в этой деятельности всей совокупности органов государственной власти и органов местного самоуправления, и реальная практика осуществления компетенции органами в значительной мере показывает свою эффективность. Несмотря на это, видится определенное запаздывание доктрины и нормативно-правового обеспечения совместного участия (взаимодействия) всей совокупности органов публичной власти в вопросах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации по сравнению с обновленными положениями Основного закона. В частности, можно отметить, что научные разработки, направленные на уяснение конституционно-правового положения органов местного самоуправления в достижении национальных интересов Российской Федерации для обеспечения национальной безопасности, весьма многочисленны и фрагментарны [5; 6]. А также приходится констатировать, что в большинстве своем осуществлялись они еще без учета поправок к Конституции Российской Федерации 2020 г., связанных с ними законодательных изменений, а также актуализированных документов стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации.

При этом обновленные положения Конституции Российской Федерации затронули местное самоуправление непосредственно. В частности, произошло «сближение» органов местного самоуправления и органов государственной власти, в первую очередь за счет объединения их в конституционную единую систему публичной власти в Российской Федерации, которая, ко всему прочему, способствует осуществлению взаимодействия этих органов для наиболее

эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Президентские функции теперь связаны с обеспечением согласованного функционирования органов из единой системы публичной власти и их взаимодействия. Одновременно с этим добавлены и уточнены конституционные предписания, касающиеся полномочий главы государства по формированию Государственного Совета и Совета Безопасности Российской Федерации, целей деятельности данных государственных органов. В результате конституционных поправок органы государственной власти оказались функционально «связаны» с органами местного самоуправления в единую систему публичной власти при сохранении самостоятельности последних¹.

Сказанное в своей совокупности позволяет говорить о важности и необходимости развития законодательных предписаний и документов стратегического планирования, в полной мере отражающих конституционные положения о единой системе публичной власти в Российской Федерации, которая базируется на функциональном взаимодействии, в том числе в области обеспечения национальной безопасности. В то же время исследования по тематике обеспечения национальной безопасности в рамках взаимодействия органов единой системы публичной власти в Российской Федерации могут помочь в решении стоящих перед законодательными и правотворческими органами задач путем выработки научно обоснованных предложений, всесторонне раскрывающих многообразие и особенности такого сотрудничества.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Толковый словарь. URL: <https://www.slovarozhegova.ru/word.php?wordid=1346> (дата обращения: 15.02.2024).
2. Туганов Ю. Н. [и др.]. Правовое обеспечение национальной безопасности: учебное пособие для вузов / под ред. Ю. Н. Туганова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 180 с. // Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/543217/p.57> (дата обращения: 28.02.2024).
3. Бабурин С. Н., Дзлиев М. И., Урсул А. Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты: монография. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2023. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2020557> (дата обращения: 28.02.2024).
4. Шугрина Е. С. Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны общественного по-

¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 11.01.2024).

рядка и обеспечения безопасности (к 70-летию со дня рождения профессора В. И. Фадеева) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9.

5. Ильичев И. Е. Местное самоуправление в системе национальной безопасности Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 1. С. 27–31.

6. Бабайцев М. А. Роль органов местного самоуправления в реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2016. № 2. С. 295–298.

References

1. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary. URL: <https://www.slovarozhegova.ru/word.php?wordid=1346> (date of access: 02/15/2024).

2. Tuganov Yu. N. [et al.]. Legal provision of national security: a textbook for universities / ed. by Yu. N. Tuganov. 2nd ed., reprint. and add. M.: Yurayt, 2024. 180 p. // Educational platform Yurayt. URL: <https://urait.ru/bcode/543217/p.57> (date of access: 02/28/2024).

3. Baburin S. N., Dzljev M. I., Ursul A. D. The national security strategy of Russia: theoretical and methodological aspects: monograph. M.: Master's degree: INFRA-M, 2023. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2020557> (date of access: 02/28/2024).

4. Shugrina E. S. The powers of local self-government bodies in the field of public order and security (to the 70th anniversary of the birth of Professor V. I. Fadeev) // Bulletin of the University named after O. E. Kutafina (MGUA). 2019. No. 9.

5. Ilyichev I. E. Local self-government in the national security system of the Russian Federation // Problems of law enforcement activity. 2013. No. 1. Pp. 27–31.

6. Babaytsev M. A. The role of local governments in the implementation of the National Security Strategy of the Russian Federation // Society and Law. 2016. No. 2. Pp. 295–298.

Вклад авторов

Карасев Анатолий Тиханович – научное редактирование текста.

Кожевников Олег Александрович – идея, научное редактирование текста.

Крысанов Антон Вячеславович – сбор материала, обработка материала, написание статьи.

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Karasev Anatoly T. – scientific editing of the text.

Kozhevnikov Oleg A. – idea, scientific editing of the text.

Krysanov Anton V. – collection of material, processing of material, writing the article.

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Карасев Анатолий Тиханович – доктор юридических наук, профессор

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор

Крысанов Антон Вячеславович – кандидат юридических наук

Information about the authors

Karasev Anatoly T. – Doctor of Law, Professor

Kozhevnikov Oleg A. – Doctor of Law, Professor

Krysanov Anton V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 15.03.2024

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Научная статья

УДК 343.985.8

Классификация типичных оперативно-розыскных ситуаций, возникающих в ходе раскрытия мошенничеств, совершаемых дистанционным способом

Ковалик Борис Владимирович

Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь, boriskovalik@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе изучения эмпирических данных приводится классификация типичных оперативно-розыскных ситуаций, возникающих в деятельности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь в ходе раскрытия мошенничеств, совершаемых дистанционным способом. В основу данной классификации положены сведения о средствах, орудиях, способе совершения преступления, свидетельствующие об уровне организованности злоумышленников и технической сложности реализованной ими мошеннической схемы. Предлагаемая авторская классификация ориентирована на повышение эффективности деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскная тактика, оперативно-розыскная ситуация, классификация, мошенничество в сети «Интернет», дистанционное мошенничество, киберпреступности

Для цитирования: Ковалик Б. В. Классификация типичных оперативно-розыскных ситуаций, возникающих в ходе раскрытия мошенничеств, совершаемых дистанционным способом // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 101–105.

Original article

Classification of typical detective situations that arise during solve of internet fraud

Kovalik Boris V.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus,
boriskovalik@yandex.ru

Abstract. The article considers the classification of typical detective situations by exploring empirical data, appearing in activity of front-line officers of internal affairs of The Republic of Belarus during solve of internet fraud. Proposed classification of detective situations based on information about the means, tools, and method of committing

a crime is taken as a basis, indicating the level of organization of the attackers and the technical complexity of the fraudulent scheme implemented by them. The proposed author's classification is focused on improving the efficiency of the operational units of the internal affairs of The Republic of Belarus.

Keywords: detective activity, detective tactics, detective situation, classification, internet fraud, remote fraud, cybercrime

For citation: Kovalik B. V. Classification of typical detective situations that arise during solve of internet fraud stated alibi is substantiated to ensure the completeness and objectivity of the investigation in a criminal case and to establish evidence of a person's involvement in the crime committed // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 101–105.

Каждое отдельно совершенное мошенничество, как и любое другое преступление, по-своему уникально, что обусловлено рядом факторов, влияющих, в том числе, и на условия, в которых происходит их выявление и пресечение. Совокупность данных условий образует оперативно-розыскные ситуации (далее – ОРС), вариативность которых многочисленна. Вместе с тем среди их многообразия можно выделить общие, повторяющиеся черты, присущие мошенничествам, совершенным дистанционным способом.

Вопросы оперативно-розыскной ситуалогии исследовали И. И. Басецкий, В. Г. Самойлов, В. П. Шиенок, В. Ч. Родевич, А. В. Яскевич и др. В работах указанных ученых сформулирована терминология, определено содержание и исследованы вопросы классификации ОРС.

Не вступая в дискуссию об определении понятия ОРС, согласимся с мнением И. И. Басецкого, который охарактеризовал их как совокупность фактических данных, отражающих события, оценку и дальнейшее направление деятельности оперативного работника, необходимых для раскрытия преступления [1, с. 197]. К числу факторов, оказывающих влияние на формирование ОРС, стоит отнести:

- конкретные криминальные события и иные связанные с ними факты либо угрозу наступления таких событий;
- силы, действия (поведение) противоборствующей стороны, в том числе характеристики проверяемых, разрабатываемых, разыскиваемых и профилируемых лиц;
- источники информации, условия ее получения и возможности использования;
- состояние имеющихся данных, характеризующих криминальное событие и другие факты, возможности получения новых сведений и рационального их использования;
- тактико-технические возможности средств оперативной техники;
- возможность и эффективность избираемых методов оперативно-розыскной деятельности (приоритетный их выбор для данной ситуации) и др. [2, с. 710].

Специфика научного исследования ОРС, складывающихся в ходе деятельности оперативных подразделений, заключается в практически неограниченном их числе, выраженном как в количественном, так и в содержательном многообразии. В связи с этим

цель изучения данного вопроса заключается в вычлениении лишь наиболее устойчивых и значимых из них, обуславливающих в дальнейшем специфику хода действий сотрудника полиции [3, с. 7–8].

Таким образом, цель, преследуемая при выделении ОРС, возникающих в ходе противодействия мошенничествам, совершаемым дистанционным способом, должна выражаться в обобщении эмпирических данных, способствующих определению наиболее устойчивых условий и обстоятельств их совершения, для дальнейшей разработки на их основе целенаправленных рекомендаций рационального и тактически грамотного осуществления правоохранительной деятельности.

В теории оперативно-розыскной деятельности впервые попытка классификации ОРС предпринята В. Г. Самойловым. Взяв за основу классификацию следственных ситуаций, предложенную Л. Я. Драпкиным, ученый разделил их по различным критериям. По времени возникновения – на начальные, промежуточные и конечные; по достижимости желаемого результата – на благоприятные и неблагоприятные; по степени повторяемости – на типичные и специфичные; по уровню противоборства – на бесконфликтные и конфликтные, двусторонние и многосторонние, строгого и нестрогого соперничества [4, с. 33]. Полагаем, что данный подход полезен с точки зрения теоретического рассмотрения и дальнейшего ранжирования уже существующих ОРС. Однако он не всегда позволяет в полной мере отразить свойственные мошенничествам, совершенным дистанционным способом, черты, которые в дальнейшем будут способствовать их выявлению и пресечению. При этом стоит отметить, что исследуя ОРС, возникающие при совершении большинства преступлений, ученые, как правило, описывают именно типичные, то есть наиболее повторяющиеся в практической деятельности ситуации, что актуально и в нашем случае.

Рассматривая имеющиеся в научной литературе примеры построения ОРС, возникающих в ходе раскрытия мошенничеств, совершенных дистанционным способом, стоит отметить малочисленность публикаций, посвященных изучению данного вопроса.

В научной статье А. В. Кудрявцева и И. В. Крюкова приведены примеры ОРС, возникающих в процессе деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации при

выявлении дистанционных мошенничеств. Выделив три ситуации, критерием классификации авторы избрали источник поступления сведений о совершении мошенничеств:

1) информация получена в процессе проведения режимных или иных мероприятий (средство преступления обнаруживаются и изымаются у осужденных);

2) информация получена из материалов, имеющих в распоряжении правоохранительных органов (например, заявления граждан), но не установлены лица, которые их совершили;

3) информация получена из негласных источников, используемых оперативными работниками учреждений уголовно-исполнительной системы [5, с. 68–69].

Наличие данной классификации является положительным моментом в изучении ОРС рассматриваемого вида преступления. Однако с учетом ее разработки в соответствии со спецификой деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – РФ) она малоприменима для территориальных подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь.

С криминалистической точки зрения различное видение построения ситуаций в рамках изучения преступлений против собственности, совершенных с использованием электронных средств платежа, в своих диссертационных исследованиях рассматривали И. М. Мишина [6, с. 17–18], Ю. Б. Имаева [7, с. 105], А. В. Маилян [8, с. 104]. Обобщив выводы указанных ученых, стоит отметить, что возникновение данных классификаций видится обоснованным, но, на наш взгляд, они малоприменимы для заимствования в теорию оперативно-розыскной деятельности и практическую деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь по ряду причин. Во-первых, указанные классификации составлены с учетом специфики законодательства и состояния оперативной обстановки в различных регионах РФ. Во-вторых, в своих исследованиях перечисленные авторы рассматривают укрупненные группы хищений, не делая акцент и, соответственно, не отражая всех особенностей мошенничеств, совершенных дистанционным способом. В-третьих, при составлении двух из трех представленных классификаций авторы дифференцируют возникающие ситуации в зависимости от имеющихся поводов для возбуждения уголовного дела согласно уголовно-процессуального законодательства РФ. На наш взгляд, данный аспект не оказывает определяющего влияния на дальнейший порядок действий оперативных сотрудников, в связи с чем целесообразность его использования в оперативно-розыскной ситуации видится дискуссионным. В-четвертых, с момента написания упомянутых диссертаций прошло от года до восьми лет, в течение которых происходило дальнейшее развитие электронных средств связи, банковских и других технологий, что не могло не привести к модернизации и изменению способов совершения преступлений в данной сфере.

В данной связи особый интерес представляют научные труды, посвященные комплексному изучению противодействия дистанционным мошенничествам. Вопросы первоначального этапа расследования хищений, совершенных с применением методов социальной инженерии и информационно-телекоммуникационных технологий, рассмотрены в диссертационном исследовании Н. И. Старостенко [9]. Выводы, изложенные им, наиболее объективно отражают современное состояние указанной проблемы в РФ, т. к. основываются на изучении эмпирических данных последних лет. При построении следственных ситуаций указанный автор отталкивается от сведений о способе совершения преступления, имеющих на первоначальном этапе расследования конкретного факта дистанционного мошенничества [9, с. 199].

Безусловным преимуществом данного подхода является то, что дальнейшее построение алгоритма действий сотрудника, осуществляющего предварительное расследование, происходит с учетом специфических черт, присущих каждому из наиболее распространенных на данный момент способов совершения рассматриваемого преступления. Однако в дальнейшем использование данной классификации может быть затруднено тем, что лица, совершающие дистанционные мошенничества, регулярно внедряют новые схемы противоправной деятельности.

В этой связи актуальной видится разработка иного подхода к дифференциации ОРС, возникающих при совершении мошенничеств дистанционным способом, для построения которой мы считаем целесообразным использовать устоявшийся в теории оперативно-розыскной деятельности информационный критерий. Согласно данному подходу построение ОРС происходит на основании:

а) степени осведомленности оперативных работников о происшедшем событии и связанных с ним лицах;

б) закономерности поиска, сбора и реализации оперативно значимой информации, возникающей в ходе раскрытия преступлений [1, с. 197].

Проецируя данный подход на рассматриваемый вид преступления, отметим, что на наш взгляд, анализируя сведения о преступнике в первую очередь стоит обращать внимание на признаки, указывающие на степень его профессионализма. В этой связи стоит отметить тезис И. Н. Якимова, указавшего на целесообразность построения порядка действий при расследовании мошенничеств, в зависимости от того, кто совершил данное преступление: мошенник-профессионал или случайный мошенник. По мнению ученого, разграничение в данном случае должно производиться на основе анализа имеющихся сведений о способе совершения, используемых средствах, орудиях и т. п., свойственных для той или иной категории мошенников [10, с. 410].

Из сказанного выше можно сделать вывод, что отдельные факты мошенничеств, совершенных дистанционным способом, при схожести механизма их совершения обладают спецификой, определяемой,

как правило, степенью профессионализма лиц, его совершивших. Она выражается в числе соучастников, их местоположении, уровне организации, квалификации, объеме и актуальности знаний и навыков, применяемых для осуществления противодействия правоохранительным органам и т. д. Совокупность данных факторов играет определяющую роль в избрании образа действий оперативного сотрудника при решении задач по раскрытию мошенничеств, совершаемых дистанционно.

В этой связи типичные ОРС, возникающие при дистанционных мошенничествах, целесообразно классифицировать в зависимости от имеющихся на первоначальном этапе сведениях о средствах, орудиях, способе совершения преступления и т. п., свидетельствующих об уровне организованности злоумышленников и технической сложности реализованной ими схемы, условно поделив их на две группы:

1) мошенничество, совершенное дистанционным способом, не требующее сложных технических навыков или масштабной организации, реализуемое, как правило, в одиночку лицом, находящимся на территории Республики Беларусь (простое);

2) мошенничество, совершенное дистанционным способом, требующее сложных технических навыков и/или масштабной организации, реализуемое, как правило, организованными преступными группами, действующими из-за пределов Республики Беларусь (сложное).

В свою очередь отдельные ОРС без учета принадлежности к той или иной группе могут быть классифицированы по времени возникновения или в зависимости от наличия или отсутствия информации о личности преступника, степени противоборства и т. д.

Так называемые «простые» мошенничества характеризуются примитивностью действий преступников на всех этапах совершения уголовно наказуемых деяний, а также минимальными усилиями по сокрытию следов и других обстоятельств. В этой связи установление личности преступника, как правило, не вызывает затруднений.

Отличительной чертой «сложных» мошенничеств является комплексный подход к их совершению на всех этапах, выражающийся, например, в использовании зарубежных телефонных номеров и зарегистрированных на них аккаунтов на различных ресурсах, в предоставлении пострадавшему фишинговой ссылки на реально существующий либо специально созданный вымышленный ресурс, в распределении ролей (например, наличие курьера в реализуемой схеме), в осуществлении подготовительных действий, выраженных в совершении преступлений против информационной безопасности (как правило, взлом аккаунтов) и т. п. Сведения о наличии либо отсутствии перечисленных признаков выясняются оперативниками еще на первоначальном этапе в ходе анализа сведений о совершенном мошенничестве независимо от источника их получения.

На наш взгляд, с точки зрения дальнейшей разработки рекомендаций для оперативных сотрудников

избранный критерий является наиболее приемлемым ввиду своей универсальности, т. к. он не имеет привязки к конкретным видам и способам исследуемого преступления. В этой связи приведенная классификация типичных ОРС, построение которой осуществляется на основании имеющихся сведений, свидетельствующих о принадлежности мошенников к той или иной категории, в дальнейшем позволит рационально определить тактику и организовать деятельность оперативных сотрудников, направленную на решение задач по борьбе с мошенническими проявлениями.

Подводя итог изложенному выше, полагаем возможным сделать следующие выводы:

1. В основу классификации типичных ОРС, возникающих в ходе раскрытия мошенничеств, совершаемых дистанционным способом, должны быть положены имеющиеся на первоначальном этапе сведения о средствах, орудиях, способе совершения преступления и т. п., свидетельствующие об уровне организованности злоумышленников и технической сложности реализованной ими мошеннической схемы.

2. Согласно предложенной классификации ОРС, возникающие в ходе раскрытия мошенничеств, совершаемых дистанционным способом, можно условно подразделить на две группы:

– группа ОРС, в которых имеет место мошенничество, совершенное дистанционным способом, не требующее сложных технических навыков или масштабной организации, реализуемое, как правило, в одиночку лицом, находящимся на территории Республики Беларусь (простое);

– группа ОРС, в которых имеет место мошенничество, совершенное дистанционным способом, требующее сложных технических навыков и/или масштабной организации, реализуемое, как правило, организованными преступными группами, действующими из-за пределов Республики Беларусь (сложное).

Библиографический список

1. Басецкий И. И., Родевич В. Ч. Квартирные кражи: теория и практика борьбы: монография. Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 1999. 298 с.
2. Горяинов К. К., Овчинский В. С., Синилов Г. К. [и др.]. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2006. 832 с.
3. Баев О. Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии (основы предупреждения и разрешения): монография. Воронеж: издательство Воронежского университета, 1984. 132 с.
4. Самойлов В. Г. Оперативно-розыскная тактика органов внутренних дел: учебное пособие. М.: МВШМ МВД СССР, 1984. 91 с.
5. Кудрявцев А. В. Крюков И. В. Оперативно-розыскные ситуации, возникающие в процессе деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по раскрытию мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи и Интернета: содержание и специфика // Вест-

ник Владимирского юридического института. 2020. № 4 (57). С. 67–70.

6. Мишина И. М. Расследование мошенничества, совершенного с использованием банковских карт: дис. ... на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М.: Московская академия экономики и права, 2009. 241 с.

7. Имаева Ю. Б. Особенности расследования хищений, совершенных с использованием кредитных и расчетных карт дис. ... на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации, 2015. 233 с.

8. Маилян А. В. Совершенствование методики расследования хищения с использованием электронных средств платежа: дис. ... на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации, 2021. 245 с.

9. Старостенко Н. И. Первоначальный этап расследования хищений, совершенных с применением методов социальной инженерии и информационно-телекоммуникационных технологий: дис. ... на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Краснодар: Краснодарский университет МВД Российской Федерации, 2023. 230 с.

10. Якимов И. Н. Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике. М.: ЛексЭст, 2003. 471 с.

Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. 245 p.

9. Starostenko N. I. Initial stage of investigation of thefts committed using methods of social engineering and information and telecommunication technologies: dis. ...for a job application. uch. step. Ph.D. legal Sci. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. 230 p.

10. Yakimov I. N. Forensics: A Guide to Criminal Technology and Tactics. M.: LexEst, 2003. 471 p.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 07.03.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 07.03.2024; accepted for publication 15.03.2024

References

1. Basetsky I. I., Rodevich V. Ch. Apartment burglaries: theory and practice of combating: monograph. Mn.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 1999. 298 p.

2. Goryainov K.K., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K. [etc.]. Theory of operational-search activity: textbook / ed. K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilova. M.: INFRA-M, 2006. 832 p.

3. Baev O. Ya. Conflict situations during the preliminary investigation (basics of prevention and resolution): monograph. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1984. 132 p.

4. Samoilov V. G. Operational search tactics of internal affairs bodies: a textbook. M.: MVShM MVD USSR, 1984. 91 p.

5. Kudryavtsev A.V. Kryukov I.V. Operational investigative situations arising in the course of the activities of operational units of the penal system to detect fraud committed using mobile communications and the Internet: content and specifics // Bulletin of the Vladimir Legal Institute. 2020. No. 4 (57). pp. 67–70.

6. Mishina I. M. Investigation of fraud committed using bank cards: dis. ...for a job application. uch. step. Ph.D. legal Sci. M.: Moscow Academy of Economics and Law, 2009. 241 p.

7. Imaeva Yu. B. Features of the investigation of thefts committed using credit and payment cards dis. ...for a job application. uch. step. Ph.D. legal Sci. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015. 233 p.

8. Mailyan A.V. Improving the methodology for investigating theft using electronic means of payment: dis. ...for a job application. uch. step. Ph.D. legal Sci.

Научная статья
УДК 343

О некоторых вопросах оперативно-розыскной территориальности

Рукавишников Григорий Анатольевич
Договорно-правовой департамент МВД России, Москва, Россия, grukavishnikov2@mvd.ru

Аннотация. В статье излагается порядок выполнения сотрудниками оперативных подразделений обязанностей и порядок реализации их прав за пределами обслуживаемой территории. Принцип территориальности в оперативно-розыскной деятельности рассматривается с учетом обеспечения требования конспирации. Оценивается целесообразность обязательного уведомления о планируемом проведении оперативно-розыскных мероприятий на территории обслуживания другого органа внутренних дел. Отмечаются и аргументируются отдельные предписания нормативных правовых актов, являющиеся дискуссионными. Формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования данного направления деятельности.

Ключевые слова: территориальный (зональный) принцип, оперативно-розыскная территориальность, оперативно-розыскные мероприятия, территория оперативного обслуживания, территориальные органы МВД России

Для цитирования: Рукавишников Г. А. О некоторых вопросах оперативно-розыскной территориальности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 106–111.

Original article

About some questions operational-investigative territoriality

Rukavishnikov Grigory A.
Contractual and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
grukavishnikov2@mvd.ru

Abstract. The article sets out the procedure for fulfilling duties and exercising rights by employees of operational units outside the service territory. The principle of territoriality in operational investigative activities is considered taking into account the requirement of secrecy. The feasibility of mandatory notification of the planned conduct of operational-search activities in the service territory of another internal affairs agency is assessed. Certain provisions of regulatory legal acts that are debatable are noted and argued. Proposals are formulated to improve the legal regulation of this area of activity.

Keywords: territorial (zonal) principle, operational-search territoriality, operational-search measures, operational service area, territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation: Rukavishnikov G. A. About some questions operational-investigative territoriality // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 106–111.

Согласно ч. 3 ст. 25 Федерального закона «О полиции» (далее – Закон о полиции) сотрудники полиции выполняют обязанности и реализуют права (в том числе связанные с осуществлением оперативно-розыскной деятельности) в пределах территории, обслуживаемой территориальным органом, в котором они проходят службу. То есть за пределами территории обслуживания полицейский может и должен выполнять только общие обязанности, возложенные на полицию [1].

Обращаясь к историческому аспекту, следует отметить, что территориальный принцип был положен в

основу формирования органов милиции и закреплен в ст. 7 Закона «О милиции» 1991 г. По такому принципу функционирует большинство государственных, в том числе и правоохранительных органов. МВД России в этом вопросе не является исключением.

В соответствии с обозначенным принципом для каждого территориального органа МВД России определена так называемая «территориальная подведомственность» (территория оперативного обслуживания), которая, как правило, совпадает с границами

© Рукавишников Г.А., 2024

административно-территориального деления. Так, территориальные органы МВД России подразделяются на окружные, межрегиональные, региональные и районные¹. Данное положение закреплено в соответствующих статусных документах названных территориальных органов².

Такой порядок организации службы позволяет сотруднику лучше изучить обслуживаемую территорию, наладить эффективное взаимодействие с органами управления, установить взаимоотношения с гражданами, занимающими активную гражданскую позицию.

В то же время Закон о полиции предусматривает некоторые исключения из указанного принципа. Так, независимо от занимаемой должности, местонахождения и времени суток на сотрудника полиции возлагаются соответствующие обязанности (оказывать первую помощь гражданам; принимать меры по спасению гражданина, предотвращению и (или) пресечению преступления, задержанию лиц, подозреваемых в их совершении, по охране места совершения преступления)³ и предоставляются некоторые права (требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий; проверять у граждан и должностных лиц документы, удостоверяющие их личность; использовать в случаях, не терпящих отлагательства, транспортные средства для пресечения преступлений, преследования лиц, совершивших преступления или подозреваемых в их совершении; требовать от лиц, подозреваемых в совершении преступления и (или) административного правонарушения, оставаться на месте до прибытия представителей территориального органа; доставлять лиц, подозреваемых в совершении преступления и (или) административного правонарушения, в служебное помещение территориального органа; применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие)⁴.

Прежде чем рассматривать вопрос применительно к оперативным подразделениям укажем некоторые аспекты территориального принципа деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД), закрепленные в законодательных и нормативных правовых актах МВД России, связанных с определе-

нием порядка осуществления юридически значимых действий.

В уголовно-процессуальном законодательстве закреплен общий принцип территориальной подследственности по уголовным делам, в соответствии с которым предварительное расследование производится по месту совершения преступления (ч. 1 ст. 152 УПК РФ)⁵. В случае необходимости производства следственных или розыскных действий в ином месте следователь может сделать это лично либо поручить эти действия органу дознания. Такое поручение оформляется в письменном виде на имя начальника органа дознания и подлежит исполнению в срок до 10 суток (ст. 38 УПК РФ). Аналогичные полномочия предоставлены дознавателям (ст. 41 УПК РФ).

Отметим, что такие поручения по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлениях являются основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий (п. 3 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД)). Причем, если полномочия следователя (дознателя) закреплены в УПК РФ, то возможность направления поручения одним органом дознания другому данным кодексом не предусмотрена [2, с. 28].

В сфере административной деятельности принцип территориальности закреплен только относительно рассмотрения дел об административных правонарушениях (ст. 29.5 КоАП РФ).

Применительно к регистрации и разрешению заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях в нормативных документах указывается, что если они совершены на территории обслуживания другого территориального органа, то все имеющиеся материалы после регистрации в книге учета сообщений о происшествиях передаются по территориальности в другой ОВД⁶.

К организации деятельности оперативных подразделений и практической реализации мер по борьбе с преступностью принцип территориальности также имеет свое непосредственное отношение. На это указывал один из основоположников теории организации оперативно-розыскной деятельности В. А. Лукашов [3, с. 9]. В настоящее время функционирование оперативных подразделений ОВД также основано на территориальном (зональном) принципе. На повышение его роли неоднократно указывалось в директивных документах МВД России⁷.

⁵ В то же время при определенных условиях территориальная подследственность может быть изменена (ч. 2, 3 и 4 ст. 52 УК РФ).

⁶ Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (п. 27) // КонсультантПлюс: сайт.

⁷ Директива МВД России от 26 октября 2011 г. № 2 «О прио-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

² Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт; Приказ МВД России от 5 июня 2017 г. № 355 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне» // КонсультантПлюс: сайт.

³ Закон о полиции (ч. 2 ст. 27).

⁴ Закон о полиции (ч. 3 ст. 28).

При этом в Законе об ОРД данный принцип напрямую не закреплен, но некоторые положения о территориальности (экстерриториальности) нашли в нем свое отражение. Рассмотрим некоторые из них.

Статья 9 Закона об ОРД регламентирует порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Причем такое рассмотрение осуществляется судом, как правило, по месту проведения таких мероприятий либо по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении, либо в ином равнозначном суде (в случае опасений о возможной расшифровке планируемых в отношении судьи ОРМ).

То есть принятие судом решения о возможности проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, не ставится в зависимость от территории обслуживания оперативного подразделения, и его действие распространяется на всю территорию Российской Федерации. Таким образом, место проведения ОРМ и нахождение ОВД может не совпадать по территориальности [4, с. 23]. Отметим, что вопрос о возможности изменения территориальной подсудности применительно к норме, закрепленной в ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД рассматривался Конституционным Судом Российской Федерации и был разрешен положительно¹. В деятельности оперативных подразделений встречаются немногочисленные случаи реализации данного положения².

Сотрудники оперативных подразделений проводят ОРМ на территории, обслуживаемой другими ОВД, в соответствии с Порядком выполнения сотрудниками полиции обязанностей и реализации прав за пределами обслуживаемой территории³ (далее – Порядок), принятым во исполнение положений ч. 3 ст. 25 Закона о полиции (о реализации сотрудником полиции своих полномочий в пределах территории обслуживания).

Анализ Порядка в части реализации сотрудниками полиции полномочий по осуществлению ОРД

ритетных направлениях деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России, ФМС России в 2012 г.» // Документ официально опубликован не был.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П по делу о проверке конституционности положений п. 7 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в РФ» и ч. 1 ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И. В. Аносова» // КонсультантПлюс: сайт.

² Приговор Сорновского районного суда города Нижнего Новгорода от 18 ноября 2016 г. по делу № 1-104/2016 // КонсультантПлюс: сайт.

³ Приказ МВД России от 30 декабря 2011 г. № 1354 «Об утверждении Порядка выполнения сотрудниками полиции обязанностей и реализации прав за пределами обслуживаемой территории» // КонсультантПлюс: сайт.

приводит нас к следующим, не претендующим на бесспорность, суждениям.

Согласно п. 5 Порядка ОРМ за пределами обслуживаемой территории проводятся на основе положений Закона о полиции, Закона об ОРД и нормативных правовых актов МВД России, регулирующих порядок проведения данных мероприятий.

В ч. 3 ст. 25 Закона о полиции указано, что за пределами территории обслуживания сотрудник полиции реализует свои полномочия в порядке, определяемом руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, что также определено указанным выше Порядком.

Закон об ОРД, как уже было отмечено, не содержит положений, определяющих территориальную юрисдикцию оперативных подразделений.

Порядок ОРМ закреплен в ведомственном нормативном акте МВД России, регламентирующем ОРД ОВД. Однако вопросы проведения ОРМ на территории обслуживания другого ОВД в указанном акте также напрямую не освещены, при этом отмечается, что такие мероприятия проводятся в установленном порядке, т. е. представляется, что речь идет о рассматриваемом нами Порядке.

Анализ нормативных предписаний, закрепленных в Порядке, выявил отдельные дискуссионные положения, представляющие актуальность для правоприменительной практики.

1. Подготовка оперативным сотрудником рапорта на имя начальника (заместителя начальника) ОВД, в котором он проходит службу, о планировании ОРМ за пределами обслуживаемой территории представляется излишней по следующим причинам:

– во-первых, усложняется процедура оформления соответствующих документов, связанных с подготовкой к проведению ОРМ, поскольку названный рапорт во многом дублирует рапорт на выезд во внеплановую служебную командировку, предусмотренный Порядком и условиями командирования сотрудников органов внутренних дел на территории Российской Федерации⁴;

– во-вторых, указание в рапорте лиц, в отношении которых планируется проведение ОРМ, а также даты, времени и места их проведения создает предпосылки к расшифровке объектов оперативного интереса, сил, средств и методов ОРД, поскольку такие сведения в соответствии с нормативными документами составляют государственную тайну. Вместе с тем есть вариант подготовки «закрытого» рапорта, однако это еще более усложнит процедуру его оформления.

2. Процедура обязательного уведомления начальника (заместителя начальника) либо ответственного из числа руководящего состава ОВД, на территории обслуживания которого проводятся гласные ОРМ, на наш взгляд, требует дифференцированного подхода.

⁴ Приказ МВД России от 27 мая 2021 г. № 300 «Об утверждении порядка и условий командирования сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на территории Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

Так, в Порядке указано на необходимость уведомления соответствующего руководителя лишь при проведении гласных ОРМ, причем безотносительно к их конкретным видам. Следуя буквальному толкованию, можно предположить, что в случае проведения негласных или легендированных ОРМ такое уведомление не требуется. Однако однозначно согласиться с этим утверждением довольно сложно. Негласность проводимых ОРМ предполагает в первую очередь проведение их втайне от проверяемых (разрабатываемых) лиц, а не от своих коллег (оперативных сотрудников).

В то же время существует вероятность того, что в сложившейся оперативно-тактической ситуации (например, при документировании подразделениями собственной безопасности коррупционных преступлений должностных лиц ОВД) расшифровка проводимых ОРМ перед сотрудниками других оперативных подразделений нецелесообразна.

Согласно территориальному принципу система ОВД и организация их работы предполагает, что территория обслуживания вышестоящего органа является большей по сравнению с территорией, обслуживаемой нижестоящим ОВД. Например, оперативные подразделения территориального органа МВД России на региональном уровне (на уровне субъекта Российской Федерации), следуя требованиям Порядка, при проведении гласных ОРМ на «своей» территории (на территории одного из районов субъекта Российской Федерации) могут не уведомлять руководителей ОВД на районном уровне, расположенных в границах региона. Однако при проведении таких ОРМ за пределами региона (на территории обслуживания иного оперативного подразделения регионального уровня) обязаны уведомить соответствующих региональных руководителей. ОВД на районном уровне при проведении гласных ОРМ на «чужой» территории обязаны уведомлять соответствующих руководителей районных ОВД, даже при проведении таких ОРМ на территории соседнего района. То есть, применив некоторую степень обобщения, можно констатировать, что при проведении гласных ОРМ в отношении объектов оперативного интереса, проживающих (расположенных) на разных сторонах одной улицы, являющейся административной границей соседних районов, в одном случае требует выполнение дополнительного условия в виде обязательного уведомления руководства ОВД соседнего района о проведении таких мероприятий, а в другом – нет. Вместе с тем такого уведомления не требуется в случае проведения межрайонных ОРМ в пределах территории обслуживания органа внутренних дел по городу, имеющему районное деление (Управление МВД России по городу – отделы полиции Управления МВД России по городу). Отметим, что вопросы территориальной компетенции руководителя органа, осуществляющего ОРД, в части вынесения ходатайства о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, становились предметом рассмо-

трения Конституционного Суда Российской Федерации¹.

Схожие рассуждения можно привести и в отношении оперативных сотрудников ГУ МВД России по федеральным округам, выполняющих обязанности и реализующих права в пределах территории соответствующего федерального округа. То есть, например, при проведении гласных ОРМ в пределах Северо-Кавказского федерального округа уведомление соответствующих руководителей территориальных ОВД на региональном уровне согласно Порядку не требуется. Однако в некоторых случаях, например, для координации сил и средств, обеспечения безопасности сотрудников полиции и др., такое уведомление представляется целесообразным.

На наш взгляд, уведомление руководителя ОВД, на территории обслуживания которого планируется проведение ОРМ, оправдано в случаях:

- пересечения интересов оперативных подразделений, дислоцированных на разных территориях обслуживания, с целью исключения дублирования и параллельного проведения ОРМ по проверке одного и того же факта либо лица (объекта оперативной заинтересованности);
- необходимости взаимодействия и координации при подготовке и проведении ОРМ.

В то же время в тексте нормы, по нашему мнению, должен быть указан не начальник (заместитель начальника) территориального ОВД, а начальник (заместитель начальника) территориального ОВД, курирующий соответствующее направление деятельности, либо ответственный за деятельность подразделений, правомочных осуществлять ОРД, в нашем случае – начальник полиции либо заместитель начальника полиции по оперативной работе.

Аналогичные рассуждения касаются и ответственного от руководящего состава ОВД. Несоблюдение этого требования, на наш взгляд, может привести к расшифровке проводимых ОРМ.

Перечень исключительных случаев, при которых уведомление соответствующего руководителя осуществляется в возможно короткий срок с момента проведения ОРМ, является открытым, поскольку в нормативном правовом акте невозможно обозначить исчерпывающий список таких обстоятельств. Вместе с тем помимо указанного в предписании пресечения готовящихся преступлений целесообразно закрепить и вероятность пресечения совершающихся преступлений.

Требование Порядка об уведомлении соответствующего руководителя «в возможно короткий срок, но не позднее 24 часов с момента проведения ОРМ» заслуживает некоторого уточнения. Это связано с тем, что оно оправдано лишь до начала проведения ОРМ.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 2178-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Холодько Павла Андреевича на нарушение его конституционных прав п. 8 ч. 1 ст. 6, ст. 9 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // КонсультантПлюс: сайт.

При этом с целью минимизации рисков преждевременного раскрытия объектов планируемых мероприятий данное уведомление необходимо составить на этапе реализации оперативных материалов.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что в отдельных случаях такое уведомление лучше сделать после проведения ОРМ с целью обеспечения разумного срока реализации прав граждан на обжалование действий сотрудников оперативных подразделений, представляющих другой территориальный орган МВД России.

Представляется, что при решении вопроса о целесообразности уведомления названных в документе руководителей также необходимо учитывать, что некоторые ОРМ являются длящимися (прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и др.) или носят динамический характер (наблюдение, обследование).

В случае необходимости уведомление руководителей ОВД о результатах ОРМ, осуществленных на их территории обслуживания, проводится в порядке информационного взаимодействия субъектов ОРД, регламентированного ст. 14 Закона об ОРД и ведомственными нормативными правовыми актами, в соответствии с компетенцией оперативных подразделений.

Таким образом, с учетом наших суждений необходимость уведомления, предусмотренного Порядком, о проведении гласных ОРМ оправдана при их проведении на территории другого субъекта Российской Федерации. Однако обязательность такого уведомления на территории другого административного района в пределах одного города представляется нам не совсем логичной. В то же время оно может быть признано оправданным при проведении ОРМ на территории сверхкрупных городов, имеющих окружное деление (например, Москва).

Также в Порядке не определена форма такого уведомления. В связи с этим не вполне ясно, необходимо ли письменное уведомление руководителя соответствующего территориального органа либо достаточно устного информирования о гласных ОРМ, планируемых к проведению на территории его обслуживания.

Требования Порядка нашли нормативное закрепление в Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств¹.

¹ Приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных

Так, п. 6 данной Инструкции обязывает оперативных сотрудников до начала проведения такого ОРМ, как «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – обследование) письменно информировать начальника ОВД, на территории обслуживания которого планируется проведение указанного ОРМ.

Усложняя формальную процедуру подготовки обследования, такое требование не согласуется с принципом конспирации ОРД, может повлечь утечку оперативной информации и утрату смысла проведения планируемого мероприятия [5, с. 27]. Нормативная обязательность такого уведомления при отсутствии обстоятельств, указывающих на его тактическую целесообразность, приводит к невыполнению сотрудниками оперативных подразделений данного требования. Такой вывод подтверждается анализом результатов прокурорского надзора, согласно которому несоблюдение названного требования является одним из наиболее распространенных нарушений, выявляемых прокуратурой при проверке законности гласного обследования [6, с. 147]. Предложение некоторых оперативных сотрудников об уведомлении соответствующего руководителя после проведения ОРМ («постфактум»), возможно, несколько бы снизило степень существенности нарушения для надзирающего органа, однако оно не выдерживает критики с точки зрения целесообразности.

Наше суждение подтверждается результатами выборочного опроса сотрудников оперативных подразделений ОВД. Так, 73 % респондентов указали, что предусмотренный Порядком доклад руководителю ОВД о планируемом проведении ОРМ за пределами обслуживаемой территории осуществляется в форме рапорта, обосновывающего необходимость выезда сотрудников в служебную командировку за пределы территории субъекта для проведения необходимых ОРМ². При этом, как правило, уведомляется руководитель оперативного подразделения ОВД, на территории которого планируется проведение ОРМ, путем устного уведомления по телефону либо непосредственно в ходе рабочей встречи.

3. Действие рассматриваемого Порядка распространяется на все территориальные органы МВД России. Вместе с тем применительно к деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел на транспорте как сам термин «территория оперативного обслуживания», так и требования Порядка в полном объеме не могут быть применимы. Это объясняется спецификой организации работы названных органов, заключающейся в оперативном обслуживании объектов транспорта, а не определенной территории [7, с. 121].

Резюмируя изложенное, отметим, что регулирование порядка уведомления руководителей ОВД, на

средств» // КонсультантПлюс: сайт.

² Указаны результаты опроса 118 сотрудников оперативных подразделений, проходивших повышение квалификации в ВИПК МВД России в 2021–2022 гг.

территории обслуживания которых проводятся ОРМ, требует совершенствования. При правильном содержании исходной нормы неотработанный механизм ее реализации может привести к нарушению конспирации, расшифровке конфиденциальных источников информации и другим негативным последствиям.

Представляется, что обязанность уведомления ОВД, на территории которых планируется проведение ОРМ («привязка» сотрудника к «своей» территории обслуживания), некоторым образом ограничивает инициативу оперативных сотрудников в проведении ОРМ за пределами обслуживаемой территории (межрегиональных ОРМ). Это положение идет вразрез с принципом наступательности и в известной степени оказывает влияние на противодействие преступлениям в сфере IT-технологий, особенностью которых является межрегиональный характер и сложность определения места их совершения.

Кроме того, обязательность уведомления о проведении ОРМ за пределами обслуживаемой территории при отсутствии объективно необходимых факторов, требующих такого уведомления, а также установление такого требования в зависимости от уровня оперативного подразделения (при схожих компетенциях и функциональных возможностях по применению сил и средств ОРД, а также при общности решаемых задач) ведет к формальному исполнению оперативными сотрудниками указанного нормативного предписания и создает предпосылки для его нарушения.

В заключении отметим, во-первых, механизм уведомления (информирования) соответствующих руководителей сотрудниками оперативных подразделений ОВД при проведении ОРМ за границами обслуживаемой территории требует совершенствования, а нормативные предписания, предусмотренные Порядком, – соответствующей корректировки; во-вторых, мы отдаем себе отчет в том, что отдельные положения, сформулированные в настоящей статье, дискуссионны и требуют дальнейшего научного осмысления в рамках самостоятельного исследования.

Библиографический список

1. Черников В. В. Административное усмотрение как объективная реальность и теоретическая проблема в трудах профессора Ю. П. Соловья. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35221331&ysclid=la6hq5ogj7570896296> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Бобров В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: лекция. М.: Академия управления МВД России, 2003.
3. Лукашов В. А. Вопросы организации деятельности аппаратов уголовного розыска. М., 1969.
4. Вагин О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности: научный доклад // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов круглого стола (3 ноября 2011 г.). СПб., 2012.
5. Шашин Д. Г., Коршунов А. В. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков мест-

ности и транспортных средств: некоторые проблемы правового регулирования и проведения // Оперативник (сыщик). 2016. № 2.

6. Чечетин А. Е., Анохин Ю. В., Шатохин И. Д. Некоторые проблемы применения гласного обследования в оперативно-розыскной деятельности // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1.

7. Трофимов Д. А. Обоснованность использования термина «территория оперативного обслуживания» в деятельности органов внутренних дел на транспорте // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4.

References

1. Chernikov V.V. Administrative discretion as an objective reality and a theoretical problem in the works of Professor Yu. P. Solovy. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35221331&ysclid=la6hq5ogj7570896296> (access date: 01/10/2023).
2. Bobrov V. G. The concept of operational-search activities. Grounds and conditions for conducting operational investigative activities: lecture. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003.
3. Lukashov V. A. Issues of organizing the activities of criminal investigation apparatuses. M., 1969.
4. Vagin O. A. Constitutional problems of operational investigative activity: scientific report // Constitutional and legal problems of operational investigative activity: collection of materials from the round table (November 3, 2011). St. Petersburg, 2012.
5. Shashin D. G., Korshunov A. V. Public inspection of premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles: some problems of legal regulation and implementation // Operative (detective). 2016. No. 2.
6. Chechetin A. E., Anokhin Yu. V., Shatokhin I. D. Some problems of using public examination in operational investigative activities // Altai Legal Bulletin. 2021. No. 1.
7. Trofimov D. A. Validity of using the term "territory of operational service" in the activities of internal affairs bodies in transport // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4.

Информация об авторе

Рукавишников Григорий Анатольевич – кандидат юридических наук

Information about the author

Rukavishnikov Grigory A. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 16.03.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 15.03.2024

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Научная статья
УДК 343.614

Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства: криминологический портрет личности преступника

Акаева Ксения Альбертовна
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, kseniya.akaeva@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-0766-1741>

Аннотация. Статья посвящена криминологическому анализу личности преступника, склоняющего к совершению самоубийства или содействующего совершению самоубийства. Основное внимание уделяется социально-демографическим, уголовно-правовым и нравственно-психологическим характеристикам лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 110.1 УК РФ. Портрет личности преступника, склоняющего к совершению самоубийства или содействующего совершению самоубийства, имеет практический потенциал для борьбы с рассматриваемым негативным явлением.

Ключевые слова: личность преступника, криминологическая характеристика, самоубийство, склонение, содействие, ст. 110.1 УК РФ

Для цитирования: Акаева К. А. Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства: криминологический портрет личности преступника // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 112–116.

Original article

Inducement to commit suicide and facilitating suicide: criminological portrait of the criminal's personality

Акаева Ксения А.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, kseniya.akaeva@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-0766-1741>

Abstract. The article is devoted to the criminological analysis of the personality of a criminal who inclines to commit suicide and promotes suicide. The main attention is paid to the socio-demographic, criminal-legal and moral-psychological characteristics of the personality of the person who committed the crime provided for in Article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. A portrait of the personality of a criminal who inclines to commit suicide and promotes suicide represents a great practical potential for law enforcement agencies to combat such a negative phenomenon.

Keywords: the identity of the criminal, criminological characteristics, suicide, declension, assistance, art. 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Akaeva K. A. Inducement to commit suicide and facilitating suicide: criminological portrait of the criminal's personality // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 112–116.

В 2017 г. Уголовный кодекс Российской Федерации претерпел определенные изменения в части введения нового состава преступления, установив ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ)¹. Данная законодательная новелла определила дополнительные уголовно-правовые механизмы защиты жизни человека, в том числе детей, от подобного вида преступного посягательства.

Признание отечественным законодателем высокого уровня общественной опасности преступной деятельности, связанной с побуждением к самоубийству, в доктрине уголовного права и криминологии оценивается весьма положительно. Однако на сегодняшний день остается множество неразрешенных теоретических и практических вопросов, посвященных криминологическому исследованию склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства как негативных явлений. В этом контексте внимания заслуживает выделение особенностей личности преступника.

Понятие «личность преступника» в отечественной криминологии трактуется различно. Позволим себе не углубляться в научную дискуссию по вопросу содержания данного термина и отметить лишь наиболее распространенную точку зрения среди ученых-криминологов: личность преступника – это лицо, совершившее преступление вследствие проявления его антиобщественных взглядов, определяющих совокупность социально значимых негативных свойств, влияющих на характер преступного поведения.

Соответственно, выделение основных свойств и признаков личности преступника имеет важное практическое значение для разработки эффективной системы противодействия преступности. При этом следует подчеркнуть, что личность преступника в криминологической науке является объектом пристального изучения и всегда вызывает у исследователей живой интерес.

Криминологическое изучение личности преступника предполагает обращение к ее структуре, что в свою очередь, позволяет определить специфические свойства и признаки, формирующие преступное поведение. В этой связи, Ю. М. Антонян и В. Э. Эминов отмечают, что понимание преступного поведения человека невозможно без всестороннего исследования его характеристик [1, с. 6].

В криминологической литературе встречаются различные подходы к определению основных элементов структуры личности преступника. Боль-

шинство криминологов утверждают, что ее модель состоит из трех групп признаков: социально-демографические, уголовно-правовые и нравственно-психологические.

Следует согласиться с мнением Н. Г. Ведерникова, утверждающего, что изучение личности преступника со стороны социально-демографических, уголовно-правовых и нравственно-психологических аспектов, способствует наиболее полному описанию ее основных качеств [2, с. 74–76]. Указанные признаки сами по себе не являются криминогенными, однако они воздействуют на формирование личности преступника и его поведение.

Прежде чем перейти к рассмотрению обозначенных признаков, обратимся к статистическим данным о количестве выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ. В период с 2019 г. по 2023 г. на территории Российской Федерации выявлено всего 24 человека, совершивших преступление, предусмотренное ст. 110.1 УК РФ: 2019 – 4 (+100 %); 2020 – 5 (+25 %); 2021 – 5 (0 %); 2022 – 8 (+60 %); 2023 – 2 (-75 %). Из представленных данных видно, что количество выявленных лиц, склоняющих и содействующих самоубийству, уменьшилось на 50 % (с 4 в 2019 г. до 2 в 2023 г.). Это может быть связано с тем, что за определенный временной промежуток один человек может совершить достаточно большое количество преступлений. Кроме того, приведенные цифры свидетельствуют о высоком уровне латентности, связанной с низкой раскрываемостью указанного преступного посягательства, недостаточной активной работой правоохранительных органов и недооценкой ими значения борьбы с названным преступлением.

Исследование структуры личности преступника следует начать с рассмотрения социально-демографических признаков, которые включают в себя следующие сведения: пол, возраст, уровень образования, род занятий, семейное положение, место жительства, материальное положение и др. С точки зрения науки криминологии и профилактической деятельности указанные признаки имеют важное практическое значение.

Анализ статистических данных МВД России за период 2019–2023 гг. показал, что среди лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ, преобладают мужчины (66,67 %). Женщины в структуре преступлений, связанных со склонением к совершению самоубийства и с содействием совершению самоубийства, отличаются меньшей криминальной активностью, их доля составляет 33,33 %. Впрочем, представленные сведения подтверждают описываемые в научной литературе положения о том, что женщины-преступницы менее склонны к антисоциальному поведению, чем мужчины.

¹ Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // КонсультантПлюс: сайт.

Возрастные особенности в социально-демографической характеристике личности преступника имеют немаловажное значение и позволяют оценить степень криминальной активности различных возрастных групп, а также установить специфику поведения индивидов различного возраста.

Возрастной состав лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ с 2019 г. по 2023 г., выглядит следующим образом: 16–17 лет – 7 человек; 18–29 лет – 8 человек; 30–49 лет – 7 человек; 50 лет и старше – 2 человека. Приведенные показатели свидетельствуют о том, что наибольшей криминальной активностью обладают молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет (33,3 %). Далее следуют несовершеннолетние в возрасте 16–17 лет (29,2 %), что вызывает беспокойство, а также лица от 30 до 49 лет (29,2 %). Значительно меньшую долю составляют лица старше 50 лет – 8,3 %.

Изложенное позволяет отметить, что особую тревожность вызывают случаи, когда субъектом склонения к совершению самоубийства и содействию совершению самоубийства выступают несовершеннолетние 16–17 лет. Анализ уголовных дел по ст. 110.1 УК РФ показал, что вне приведенной официальной статистики находятся несовершеннолетние 14–15 лет, которые на основании ч. 2 ст. 20 УК РФ не подлежат уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства. В качестве примера можно привести апелляционное постановление Новосибирского областного суда, в котором установлено, что Б. с П. (не достигшем возраста 16-ти лет) совместно и согласовано группой лиц по предварительному сговору в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» склоняли к совершению самоубийства несовершеннолетнюю Л., которая самоубийства не совершила, поскольку преступные действия Б. и П. были пресечены¹.

Следующим криминологически значимым элементом социально-демографической характеристики лиц, совершающих преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ, является образовательный уровень. Именно образование непосредственно формирует жизненные установки, ценностные ориентации, чувство ответственности, а также повышает общую и правовую культуру индивида. Согласно статистическим данным МВД России с 2019 г. по 2023 г. по образовательному критерию удельный вес лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ, распределился следующим образом: высшее профессиональное образование – 8,3 %; среднее профессиональное образование – 12,5 %; начальное и основное образование – 25 %; среднее (полное) образование – 33,3 %.

Приведенные сведения показывают, что большую часть преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, совершили лица, имеющие достаточно низкий

уровень образования. В данном случае следует согласиться с мнением М. И. Ковалева, утверждающего, что низкий уровень образования относится к числу криминогенных факторов [3, с. 91].

На преступное поведение лиц, виновных в склонении к совершению самоубийства и содействию совершению самоубийства существенное влияние также оказывают социальное положение и род занятий. В среднем около 41,7 % исследуемых преступников приходится на учащихся и студентов. Доля лиц, которые на момент совершения преступления не имели постоянного источника дохода, также составляет 41,7 %. Вместе с тем значительная часть лиц, виновных в склонении к совершению самоубийства и содействию совершению самоубийства (58,3 %), на момент совершения преступления нигде не работали и не учились.

Среди важных особенностей личности лица, виновного в склонении к совершению самоубийства и содействию совершению самоубийства, следует выделить его связь с потерпевшим, в основе которой лежат родственные, дружественные и близкие отношения. Проведенный анализ статистических данных МВД России за период 2019–2023 гг. дает основания полагать, что около 23 % исследуемых преступлений совершено супругом (бывшим супругом), сожителем, 12,5 % – членом семьи, родственником и знакомым.

Кроме того, преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ, совершаются исключительно гражданами России, из них 79,2 % являются местными жителями. Представленные сведения говорят о том, что склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства не характерны для иностранных граждан, которые, как правило, находясь на территории Российской Федерации, занимаются тяжелым неквалифицированным трудом, поэтому у них не остается свободного времени на совершение указанного преступного посягательства. К тому же иностранные граждане нередко стремятся к соблюдению российского законодательства и опасаются нарушать его.

Далее остановимся на исследовании уголовно-правовых характеристик лиц, виновных в склонении к совершению самоубийства и содействию совершению самоубийства.

Одним из значимых признаков лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ, служит наличие криминального опыта. Анализ статистических данных МВД России показал, что среди лиц, выявленных с 2019 г. по 2023 г. при совершении преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, около 29,7 % ранее совершали преступления, из них 16,7 % имели судимость. По нашему мнению, такой процент свидетельствует о недостаточном достижении цели наказания в виде исправления осужденного, что указывает на сформированное, антисоциальное поведение преступника.

Изучив обвинительные приговоры, следует подчеркнуть, что преступления, связанные со склонением к совершению самоубийства и содействием совершению самоубийства, зачастую носят групповой

¹ Апелляционное постановление Новосибирского областного суда по делу № 22-3060/2018 от 9 июня 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 31.01.2024).

характер. В частности, указанные преступления совершаются группой лиц по предварительному сговору и организованной группой (п. «г» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ). Например, приговором Собинского городского суда г. Собинка Владимирской области 28-летняя Ш. и 20-летний Г. признаны виновными по п. «а», «г» и «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ – склонение к совершению самоубийства путем уговоров и предложений, совершенное группой лиц по предварительному сговору в отношении несовершеннолетнего в сети «Интернет»¹.

В рассмотрении структуры личности преступника особого внимания заслуживает исследование нравственно-психологических признаков. Они выражают его отношение к обществу в целом, к принятым в нем ценностям и к нормативно-одобряемым социальным ролям [4, с. 111].

Особенности личности преступника со стороны нравственно-психологических характеристик проявляются в его мотивационной сфере. Мотивы наиболее очевидно свидетельствуют о чертах и свойствах преступника, а также о его потребностях и стремлениях. Проведенный анализ приговоров по ст. 110.1 УК РФ позволяет заключить, что для лиц, виновных в склонении к совершению самоубийства и содействию совершению самоубийства, характерны специфические мотивы преступного поведения, которые определяются лидерскими способностями, чувством превосходства над жертвами, повышением уровня самооценки, потребностью в самоутверждении себя как человека, способного руководить действиями других лиц. В то же время такие лица настойчивы, в некоторой степени даже навязчивы и целеустремленны в своих намерениях, направленных на возбуждение у потерпевшего желания совершить самоубийство. В отдельных случаях виновные лица имеют личные неприязненные отношения к потерпевшему, активно используют психологическое давление, а также преподносят себя как всезнающего и проницательного человека.

Кроме того, в преступных действиях у некоторых лиц, склоняющих к совершению самоубийства или содействующих совершению самоубийства, присутствует игровой мотив. Игровая мотивация не подразумевает получение какой-либо материальной выгоды, поскольку преступление совершается исключительно ради развлечения и из любопытства.

На мотивацию преступного поведения лиц, склоняющих к совершению самоубийства или содействующих совершению самоубийства, также влияет состояние опьянения. Обращаясь к данным статистической отчетности, отметим, что среди выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ, 16,7 % человек находилось в состоянии опьянения. В целом можно подчеркнуть, что состояние опьянения не слишком характерно для лиц, виновных в склонении к совершению самоубийства

и содействии совершению самоубийства. Однако статистические сведения слабо отражают истинные масштабы рассматриваемых преступлений, поскольку могут иметь длящийся или продолжаемый характер.

Особое значение в изучении нравственно-психологической составляющей личности преступника имеют психические аномалии, которые не исключают вменяемости и не относятся к разряду заболеваний. К их числу следует отнести социопатию и социализированное расстройство поведения, которые в свою очередь характерны для лиц, склоняющих к совершению самоубийства или содействующих совершению самоубийства. Исходя из этого, особенностями поведения лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ, следует выделить следующее:

- проявление агрессивности и жестокости;
- низкий уровень ответственности;
- наличие чувства безнаказанности (отсутствие страха перед наказанием за совершенные поступки);
- склонность к обману и манипуляции;
- использование в общении лжи и угроз;
- отсутствие эмпатии к окружающим и другие.

Соответственно, указанные признаки психических аномалий содействуют формированию криминогенных взглядов и ведению антиобщественного образа жизни.

В рассмотрении криминологических особенностей личности исследуемых преступников следует учесть то, что часть зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, совершаются с использованием сети «Интернет». Так, с 2019 г. по 2023 г. зарегистрировано 39 преступлений, предусмотренных п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ. Это означает, что лица, склоняющие к совершению самоубийства или содействующие совершению самоубийства, обладают специальными знаниями в области информационных технологий.

Подводя итог, отметим, что представленное криминологическое исследование личности преступника, склоняющего к совершению самоубийства или содействующего совершению самоубийства, построено исключительно на имеющихся на сегодняшний день статистических данных и материалах следственной и судебной практики. Осознавая, что вследствие объективных причин эмпирический материал по ст. 110.1 УК РФ является небольшим, мы все же полагаем, что имеющаяся информация позволяет в определенной степени выявить основные черты личности лица, совершающего данное преступление.

Таким образом, проанализировав социально-демографические, уголовно-правовые и нравственно-психологические характеристики, следует заключить, что лицо, склоняющее к совершению самоубийства или содействующее совершению самоубийства – это мужчина в возрасте от 16 до 29 лет, гражданин Российской Федерации, имеющий низкий уровень образования, без постоянного источника дохода, ранее привлекавшийся к уголовной ответственности. Данному лицу свойственно совершение преступления в соучастии и с использованием информационно-

¹ Апелляционное постановление Новосибирского областного суда по делу № 22-3060/2018 от 9 июня 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 31.01.2024).

телекоммуникационных технологий. Отличительная особенность личности преступника, склоняющего к совершению самоубийства или содействующего совершению самоубийства, определяется специфическими и игровыми мотивами преступного поведения, а также психическими аномалиями (социопатия и социализированное расстройство поведения).

В заключении следует отметить, что представленный портрет личности преступника, склоняющего к совершению самоубийства или содействующего совершению самоубийства, позволит правоохранительным органам активизировать работу по эффективному применению соответствующих мер предупреждения.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Личность преступника. Криминологическое-психологическое исследование: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 368 с.
2. Ведерников Н. Г. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступления. М., 1984. С. 74–76.
3. Ковалев М. И. Исследование общеобразовательного уровня преступников // Советское уголовное право. 1968. № 2. С. 90–92.
4. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.

References

1. Antonyan Yu. M. The identity of the criminal. Criminological and psychological research: monograph. M.: Norma: INFRA-M, 2022. 368 p.
2. Vedernikov N. G. The identity of the criminal as an element of the criminalistic characteristics of the crime // Criminalistic characteristics of the crime. M., 1984. Pp. 74–76.
3. Kovalev M. I. The study of the general educational level of criminals // Soviet criminal law. 1968. No. 2. Pp. 90–92.
4. Prozumentov L. M., Shesler A. V. Criminology (General part): a study guide. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2017. 284 p.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 22.01.2024; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 15.03.2024

Научная статья
УДК 343.852

Некоторые вопросы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу

Ермакова Алина Леонидовна
Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, Орел, Россия,
ermachokal@mail.ru

Аннотация. Автором проводится анализ позиций Верховного и Конституционного Судов РФ, норм Уголовно-процессуального кодекса РФ и правоприменительной практики, касающейся сроков содержания под стражей. В результате рассмотрения выявляются пробелы законодательного регулирования механизма продления ареста на предварительном и судебном этапах процесса. Для предотвращения произвольного и несоразмерного ограничения свободы органам расследования предлагается более основательно подходить к составлению соответствующего ходатайства. Автор выступает с инициативой увеличения первоначального срока рассматриваемой меры уголовно-процессуального воздействия, а также установления максимального срока содержания подсудимого под стражей.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, срок содержания под стражей, разрешение ходатайства

Для цитирования: Ермакова А. Л. Некоторые вопросы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 117–120.

Original article

Some issues of choosing a preventive measure in the form of detention

Ermakova Alina L.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia. ermachokal@mail.ru

Abstract. The author analyzes the positions of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation, the norms of the Criminal Procedure Code Russian Federation and law enforcement practice concerning the terms of detention. As a result of the review, gaps are identified regarding the legislative regulation of the mechanism for extending arrest at the preliminary and judicial stages of the process. In order to prevent arbitrary and disproportionate restriction of freedom, it is proposed that the investigative authorities take a more thorough approach to drafting an appropriate petition. The author takes the initiative to increase the initial term of the considered measure of criminal procedural impact, as well as to establish the maximum period of detention of the defendant.

Keywords: preventive measure, detention, period of detention, resolution of the petition

For citation: Ermakova A. L. Some issues of choosing a preventive measure in the form of detention // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 117–120.

Меры пресечения представляют собой институт принуждения, целью которого является предупреждение и пресечение совершения лицом противоправных действий, перечень которых закреплен в ч. 1 ст. 97 УПК РФ¹. Неотъемлемой частью продления указанного обеспечительного механизма считается процедура рассмотрения соответствующего ходатайства,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Российская газета. 22 декабря 2001 г. № 249.

поскольку именно этот документ является отправной точкой действия меры пресечения во времени (нами данный институт будет анализирован на примере заключения под стражу).

Объем удовлетворенных постановлений о продлении «стражных» сроков держится на довольно высоком уровне, невзирая на разъяснения Верховного Суда РФ и позиции Конституционного Суда РФ, ко-

торые достаточно четко закрепили вопросы, касающиеся важности установления весомых оснований продления мер пресечения, ограничивающих свободу человека до вынесения приговора суда.

Четкие разъяснения о том, что в качестве оснований для продления сроков могут выступать не столько характер и серьезность совершенного преступления, сколько достаточные обстоятельства, свидетельствующие о реальной возможности продолжения противоправного поведения и степень вероятности повторения преступления, в некотором роде игнорируются субъектами правоприменения. Органы дознания и следствия в своих постановлениях зачастую опираются лишь на тяжесть предъявленного обвинения, не предлагая к применению более мягкую меру пресечения, наполняя ходатайство стереотипными фразами, проверенными временем. Наглядные статистические данные за 2022 г. приведены в таблице 1.

Таблица 1

Мера пресечения	Количество первоначальных избраний	Количество рассмотренных ходатайств о продлении срока	Количество удовлетворенных ходатайств о продлении срока
Заключение под стражу	87 687	202 912	197 032 (97 %)
Домашний арест	7407	27 874	25 969 (92 %)
Запрет определенных действий (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ)	3085	5408	5 018 (92,7 %)

Стоит отметить, что объем решений о продлении сроков применения мер пресечения в среднем в 2 раза превышает число постановлений об их первоначальном избрании. Это может означать, что двухмесячная модель «стражного» срока не отвечает современным реалиям и нуждается в реформировании.

Можно прийти к выводу, что вышеприведенная статистика [1] о практически 100 % доле удовлетворенных ходатайств подталкивает не только к вопросу, насколько требовательно судьи подходят к основаниям принятия решения о продлении, но и к рассуждению об оптимальности ординарных сроков применения мер пресечения и потенциале их изменения в сторону увеличения [2]. Проблема увеличения первоначального периода, на который может избираться мера пресечения, связанная с изоляцией от общества, не раз поднималась в научных кругах. Например, профессор Б. Я. Гаврилов апеллирует к итальянскому законодательству, согласно которому обычный период времени помещения под стражу подсудимого лица составляет 6 месяцев и коррелируется как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения в зависимости от сложности уголовного дела [3].

Однако необходимо принимать во внимание, что увеличение первоначального «стражного» срока применения меры пресечения (допустим, до 3 месяцев) может еще сильнее ограничить основополагающие конституционные права подозреваемых и обвиняемых до вынесения в отношении них приговора суда, а также способствовать искусственному замедлению уголовного судопроизводства со стороны органов расследования.

В данном случае необходимо найти оптимальное решение: период принудительного воздействия должен являться отправной точкой гарантии подсудимого лица на защиту, а не способствовать созданию канцелярского и бюрократического барьера между судом и следственным аппаратом (или дознанием).

Одним из самых часто используемых оснований продления срока содержания под стражей выступает необходимость проведения процессуальных действий с целью сбора полной доказательственной базы. Однако данное обстоятельство не может быть единственным достаточным основанием для продолжения ограничения свободы человека на этапе предварительного расследования [4]. Судебный контроль при неоднократном продлении сроков состоит в выяснении причин, почему те или иные следственные действия не были проведены ранее, почему возникла необходимость их проведения на данном этапе производства по делу.

Первоначально обвиняемый заключается под стражу на 2 месяца. При наличии необходимости данный период может быть продлен:

1) до 6 месяцев – увеличение срока возможно при отсутствии оснований для отмены указанной меры пресечения или для изменения на более мягкую, а также при доказанности реальной возможности совершения обвиняемым действий из перечня, указанного в ст. 97 УПК РФ;

2) 12 месяцев – продление до указанного срока производится в отношении отдельной категории лиц (проходящих фигурантами по тяжкому или особо тяжкому составу преступления) при исключительной сложности дела при сохранении требований ст. 97 УПК РФ (согласование соответствующего ходатайства происходит с руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации);

3) 18 месяцев – продление срока до указанного периода является исключительным случаем. Например, в решении о продлении срока содержания под стражей обвиняемого В. до 15 месяцев судом установлено, что уголовное дело имеет особую сложность, и представление ходатайства органами расследования является исключительным случаем. Судья пришел к выводу, что увеличение срока продиктовано большим количеством анализируемого материала, значительным числом потерпевших, а также внушительным объемом следственных и иных процессуальных действий¹. Ходатайство подается следователем с

¹ Постановление Красноярского краевого суда от 8 июня

согласия руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти в Высший Суд субъекта РФ.

Если речь идет о применении мер к несовершеннолетним участникам уголовного процесса, то необходимо предоставить более подробные аргументы для обоснования принимаемых решений. Если подследственное лицо не достигло возраста 18 лет, необходимо максимально конкретно указать причины, по которым к нему невозможно применить альтернативные меры, оказывающие, в большей мере, моральное воздействие. Законодатель в отдельной норме закрепил особенности применения мер пресечения к указанной категории нарушителей (ч. 2 ст. 423 УПК РФ) и обязал правоприменителей при каждом случае избрания меры обеспечительного воздействия обсуждать вопрос о привлечении законных представителей к исправлению поведения несовершеннолетнего и применению принудительного механизма, предусмотренного ст. 105 УПК РФ.

Возможность назначения более мягкой меры уголовно-процессуального принуждения является следствием решений Конституционного Суда о том, что до вступления обвинительного приговора в законную силу на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, по своему общему объему равные степени тяжести, в том числе срокам уголовного наказания, а тем более превышающие его¹. Фактическое равенство сроков ограничения свободы при применении рассматриваемой меры пресечения в отношении несовершеннолетних нарушителей и лиц, достигших 18-летнего возраста, не соответствует закрепленному правилу о содержании под стражей рассматриваемой категории лиц в исключительных случаях и на максимально короткий промежуток времени [5].

Если рассматривать применение мер пресечения, ограничивающих свободу лица, после утверждения обвинительного заключения и поступления уголовного дела в суд, то законодательством закрепляется полугодовой срок нахождения подсудимого под стражей (ч. 3 ст. 255 УПК РФ). При этом указано, что суд вправе продлять этот срок каждый раз не более, чем на 3 месяца по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. При этом законодатель не делает акцент на проверке оснований для изменения указанных мер, коррелируя возможность сохранения лишь с категорией преступления.

Таким образом, лицо может находиться под стражей до двух и даже более лет (18 месяцев предельного срока на этапе предварительного расследования

и минимум 6 месяцев на этапе судебного разбирательства). При этом совсем необязательно, что в отношении лица в конечном варианте будет вынесен обвинительный приговор. В случае оправдательного приговора применение столь долгих мер принуждения повлечет за собой процедуру реабилитации лица в правах. В некоторых случаях стремление «бесконечно» сохранять ранее избранную меру уголовно-процессуального воздействия, когда основания продления срока объясняются не «позитивными» явлениями (например, наличие новых обстоятельств, аргументирующих законность сохранения меры пресечения), а «негативными» (например, отсутствие оснований для изменения меры пресечения), свидетельствует о превалирующем обвинительном подходе к механизму их применения.

На необходимость внесения изменений в ст. 255 УПК РФ не раз обращали внимания ученые-процессуалисты. По мнению А. Д. Прошлякова, следует ограничить общий период применения рассматриваемой меры пресечения на стадии предварительного следствия и судебной стадии сроком лишения свободы, закрепленным статьей УК РФ, по которой обвиняемый понесет наказание [6].

Процедура рассмотрения ходатайства о продлении срока содержания под стражей имеет последовательную структуру, регламентируется УПК РФ и соответствует основополагающим принципам уголовного процесса. Так, судья, начиная заседание по заслушиванию с представления сути рассматриваемого документа, единолично изучает заявленные материалы. Ход судебного заседания фиксируется в протоколе, который формируется одновременно с проведением процедуры рассмотрения. По окончании участники получают возможность высказать свои возражения, после чего судья удаляется в совещательную комнату для вынесения решения.

Решение о сроке содержания под стражей выносится в соответствии с ч. 8 ст. 109 УПК РФ и может быть двух видов:

- 1) продление срока содержания обвиняемого под стражей;
- 2) отказ в удовлетворении указанного ходатайства, при этом обвиняемый освобождается из-под стражи, кроме того за судьей также закреплено право назначения обвиняемому альтернативной меры пресечения.

При принятии судьей решения об увеличении времени изоляции лица от общества недопустимо апеллировать к первоначальному постановлению об избрании меры пресечения. За время пребывания лица под стражей до момента продления срока доказательства, подтверждающие виновность лица, могут измениться в пользу подследственного. Соответственно, судье необходимо пересмотреть все имеющиеся аспекты, которые положены в основу вынесения правоприменительного решения с целью обеспечения гарантии прав подозреваемого и обвиняемого и сохранения принципа законности при расследовании уголовного дела [7].

2018 г. «О продлении срока содержания под стражей обвиняемому В.». Материал К-2-298/2018.

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина» // Российская газета. 21 декабря 2011 г. № 287.

Принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, стоит отметить, что при всей строгости рассматриваемой меры пресечения и ее карательной сущности УПК РФ недостаточно четко закрепляет вопросы продолжительности ее применения.

Любое пребывание лица в условиях, ограничивающих его права на передвижение, общение, труд, образование, должно быть строго ограничено по времени и иметь статус законного и обоснованного. Ключевая роль в рассматриваемой процедуре принадлежит именно следователю (дознавателю), на котором лежит ответственность за грамотную юридическую квалификацию совершенного деяния, своевременную и полную фиксацию доказательств, которые впоследствии составляют основу для вынесения решения о применении процессуального института принуждения.

Библиографический список

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdpr.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения: 20.12.2023).

2. Ермакова А. Л. Меры пресечения и их временные границы: пробелы уголовно-процессуального законодательства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 153–160.

3. Гаврилов Б. Я. Органы предварительного следствия в структуре органов внутренних дел: проблемы эффективности деятельности // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы XIX Международ. науч.-теор. конференции. СПб., 28–29 апреля 2022 г. С. 659–673.

4. Ермакова А. Л. Разрешение ходатайства о продлении срока содержания под стражей. К 30-летию принятия Конституции РФ: в 2 ч. / под ред. К. В. Муравьева [и др.] // В сборнике: Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международ. науч.-практ. конференции. Орел, 2023. С. 131–136.

5. Муравьев К. В., Замуруева Е. Ю. Проблемные аспекты регламентации сроков уголовно-процессуальных и уголовно-правовых мер воздействия в отношении несовершеннолетних // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: материалы Международ. науч.-практ. конференции. Красноярск, 18–19 июня 2021 г. Часть 2. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 175–179.

6. Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997. 271 с.

7. Черкесов С. Х. Некоторые правоприменительные вопросы процедуры разрешения ходатайства

о продлении срока содержания под стражей // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 84–86.

References

1. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for 2022 // Website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdpr.ru/index.php?id=79&item=7096> (date of access: 12/20/2023).

2. Ermakova A. L. Preventive measures and their time limits: gaps in criminal procedure legislation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2023. No. 3 (96). Pp. 153–160.

3. Gavrillov B. Ya. Preliminary investigation bodies in the structure of internal affairs bodies: problems of efficiency // State and law: evolution, current state, development prospects (to the 100th anniversary of the formation of the USSR): proceedings of the XIX International Scientific and Theoretical conference. St. Petersburg, April 28–29, 2022. Pp. 659–673.

4. Ermakova A. L. Resolution of the petition for the extension of the period of detention. On the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation: in 2 parts / ed. by K. V. Muravyov [et al.]. // In the collection: Modern criminal procedure law – lessons of history and problems of further reform: collection of materials of the International scientific and practical conference. Orel, 2023. Pp. 131–136.

5. Muravyov K. V., Zamurueva E. Yu. Problematic aspects of the regulation of the terms of criminal procedural and criminal legal measures of influence against minors // Ensuring the rights of participants in criminal proceedings with disabilities: a compensatory approach: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, June 18–19, 2021. Part 2. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2021. Pp. 175–179.

6. Proshlyakov A. D. The relationship of substantive and procedural criminal law. Yekaterinburg, 1997. 271 p.

7. Cherkesov S. H. Some law enforcement issues of the procedure for resolving an application for an extension of detention // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 3. Pp. 84–86.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; одобрена после рецензирования 02.03.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 20.02.2024; approved after reviewing 02.03.2024; accepted for publication 15.03.2024

Механизмы финансирования экстремистской и террористической деятельности с использованием криптовалюты

Лукошина Полина Андреевна
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, polinalkshn@mail.ru

Аннотация. В статье подробно изучаются особенности использования криптовалют в преступных целях, а именно в финансировании экстремистской и террористической деятельности, а также рассматриваются два наиболее распространенных механизма совершения данного вида преступлений. Автором выделены главные особенности, благодаря которым криптовалюта привлекает внимание лиц, чья деятельность связана с финансированием экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: криминология, криптовалюта, виртуальная валюта, финансирование экстремистской и террористической деятельности, механизмы, алгоритм, социальные сети, мессенджеры, транзакции, анонимизация, выявление

Для цитирования: Лукошина П. А. Механизмы финансирования экстремистской и террористической деятельности с использованием криптовалюты // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 121–124.

Original article

Mechanisms for financing extremist and terrorist activities using cryptocurrencies

Lukashina Polina A.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, polinalkshn@mail.ru

Abstract. The article examines in detail the features of the use of cryptocurrencies for criminal purposes, namely in the financing of extremist and terrorist activities, and also examines the two most common mechanisms for committing this type of crime. The author has highlighted the main features due to which cryptocurrency attracts the attention of persons whose activities are related to the financing of extremism and terrorism.

Keywords: criminology, cryptocurrency, virtual currency, financing of extremist and terrorist activities, mechanisms, algorithm, social networks, messengers, transactions, anonymization, detection

For citation: Lukashina P. A. Mechanisms for financing extremist and terrorist activities using cryptocurrencies // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 121–124.

В настоящее время криптовалюты стали активно использоваться субъектами криминального мира в своих противоправных целях. Криптовалюта является активом, который существует в цифровом виде или является цифровым представлением другого актива, созданного с применением технологии распределенных реестров¹. Данную валюту используют как традиционные денежные средства в целях осуществления

различных финансовых операций.

Характеристики, которыми обладают рассматриваемые финансовые инструменты, создают значительные трудности при организации противоправных действий преступникам с их использованием. Э. Л. Сидоренко отмечает, что дешевые и необратимые переводы денежных средств, запутанные цепочки транзакций и отсутствие надлежащей законодательной основы приводят к тому, что с каждым годом увеличивается количество преступлений, связан-

¹ Письмо Банка России от 3 марта 2022 г. № 05-35-2/1340 «О комментариях АРБ по консультативному докладу Банка России о криптовалютах».

ных с использованием криптовалюты [1, с. 29]. Чаще всего цифровые криптовалюты используют при совершении таких преступлений, как финансирование экстремистской и террористической деятельности, наркоторговля, легализация доходов, полученных преступным путем, уклонение от уплаты налогов, коррупционные преступления, торговля людьми.

В данном случае виртуальная валюта позволяет участникам данных противоправных действий осуществлять транзакции в адрес экстремистских и террористических организаций с высокой степенью анонимности, что впоследствии не позволит правоохранительным органам выявить данное преступление и установить источник финансирования.

Главные особенности, благодаря которым криптовалюта привлекает внимание участников деятельности, связанной с финансированием экстремизма и терроризма:

- транзакции, при которых платежным средством выступает криптовалюта, осуществляются в сети «Интернет», где отсутствует четкая идентификация участников, и, как следствие, данные операции проходят анонимно;

- распространенность данной виртуальной валюты позволяет осуществлять трансграничные транзакции любого объема и вне зависимости от времени суток;

- децентрализованный характер криптовалюты делает ее неподконтрольной государственным органам и финансовым учреждениям;

- осуществляемые транзакции протекают с высокой скоростью, и, как следствие, перехватить и заблокировать такие операции практически невозможно;

- операции не требуют проверок, что позволяет сделать их необратимыми;

- отсутствие законодательной базы в сфере обращения виртуальных валют делает их свободными во многих странах;

- возможность конвертации позволяет осуществлять обмен фиатных денежных средств¹ на криптовалюту и наоборот;

- транснациональный характер позволяет обмениваться криптовалютой за пределами страны;

- существование сервисов, которые позволяют пользователям скрывать происхождение и назначение транзакций при осуществлении операций с криптовалютой;

- открытый код позволяет добывать виртуальные монеты любому желающему, то есть каждый человек может осуществлять деятельность, связанную с майнингом.

В ходе проведения контент-анализа публикаций, размещенных в популярных социальных сетях, мессенджерах, видеоматериалов в популярных видеохостингах, а также материалов уголовных дел были выявлены два механизма финансирования террори-

стической и экстремистской деятельности с использованием криптовалюты.

Реализация первого из них заключается в привлечении криптовалюты для целей финансирования экстремистской и террористической деятельности с использованием различных легальных интернет-сервисов: мессенджеров, социальных сетей, видеосервисов и т. д. Популярность данного механизма обусловлена простотой его реализации и возможностью привлечения большого количества лиц. Общий алгоритм действий (рис. 1) при этом включает в себя следующие этапы:

1. Регистрация криптокошелька (специализированная программа или устройство, с помощью которого осуществляется обмен и хранение виртуальной валюты). Для этого лицо устанавливает на мобильный телефон или персональный компьютер специальную программу, которая доступна в интернете. Далее необходимо пройти процедуру регистрации и выбора подходящей виртуальной валюты (например, Биткоин).

2. Создание канала, сообщества или группы в популярных сервисах сети «Интернет» (Telegram, YouTube, WhatsApp и т. д.). Процедура регистрации проходит быстро и не требует идентификации пользователя.

3. Размещение в социальных сетях, мессенджерах или видеосервисах публикаций с призывом о сборе средств, в которых указываются реквизиты криптокошелька, куда необходимо перечислить криптовалюту.

4. Перевод криптовалюты по указанным реквизитам. Существует два альтернативных способа осуществления перевода средств в террористические и экстремистские организации:

- при наличии у пользователя криптокошелька криптовалюта переводится по реквизитам без использования сторонних программ (данная операция схожа с обычными операциями, осуществляемыми в онлайн-банках);

- при отсутствии у пользователя криптокошелька денежные средства (рубли) обмениваются на виртуальную валюту. В настоящее время особой популярностью пользуются Telegram-боты², которые позволяют обменивать национальную валюту на виртуальную в короткие сроки.

В целях упрощения реализации данного этапа инициаторы сбора средств прилагают к публикациям подробную инструкцию, в которой указывают, как именно осуществить перевод криптовалюты.

5. Анонимизация осуществляемых транзакций с помощью специализированного Биткоин-миксера (сервис, который позволяет усложнить процесс отслеживания транзакции путем деления их на меньшие суммы или многократного перемещения между различными адресами). Данные действия могут выполнять как лица, которые осуществляют перевод криптовалюты в адрес организации, так и сам инициатор сбора в целях маскировки первоначального ис-

¹ Фиатные денежные средства – это купюры из бумаги с несколькими степенями защиты, которые выпускает государство для обращения внутри страны и за ее пределами.

² Например, Baksman_wallet_bot, Bitpara_Bot, Bot_60cek_bot.

точника получения средств. В целом пятый этап является факультативным.

6. Обмен криптовалюты в удобную денежную форму любым из двух способов: посредством криптообменников или путем использования криптовалютных

бирж. Криптообменники имеют простой интерфейс и поддерживают привычные платежные системы: банковские карты, Яндекс.Деньги, Киви, WebMoney и т. д. Криптовалютные биржи позволяют продавать/покупать криптовалюту и хранить ее на личном аккаунте.

Рис. 1. Механизм привлечения криптовалюты для целей финансирования экстремистской и террористической деятельности

Примером реализации данного механизма является сбор криптовалюты для нужд Фонда по борьбе с коррупцией, который на территории Российской Федерации признан экстремистской организацией¹. Для этого указанная организация использует сервисы «YouTube» и «Telegram».

Так, в процессе просмотра видеоконтента на сервисе «YouTube» появляется контекстная реклама с призывом к перечислению средств (криптовалюты) на нужды фонда (рис. 2). В описании к видео прикреплена инструкция о том, как купить криптовалюту в России и в какой валюте принимаются «пожертвования».

Рис. 2. Привлечения криптовалюты с использованием YouTube-канала

Для целей финансирования экстремистской и террористической деятельности активно используется сервис «Telegram». Так, участники экстремистской организации создают Telegram-каналы, где публикуют все необходимые реквизиты криптокошелька, указывают доступные криптовалюты, а также дают советы о том, как осуществить транзакции анонимно (рис. 3).

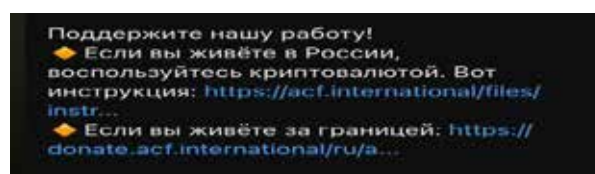

Рис. 3. Привлечение криптовалюты с использованием Telegram канала

Следующим механизмом финансирования экстремистской и террористической деятельности является сбор средств в криптовалюте под видом благотворительной деятельности в онлайн-формате. Этапы его реализации во многом схожи с теми, которые были описаны при рассмотрении первого механизма (рис. 4). Однако здесь следует выделить ряд особенностей. Во-первых, для сбора средств под видом благотворительности в онлайн-формате инициаторы используют сервисы с возможностью анонимизации организаторов данной деятельности. Например, политика использования мессенджера «Telegram» позволяет осуществлять регистрацию канала без использования

¹ Решением Московского городского суда от 9 июня 2021 г. Фонд борьбы с коррупцией (ФБК) и Фонд защиты прав граждан (ФЗПГ) ликвидированы, а деятельность общественного движения «Штабы Навального» запрещена.

SIM-карт, что позволяет владельцу Telegram-канала оставаться анонимным. Во-вторых, особенностью данного механизма является то, что при размещении публикации полностью подменяется цель организации сбора средств. В данном случае участник террористической или экстремистской организации инициирует сбор средств для целей благотворительной деятельности, вводя при этом в заблуждение осуществляющих переводы лиц.

Рис. 4. Механизм привлечения криптовалюты для целей финансирования экстремистской и террористической деятельности под видом благотворительной деятельности

Примером реализации данного механизма является сбор криптовалюты в Telegram-канале под видом благотворительности, организованный запрещенной на территории России террористической организацией «Аль-Каида». Объем полученных в результате такой схемы средств в криптовалюте составил 1 миллион долларов. Меньшую сумму, 100 тысяч долларов, по аналогичной схеме собрала бригада Аль-Кассам, военное крыло ХАМАС [2].

Таким образом, финансирование экстремистской и террористической деятельности с использованием криптовалюты является популярным и востребованным способом, позволяющим организовывать сборы средств как в стране, так и за ее пределами. Реализация данных механизмов включает в себя шесть этапов: регистрация криптокошелька членом экстремистской или террористической организации; создание канала или сообщества в популярных социальных сетях и мессенджерах; публикация призыва о сборе средств для целей экстремистской и террористической организации; факультативный этап – придание анонимности транзакции; обмен полученной криптовалютой на фиатные деньги и покупка необходимых материальных ресурсов. Особенности финансирования экс-

тремистской и террористической деятельности под видом организации благотворительной деятельности заключаются в использовании мессенджеров с возможностью анонимизации пользователя. Также при реализации данного механизма полностью подменяется цель сбора средств.

Информация о механизмах финансирования экстремистской и террористической деятельности с использованием криптовалюты может быть положена в основу предупредительной деятельности в данной сфере.

Библиографический список

1. Сидоренко Э. Л. Криминологические риски криптовалюты: основные тенденции и прогнозы // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 3 (113). С. 29–34.
2. Официальный сайт СУ СК по Астраханской области. URL: <https://astr.sledcom.ru/news/item/1736854/>

References

1. Sidorenko E. L. Criminological risks of cryptocurrencies: main trends and forecasts // Public service. 2018. Vol. 20. No. 3 (113). Pp. 29–34.
2. The official website of the SU IC for the Astrakhan region. URL: <https://astr.sledcom.ru/news/item/1736854/>

Статья поступила в редакцию 27.11.2023; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 27.11.2023; approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 15.03.2024

Научная статья
УДК 343.8

Особенности виктимологического предупреждения киберхищений на групповом и индивидуальном уровнях

Старостенко Олег Александрович
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, olegstaros94@gmail.com

Аннотация. В статье изложены особенности группового и индивидуального предупреждения киберхищений. Обоснована необходимость использования трудовых и служебных коллективов, коллективов студентов, пенсионеров, школьников, их родителей, коллективов по месту жительства граждан в аудиторном и дистанционном формате в целях осуществления групповой профилактики киберхищений. Определены объекты индивидуального предупредительного воздействия, предложены технические меры, направленные на предотвращение киберхищений на индивидуальном уровне.

Ключевые слова: жертва, интернет, хищения, профилактика, цифровизация, предупреждение

Для цитирования: Старостенко О. А. Особенности виктимологического предупреждения киберхищений на групповом и индивидуальном уровнях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 125–128.

Original article

Features of victimological prevention of cyber theft at the group and individual levels

Starostenko Oleg A.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, olegstaros94@gmail.com

Abstract. The article describes the features of group and individual prevention of cyber attacks. The necessity of using labor and service collectives, collectives of students, pensioners, schoolchildren, their parents, collectives at the place of residence of citizens in classroom and remote format in order to carry out group prevention of cyber theft is substantiated. The objects of individual preventive action have been identified, and technical measures aimed at preventing cyber attacks at the individual level have been proposed.

Keywords: victim, Internet, theft, prevention, digitalization, prevention

For citation: Starostenko O. A. Features of victimological prevention of cyber theft at the group and individual levels // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 125–128.

В настоящее время в нашу жизнь активно входят и продолжают развиваться компьютерные технологии, процессы цифровизации, электронный документооборот. Согласно глобальному статистическому отчету более 2/3 населения планеты используют мобильные телефоны, глобальную сеть «Интернет» [1]. Вместе с тем устойчивую тенденцию к росту имеет и криминальная ситуация в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Статистические данные МВД России о состоянии преступности за 2023 г. свидетельствуют о том, что с использованием информационно-телекоммуникационных технологий совершается каждое третье преступление. В этой сфере зарегистрировано на 30,7 % преступлений больше, чем 2022 г. Наиболее рас-

пространенными преступлениями, совершаемыми в киберпространстве, по-прежнему являются хищения: кражи с банковского счета, дистанционные мошенничества, а также указанные преступления, совершенные наряду с неправомерным доступом к компьютерной информации [2].

Выступая на расширенной коллегии МВД России, В. В. Путин признал наличие проблем с раскрываемостью киберпреступлений. Он отметил, что кибертехнологии развиваются стремительно, возникают новые риски и угрозы, которые правоохранительные органы должны своевременно предупреждать, не по-

зволяя преступникам паразитировать на технологическом прогрессе [3].

В ранее проведенных исследованиях мы обращались к анализу предупреждения киберхищений на массовом уровне и подробно его освещали [4, с. 190–193]. В рамках данной статьи обратимся к групповому уровню виктимологического предупреждения киберхищений.

Субъекты рассматриваемого вида предупредительного воздействия могут действовать в отношении обособленных коллективов. Речь идет о виктимологической профилактике киберхищений в ограниченных по составу социальных группах, члены которых объединены общей социальной деятельностью, находятся в процессе непосредственного личного общения, достаточно хорошо знают друг друга и постоянно взаимодействуют между собой.

Для целей виктимологического предупреждения киберхищений среди таких групп можно выделить трудовые и служебные коллективы, коллективы студентов, пенсионеров, школьников (старшеклассников), их родителей, коллективы по месту жительства граждан.

В отличие от использования средств массовых коммуникаций работа с данными коллективами имеет ряд преимуществ, в частности, оказывается значительно более акцентированной и целевой, в ней присутствует необходимая обратная связь с аудиторией, и одним мероприятием здесь можно охватить до нескольких десятков человек [5, с. 90]. К минусам данного уровня виктимологического предупреждения киберхищений следует отнести значительные временные и организационные затраты для проведения мероприятий и необходимость подготовки специалистов.

Субъектами соответствующей работы в органах внутренних дел могут являться сотрудники, которые в ходе своей профессиональной деятельности взаимодействуют с коллективами и группами граждан. Так, участковые уполномоченные полиции могут проводить профилактические мероприятия по месту жительства граждан, в ходе отчетов перед населением административного участка; сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних соответствующую работу могут осуществлять с учащимися старших классов общеобразовательных школ, их родителями; сотрудники подразделений уголовного розыска, специализирующиеся на раскрытии преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, способны действовать в широком кругу трудовых и служебных коллективов, коллективов пенсионеров. В этой работе также могут принять участие сотрудники следственных подразделений, специализирующиеся на расследовании соответствующих преступлений.

К указанной деятельности может быть привлечена и общественность, в том числе представители некоммерческих организаций и общественных объединений правоохранительной направленности, что

подтверждают результаты специальных криминологических исследований [6, с. 137–177].

Проведение профилактической работы на групповом уровне требует наличия необходимой методической базы в виде готовых планов и сценариев соответствующих мероприятий. Теоретические основы проведения такой работы на сегодняшний день представлены в криминологической литературе.

Вместе с тем в органах внутренних дел не сформирована необходимая методологическая база для проведения групповой работы. Результаты изучения виктимологической практики показывают, что зачастую такие мероприятия проводятся спонтанно, без предварительной подготовки и с использованием простейших форм работы с аудиторией. В связи с этим требуется создание единой базы методических материалов, необходимых для проведения групповой работы, чтобы сотрудники территориальных подразделений могли бы проводить мероприятия различного рода на основе уже имеющихся разработок в виде примерных планов и сценариев. В работе по созданию необходимой методической базы могли бы принять участие научные коллективы ВНИИ МВД России и ведомственных образовательных организаций.

Формы работы с коллективами граждан по профилактике киберхищений весьма разнообразны. Это могут быть лекции, беседы, игры (квесты, викторины), тренинги, мастер-классы, творческие конкурсы, демонстрация и обсуждение видеоматериалов, уроки безопасности, использование общественных ресурсов, разработка проектов, акции, флешмобы, брифинги, вебинары и пр. Использование той или иной формы зависит от характеристик целевой аудитории, тематики мероприятия и возможностей субъектов профилактики.

Работа с группами может проводиться как в традиционном аудиторном формате, так и дистанционно. Последняя форма позволяет охватить значительное число представителей целевой аудитории и уменьшить временные и организационные затраты на проведение соответствующих мероприятий. Такую работу сегодня проводят представители общественности [7]. Вместе с тем органы внутренних дел в ней в настоящее время не участвуют, что является существенным пробелом.

Проведенные нами опросы специалистов показали, что групповая работа используется крайне редко в предупреждении киберхищений. Из числа опрошенных сотрудников такую работу проводили не более 8 %, при этом соответствующие мероприятия носили разовый и ситуативный характер [8, с. 170–195]. Соответственно, имеется значительный резерв для ведения предупредительной деятельности.

Следует указать и на необходимость подготовки сотрудников органов внутренних дел к проведению данной работы. К сожалению, далеко не каждый специалист способен без предварительного обучения эффективно провести групповое мероприятие. Здесь необходимы занятия с сотрудниками полиции в рам-

как как профессиональной служебной подготовки, так и повышения квалификации. Опыт такой работы на сегодняшний день представлен только в Краснодарском университете МВД России [9, с. 13–19].

Таким образом, на групповом уровне реализуются профилактические мероприятия в отношении отдельных социальных групп граждан (трудовые и учебные коллективы, коллективы по месту жительства граждан) в аудиторном и дистанционном форматах на основе разработанных сценариев проведения виктимологических мероприятий.

Наиболее эффективной формой виктимологического предупреждения киберхищений является индивидуальная работа, собственно, она и образует третий уровень представленной системы. Помимо высокой эффективности, эта работа требует значительных временных затрат со стороны субъектов профилактики, потому должна быть ориентирована только на лиц с наибольшим уровнем виктимности, а также лиц, в отношении которых неэффективна работа на массовом и групповом уровнях.

В. И. Полубинский понимает под индивидуальной работой деятельность субъектов предупреждения преступлений, направленную на снижение у отдельных лиц риска стать жертвой преступления [10, с. 160–193]. А. Л. Ситковский считает, что «индивидуальная профилактическая работа с жертвой представляет собой деятельность социальных институтов, в основе которой лежат выявление, устранение и нейтрализация факторов и обстоятельств, формирующих виктимное поведение лиц, а также обуславливающих совершение преступлений; выявление конкретных лиц с повышенной степенью уязвимости с целью восстановления их защитных свойств» [11, с. 42–66].

Первым этапом этой работы является определение целевой аудитории. В качестве объектов предупредительной деятельности здесь могут выступать различные категории лиц. Остановимся на некоторых из них.

1. Лица пожилого и преклонного возраста. Эффективной в отношении данной категории будет исключительно индивидуальная работа по профилактике киберхищений. Основная нагрузка по ее проведению ложится на участковых уполномоченных полиции. На сегодняшний день сотрудниками полиции такая работа проводится. Нельзя сказать о полном охвате всей целевой аудитории, но расширить круг лиц можно за счет привлечения к профилактической работе общественности и волонтеров. Это направление предупредительной виктимологической практики требует особого развития, формирования специализированных молодежных общественных объединений правоохранительной направленности.

При взаимодействии с банковскими организациями работу с данными категориями лиц можно проводить при оформлении ими банковских карт, платежных приложений. С этой целью для проведения обязательного инструктажа при использовании их клиентами новых платежных и финансовых инстру-

ментов к профилактической работе возможно привлечение сотрудников банков.

2. Лица, в отношении которых осуществляются преступные посяательства. Для выявления этой категории следует установить механизм взаимодействия с банковскими и иными кредитными организациями. Своевременно полученная от них информация о намерениях клиента осуществить сомнительные финансовые операции позволит не только непосредственно реализовать оперативные задачи, но в первую очередь, благодаря индивидуальной профилактике, предотвратить хищение денежных средств гражданина. Такую работу, на наш взгляд, должны проводить сотрудники подразделений уголовного розыска, специализирующиеся на раскрытии соответствующих преступлений.

3. Лица, которые стали жертвами киберхищений. С этими гражданами проводится работа по минимизации их повторной виктимизации. Здесь основная нагрузка по проведению индивидуальной работы ложится на сотрудников следственных подразделений, специализирующихся на расследовании соответствующих преступлений. Ее проведение способствует распространению жертвами киберхищений информации о мерах обеспечения имущественной безопасности в кругу своего общения.

4. Иные категории граждан. Проведение индивидуальной профилактической работы возможно и с иными лицами при наличии информации об их повышенной виктимности.

Для проведения индивидуальной виктимологической профилактики киберхищений следует рассмотреть возможность создания специализированной телефонной горячей линии и специализированных чатов в сети «Интернет». Для их функционирования возможно привлечение общественности, юридических клиник, созданных на базе образовательных организаций юридического профиля. Гражданин, который сомневается в надежности обеспечения собственной имущественной безопасности, безопасности предполагаемых транзакций или сделок, должен иметь возможность оперативно обратиться за консультацией на номер горячей линии или в соответствующий чат.

При соответствующей популяризации этой работы, ее освещении в средствах массовой информации можно обеспечить создание эффективного механизма индивидуального виктимологического предупреждения киберхищений.

В качестве еще одной перспективной формы профилактики следует назвать осуществление ее субъектами автоматических индивидуальных смс-рассылок, рассылок на электронную почту, в чаты социальных сетей информации и предостережений о совершении действий, создающих угрозу имущественной безопасности. Пример организации такой работы реализован классифайдом «Авито», когда при совершении клиентом операций, которые могут угрожать его имущественной безопасности, он получает автоматическое предостережение о возможности совершения

в отношении него противоправных действий и о правилах обеспечения этой безопасности. Данную практику следует широко использовать и в иных областях, что позволит существенно модернизировать систему виктимологической профилактики киберхищений.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что виктимологическое предупреждение дистанционных хищений строится на массовом, групповом и индивидуальном уровнях с использованием информационно-телекоммуникационных технологий с учетом характеристики типичных жертв дистанционных хищений.

Библиографический список

1. Официальный сайт DIGITAL 2023: Глобальный обзорный отчет. URL: <https://datareportal.com>.
2. Официальный сайт МВД РФ. Статистические сведения о состоянии преступности за 2023 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/42987324>.
3. Официальный сайт РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220217/putin-1773315537.html>.
4. Старостенко О. А. Алгоритм осуществления виктимологической профилактики дистанционных хищений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 190–193.
5. Грибанов Е. В. [и др.] Деятельность органов внутренних дел по правовому воспитанию и просвещению населения: учебное пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. 152 с.
6. Хомутов М. В. Предупреждение преступлений социально ориентированными некоммерческими организациями: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 233 с.
7. Школа безопасности Сергея Киселева. URL: https://taplink.cc/safety__school?fbclid=PAAabQ-QcTik_2Ser n3DcyOuOrenqFmHFzP60yS-sKMIwiZOyYmJ9X39A-fDM
8. Старостенко О. А. Виктимологическое предупреждение хищений, совершаемых дистанционно: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 232 с.
9. Симоненко А. В., Грибанов Е. В. Криминологическая концепция и образовательная модель формирования профессиональных компетенций сотрудников полиции по правовому воспитанию и просвещению населения // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 13–19.
10. Полубинский В. И. Фундаментальные и прикладные начала криминальной виктимологии. М.: ВНИИ МВД России, 2010. 227 с.
11. Ситковский А. Л. Виктимологическая характеристика и профилактика корыстных преступлений против собственности граждан / под общ. ред. В. И. Полубинского; МВД РФ, ВНИИ. М., 1998. 107 с.

References

11. Official website of DIGITAL 2023: Global Overview Report. URL: <https://datareportal.com>.
2. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Crime statistics for 2023. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/42987324>.

3. Official website of RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20220217/putin-1773315537.html>.

4. Starostenko O. A. Algorithm for the implementation of victimological prevention of remote thefts // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. No. 4. pp. 190–193.

5. Gribanov E.V. [et al.] Activities of internal affairs bodies in legal education and enlightenment of the population: textbook. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 152 p.

6. Khomutov M.V. Prevention of crimes by socially oriented non-profit organizations: dis. ...cand. legal Sci. Krasnodar, 2021. 233 p.

7. Sergei Kiselev Safety School. URL: https://taplink.cc/safety__school?fbclid=PAAabQ-QcTik_2Ser n3DcyOuOrenqFmHFzP60yS-sKMIwiZOyYmJ9X39A-fDM

8. Starostenko O. A. Victimological prevention of thefts committed remotely: dis. ...cand. legal Sci. Krasnodar, 2023. 232 p.

9. Simonenko A.V., Gribanov E.V. Criminological concept and educational model for the formation of professional competencies of police officers in legal education and education of the population // Society and Law. 2021. No. 2 (76). pp. 13–19.

10. Polubinsky V.I. Fundamental and applied principles of criminal victimology. M.: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 227 p.

11. Sitkovsky A. L. Victimological characteristics and prevention of selfish crimes against the property of citizens / ed. ed. V. I. Polubinsky; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, All-Russian Scientific Research Institute. M., 1998. 107 p.

Информация об авторе

Старостенко Олег Александрович – кандидат юридических наук

Information about the author

Starostenko Oleg A. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 25.12.2023; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 15.03.2024

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 343.3/7.

Объект преступления, предусмотренного статьей 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: рассмотрение через призму вертикальной классификации

Василькова Екатерина Викторовна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, kempf_e_v@mail.ru

Аннотация. В исследовании автор обращается к проблеме изучения объекта преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, поскольку в настоящее время актуальным становится совершенствование уголовно-правовых механизмов борьбы с нелегальным оттоком капитала из государства. Рассмотрение производится посредством вертикальной классификации: последовательно освещаются общий, родовый, видовой и непосредственный объекты рассматриваемого преступления. Помимо этого, в целях оптимизации работы и временных затрат правоприменителя, а также для устранения правового пробела в действующем законодательстве предлагается закрепить легальное определение понятия «экономическая деятельность».

Ключевые слова: объект преступления, совершение валютных операций, перевод денежных средств, отток капитала, подложные документы, ст. 193.1 УК РФ

Для цитирования: Василькова Е. В. Объект преступления, предусмотренного статьей 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: рассмотрение через призму вертикальной классификации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 129–135.

Original article

The object of the crime stipulated in article 193.1 of the Criminal code of the Russian Federation: consideration through the prism of vertical classification

Vasilkova Ekaterina V.

Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia, kempf_e_v@mail.ru

Abstract. The author addresses the problem of studying the object of the crime provided for in Article 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, since at present, more than ever, the improvement of criminal law mechanisms for combating illegal capital flight from the state is becoming relevant. Consideration is carried out using vertical classification: the general, generic, specific and direct objects of the crime under consideration are consistently highlighted. In addition, in order to optimize the work and time spent by the law enforcement officers, as well as to eliminate the legal gap in the current legislation, it is proposed to consolidate the legal definition of the concept of «economic activity».

Keywords: object of crime, currency transactions, money transfer, capital flight, forged documents, Article 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Vasilkova E. V. The object of the crime stipulated in article 193.1 of the Criminal code of the Russian Federation: consideration through the prism of vertical classification // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 129–135.

Совершенствование теоретических основ уголовного законодательства является неизменной составляющей обеспечения надлежащего уровня правовой защиты общественных отношений. При этом значительную роль при проведении исследований в рассматриваемой области играет определение объекта уголовно-правовой охраны, что необходимо как для выделения круга взаимодействий, действительно нуждающихся в ней в силу своей особой значимости, так и для экономии мер уголовно-правовой репрессии в контексте определения преступности тех или иных деяний.

В настоящее время для Российской Федерации как никогда актуальной становится борьба с нелегальным оттоком капитала из государства. Это связано как с политической ситуацией на мировой арене, так и с необходимостью соблюдения экономических интересов нашей страны с учетом скалывающейся рыночной конъюнктуры. Одним из способов защиты капитала от утечки является как раз уголовно-правовой механизм, в частности, применение «в полную силу» положений ст. 193.1 УК РФ «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов».

Однако необходимо учитывать, что для определения конкретного поведения субъекта как преступного, следует иметь предельно четкое представление об объекте соответствующего посягательства. Сейчас наука уголовного права располагает рядом мнений относительно того, что конкретно определить как объект преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ. Это в свою очередь не облегчает правоприменителю задачу и не способствует более быстрому и корректному соотнесению конкретного поступка с запретом, закрепленным законодателем в рассматриваемой норме.

В этой связи нам представляется необходимым все же сформировать емкое, отражающее все уровни объекта определение, которое позволило бы правоохранителю с минимальными временными затратами идентифицировать общественно опасное деяние как преступное.

Для более полного и точного исследования необходимо избрать, что именно нами будет считаться объектом преступления в целом. Ряд авторов, к примеру, А. В. Наумов, Г. П. Новоселов, определяли объект преступления как блага и (или) интересы людей, выступающих индивидуально или в качестве социальной группы [1, с. 149; 2, с. 60]. В. Н. Винокуров в качестве объекта выделяет общественные отношения на двух уровнях – обобщенном и индивидуальном (первым является общность «типизированных устойчивых социальных связей между субъектами отношений, проявляющихся в статическом и динамическом

аспектах»; вторым – «единичные индивидуализированные социальные связи между субъектами») [3, с. 17].

Разделяя позицию последнего и дополнительно утверждая, что те или иные блага обретают осознаваемую конкретным субъектом ценность именно в рамках социальных взаимодействий (то есть вне такого взаимодействия нельзя определить какое-либо явление как значимое или не значимое), в рассматриваемой работе мы будем исходить из определения понятия «объект», наиболее распространенного в современной уголовно-правовой науке: представим его (в общем виде) как совокупность общественных отношений, затрагивающих строго очерченную область социального взаимодействия.

Имеющиеся на настоящий момент работы в области исследования сущности объекта преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, демонстрируют смещение фокуса научного интереса в сторону изучения именно непосредственного объекта. В свою очередь, более полные варианты таксономии данного явления редко находят отражение в изысканиях правоведов [4; 5; 6]. В связи с тем, что глубокое понимание объекта конкретного преступления невозможно вне его связи с более общими категориями, в рамках данной работы мы постараемся представить свое видение пути нивелирования указанного пробела.

В качестве ключевого вектора исследования мы избрали объект преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, причем его разбор будет осуществлен при помощи вертикальной (подчиненной) градации, позволяющей наиболее полно уяснить связи общественных отношений, охраняемых в рамках рассматриваемой нормы, с более крупными множествами, формирующими, в конечном счете, всю совокупность защищаемых уголовно-правовыми средствами взаимодействий в социуме.

Общим объектом преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, по аналогии с любым другим преступным деянием следует считать систему общественных отношений, охраняемых от посягательств уголовно-правовыми средствами [7, с. 23], что находит свое отражение в ч. 1 ст. 2 УК РФ.

Следующий уровень градации – родовой объект. Согласно анализу трудов ученых-правоведов, в роли такового для состава преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, могут выступать «экономические отношения, обеспечивающие материальное благосостояние личности, общества и государства» [8].

Также исследователи (например, С. Л. Нудель) в качестве родового объекта определяют «экономику», однако несколько расширяют определение путем указания на нее как на форму организации отношений, отражающую производство, распределение, обмен и потребление ценных или ограниченных ресурсов (материальных и нематериальных), в том числе в

виде товаров и услуг [9, с. 128].

Мы также полагаем, что нет необходимости на данном уровне при классификации объекта чрезмерно распространять его определение и помимо указания на общности отношений (к примеру, в сфере экономики) приводить перечисления более узконаправленных систем (банковской, налоговой, финансовой и др.). Считаем, что наиболее точным на текущей ступени разделения будет являться указание на родовой объект как на общественные отношения именно в сфере экономики – сектора жизни социума, определяющего правила ведения хозяйственной жизни и представленного в виде соответствующих процессов.

Обращаясь к наполнению данного понятия, отметим следующее: в общем виде экономику можно определить как «совокупность производственных отношений, соответствующих данной ступени развития производительных сил общества, господствующий способ производства в обществе, <...> организацию, структуру и состояние хозяйственной жизни или какой-либо отрасли хозяйственной деятельности» [10].

Одними из неотъемлемых атрибутов деятельности хозяйствующих субъектов являются различного свойства взаиморасчетов, проявляющиеся, в том числе, в виде совершаемых операций по переводу денежных средств. В этой связи нам видится совершенно закономерным включение законодателем преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, именно в раздел VIII кодекса, объединяющий множество преступлений в сфере экономики. Однако при этом следует уточнить, что, на наш взгляд, более нагруженное и уточненное определение исказило бы отражение рассматриваемого уровня классификации объекта преступления в сторону необоснованного сужения и негативно сказалось бы на получении адекватного реальности представления о нем.

Следующей ступенью градации, подлежащей рассмотрению в настоящей работе, является определение видового объекта преступления (демонстрируемого законодателем в виде деления на главы УК РФ). Так, в настоящее время преступление, предусмотренное ст. 193.1 УК РФ, располагается в гл. 22 («Преступления в сфере экономической деятельности»).

Уясняя суть понятия «экономической деятельности» в том виде, в котором оно представлено законодателем в официальном источнике уголовного права России, следует отметить, что, как минимум, оно представляется элементом экономики в целом, одной из составляющих ее частей наряду с отношениями собственности и интересами службы в коммерческих и иных организациях, охраняемыми соответствующими нормами УК РФ, включенными в раздел «Преступления в сфере экономики».

Примечательно, что несмотря на то, что экономическая деятельность как термин встречается в колоссальном количестве нормативных правовых актов, официальное толкование ей не дано. Единственное сколько-нибудь расширенное нормативное определение гласит, что «экономическая деятельность имеет место тогда, когда для производства конкретных

товаров и услуг происходит объединение таких ресурсов, как материальные средства, труд, технологии производства или промежуточные товары. Таким образом, для экономической деятельности характерно задействование ресурсов, производственный процесс и выпуск продукции (товаров или услуг)», с оговоркой о том, что «определение приведено в целях настоящих Методических указаний»¹.

Также отсутствует конкретизация понятия экономической деятельности и в актах официального судебного толкования, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». Приходится заключить, что в настоящее время процесс определения фактического содержания понятия «экономическая деятельность» во многом производится непосредственно правоприменителем при оценке конкретной правовой ситуации и основывается на разрозненных, встречающихся в разных изданиях определениях. Подобное положение нельзя назвать приемлемым с точки зрения юридической техники и экономии трудозатрат.

В настоящее время существуют различные позиции относительно того, что именно понимать под экономической деятельностью. Например, в качестве таковой определяется инициативная деятельность человека в сфере экономики, представляющая модель прикосновенности к процессу производства с получением соответствующего дохода [11, с. 16].

Кроме того, ее сущность рассматривают как подчиненную воле и сознанию, направленную на достижение определенных целей (удовлетворение тех или иных материальных и духовных потребностей) деятельность, наполнение которой подразумевает тесную корреляцию с производством, распределением, обменом и потреблением, а промежуточным ее результатом выступает создание (изменение) объектов прав [12].

Помимо этого, экономической деятельностью называют проводимый на этапах производства, распределения, обмена и потребления процесс продуктивной и непрерывной дистрибуции благ (как материального, так и нематериального характера) [13, с. 68].

Также отдельные исследователи (к примеру, И. В. Ершова) предлагают понимать под экономической деятельностью усилия по воспроизводству, стадийно разделенные на производство, распределение, обмен и потребление [14, с. 78–79]. По форме они могут быть активными и пассивными (то есть предполага-

¹ Приказ Росстата от 31 декабря 2014 г. № 742 «О Методических указаниях по определению основного вида экономической деятельности хозяйствующих субъектов на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) для формирования сводной официальной статистической информации». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2023).

ющими создание, реализацию блага либо, соответственно, распоряжение им без фактической потери контроля с целью получения прибыли) [15, с. 50].

Мы полагаем, что последняя позиция наиболее лаконично отражает суть экономической деятельности, хотя при этом отмечаем, что и приведенные выше мнения не противоречат друг другу, а, скорее, взаимодополняют рассматриваемое понятие существенными характеристиками, в большей или меньшей степени полно отраженными. Поскольку термин «экономическая деятельность» очень часто используется законодателем при формулировании положений различных нормативных правовых актов, в том числе, уголовного закона нашей страны, мы настаиваем на необходимости формального закрепления дефиниции указанного вида деятельности с целью оптимизации работы и временных затрат правоприменителя и устранения рассматриваемого правового пробела. Так, в качестве легального предлагаем закрепить следующее определение: «Экономическая деятельность – активная или пассивная воспроизводственная деятельность субъекта, протекающая через стадии производства (получения), распределения, обмена и (или) потребления благ». Данную дефиницию предлагаем привести в качестве примечания к ст. 169 УК РФ, открывающей главу, посвященную преступлениям в сфере экономической деятельности.

Отдельно следует отметить, что указанное определение органично соотносится с диспозицией ст. 193.1 УК РФ, поскольку процесс перевода денежных средств очень точно иллюстрирует как раз деятельность в рамках стадий распределения и обмена благами (денежными средствами), производящуюся, в свою очередь, в экономическом секторе общественного бытия, что подводит к выводу о том, что исследование вертикальной классификации объектов ведется в правильном направлении.

Теперь необходимо обратиться к описанию общественных отношений, наиболее лаконично отражающих сущность подвергающихся посягательству взаимодействий, то есть приступить к освещению непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ. Существует несколько позиций, предлагающих формулировку указанной дефиниции.

Согласно мнению, изложенному О. В. Пантюшовым, в качестве таковой следует рассматривать нормативно закрепленный для резидентов Российской Федерации порядок исполнения обязанностей в рамках совершения трансграничных операций с валютой [16, с. 78]. Практически идентичное описание объекта исследуемого преступления дается и Д. М. Белоусовым [17].

Помимо этого, непосредственный объект рассматриваемого преступления представляется учеными в виде:

а) порядка совершения валютных операций по переводу на счета нерезидентов денежных средств, установленного в сфере валютного регулирования и валютного контроля нашего государства [18];

б) общественных отношений, обеспечивающих надлежащий, установленный валютным законодательством и исключающий совершение мнимых и притворных сделок порядок трансграничного перевода денежных средств [19, с. 12].

Также в отдельных трудах приводится позиция, согласно которой объектом будут выступать «общественные отношения в области финансовой деятельности государства, которые возникают в сфере валютного регулирования и валютного контроля» [20, с. 148–149].

О. О. Кубанцевой непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, определяется как общественные отношения, возникшие в связи с реализацией валютного контроля в области денежно-кредитной политики при производстве валютных операций [21, с. 52].

Согласно мнению Ю. А. Бессоновой, объектом данного преступления являются общественные отношения, устанавливающие обязательность надлежащего, нормативно закрепленного алгоритма совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации [22, с. 90]. А. Ф. Волобуевым данное определение дополняется следующим образом: непосредственным объектом в рассматриваемом составе преступления надлежит считать «общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением реализации обязанностей резидентов и нерезидентов, возникающих в процессе осуществления ими на территории РФ валютных операций по переводу денежных средств в адрес нерезидентов» [5, с. 70].

При тщательном изучении вышеупомянутых подходов можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, определенные точки зрения являются несколько спорными ввиду чрезмерной широты определений, сосредотачивающихся на таких объемных понятиях, как валютное регулирование и валютный контроль. Хотя анализируемое правонарушение действительно затрагивает эту область, посягает оно на относительно узкий ее сектор, что предопределяет невозможность рассмотрения данных категорий как относящихся к непосредственному объекту преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ. На наш взгляд, если бы была принята более подробная классификация, общественные отношения в сфере валютного регулирования и валютного контроля, скорее всего, относились бы к таксону, предшествующему непосредственному объекту.

Во-вторых, важно отметить ценное дополнение, сделанное А. И. Аксеновой, которая в своей вариации определения усовершенствовала формулировку непосредственного объекта словосочетанием «порядок, исключающий совершение мнимых и притворных сделок». Это дополнение точно отражает связь с нарушением надлежащего порядка создания документов и обращения с ними, происходящим из объективной стороны рассматриваемого преступления, предполагающей совершение действий, связанных с подлогом документов.

В-третьих, генерируя собственные определения непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, многие авторы так или иначе сужают его до общественных отношений, устанавливающих надлежащий порядок перевода денежных средств на счета нерезидентов. Хотя эта формулировка достаточно хорошо согласуется с текущей версией ст. 193.1 УК РФ, крайне важно отметить нашу позицию по данному поводу. Мы подчеркиваем необходимость видоизменения словосочетания «совершение валютных операций по переводу <...> на счета одного или нескольких нерезидентов», используемого в диспозиции нормы, на «совершение валютных операций по переводу <...> на счета, находящиеся в кредитных и иных организациях за пределами Российской Федерации», поскольку полагаем, что нелегальный вывод средств, независимо от того, направляются ли они на счета нерезидентов или резидентов, в равной степени наносит ущерб экономике страны.

Следовательно, наиболее приемлемой для непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, с учетом предлагаемых нами изменений необходимо считать следующую формулировку: «общественные отношения, устанавливающие надлежащий, исключающий совершение мнимых и притворных сделок порядок перевода денежных средств на счета, находящиеся в кредитных и иных организациях за пределами Российской Федерации».

Таким образом, в данном исследовании мы подробно рассмотрели объект преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ, путем его анализа в рамках вертикальной классификации.

Общим объектом для рассматриваемого преступления следует назвать систему общественных отношений, охраняемых от посягательств уголовно-правовыми средствами, отраженную в ч. 1 ст. 2 УК РФ.

Родовым объектом мы предлагаем считать именно общественные отношения в сфере экономики (сектора жизни социума, определяющего правила ведения хозяйственной жизни) без чрезмерного расширения данного уровня классификации.

Видовой объект следует раскрыть как общественные отношения в области нормального осуществления экономической деятельности.

В качестве непосредственного же объекта мы считаем целесообразным рассматривать общественные отношения, устанавливающие надлежащий, исключающий совершение мнимых и притворных сделок порядок перевода денежных средств на счета, находящиеся в кредитных и иных организациях за пределами Российской Федерации.

Кроме того, мы предлагаем в целях оптимизации работы и временных затрат правоприменителя, а также для устранения правового пробела в действующем законодательстве закрепить в качестве примечания к ст. 169 УК РФ определение экономической деятельности, изложив его в следующей редакции:

«Примечание. Под экономической деятельностью в статьях настоящей главы понимается активная или

пассивная воспроизводственная деятельность субъекта, протекающая через стадии производства (получения), распределения, обмена и (или) потребления благ».

Библиографический список

1. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1996. 560 с.
2. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. 208 с.
3. Винокуров В. Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. 368 с.
4. Аксенова А. И. Проблемы применения уголовного закона за нарушение валютного законодательства Российской Федерации как меры противодействия незаконному оттоку капитала (ст. 193 УК РФ и ст. 193.1 УК РФ) // Научно-практические исследования. 2020. № 5-3 (28). С. 11–16.
5. Волобуев А. Ф. Уголовно-правовая характеристика совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всерос. науч.-практ. конференции. СПб., 16–17 мая 2018 г. / под ред. А. Г. Хлебушкина, Т. Н. Тиминой. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 68–72.
6. Третьяк М. И., Иванов С. А. Преступления, предусмотренные п. «в» ч. 2 ст. 193 и 193.1 УК РФ: соотношение признаков состава преступления // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: материалы междунар. науч.-практ. конференции. 2015. С. 66–69.
7. Буркина О. А. Уголовное право (Общая и Особенная части): учебное пособие. Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART. Пермь: Пермский гос. гуманитарно-педагогический университет, 2021. 215 с. URL: <https://www.iprbookshop.ru/116378.html> (дата обращения: 04.09.2023).
8. Уголовное право России (Общая и Особенная части): учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект», 2021. // СПС «Гарант». URL: <https://demo.garant.ru/#/document/77251536> (дата обращения: 29.08.2023).
9. Нудель С. Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 429 с.
10. Толковый словарь Ожегова С. И. // Толковый словарь Ожегова С. И.: сайт. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36131> (дата обращения: 09.08.2023).
11. Предпринимательское (хозяйственное) право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. О. М. Олейник. М.: Юристъ, 1999. 727 с.
12. Долинская В. В. Экономическая деятельность и ее виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 3–15.
13. Ершов В. В., Ашмарина Е. М., Корнев В. Н. Эконо-

мическое право и экономическая теория // Государство и право. 2015. № 1. С. 57–70.

14. Современное предпринимательское право: монография / отв. ред.: И. В. Ершова. М.: Проспект, 2014. 352 с.

15. Ершова И. В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // Lex Russia. 2016. № 9 (118). С. 46–61.

16. Пантюшов О. В. Валютный состав преступления по ст. 193.1 УК РФ // Право и экономика. 2021. № 4 (398). С. 75–78.

17. Белоусов Д. М. Актуальные вопросы расследования незаконного вывода денежных средств за рубеж // Законность. 2015. № 3. С. 11–14.

18. Научно-практический комментарий к гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Юридическая фирма «Контракт». 2020 // СПС «Гарант». URL: <https://demo.garant.ru/#/document/77252988> (дата обращения: 20.08.2023).

19. Аксенова А. И. Проблемы применения уголовного закона за нарушение валютного законодательства Российской Федерации как меры противодействия незаконному оттоку капитала (ст. 193 УК РФ и ст. 193.1 УК РФ) // Научно-практические исследования. 2020. № 5-3 (28). С. 11–16.

20. Белоусова Е. А., Степанов Р. Г. Об объекте и предмете преступлений, предусмотренных ст. 193, 193.1 УК РФ // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1 (59). С. 148–152.

21. Кубанцева О. О. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 193.1 УК РФ // Уголовное право. 2019. № 6. С. 51–57.

22. Бессонова Ю. А. Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов как уголовно-правовая новелла // Закон и право. 2016. № 8. С. 89–92.

References

1. Naumov A. V. Russian criminal law. The general part. М., 1996. 560 p.

2. Novoselov G. P. The doctrine of the object of the crime. Methodological aspects. М., 2001. 208 p.

3. Vinokurov V. N. The object of the crime: doctrinal and applied research: monograph. 2th ed., revised and additional. М.: Prospect, 2022. 368 p.

4. Akseanova A. I. Problems of application of the criminal law for violation of the currency legislation of the Russian Federation as a measure to counteract illegal capital outflow (Article 193 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Scientific and practical research. 2020. No. 5-3 (28). Pp. 11–16.

5. Volobuev A. F. Criminal and legal characteristics of the commission of currency transactions for the transfer

of funds in foreign currency or the currency of the Russian Federation to the accounts of non-residents using forged documents // Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow: materials of the annual All-Russian scientific and practical conference. St. Petersburg, May 16–17, 2018 / ed. by A. G. Khlebushkin, T. N. Timina. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. Pp. 68–72.

6. Tretyak M. I., Ivanov S. A. Crimes provided for in paragraph «b» of Part 2 of Articles 193 and 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: the ratio of signs of the corpus delicti // In the collection: Actual problems of modern criminal law and criminology: materials of the international scientific and practical conference. 2015. Pp. 66–69.

7. Burkina O. A. Criminal law (General and Special parts): textbook. Text: electronic // Digital educational resource IPR SMART. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 2021. 215 p. URL: <https://www.iprbookshop.ru/116378.html> (date of access: 09/04/2023).

8. Criminal law of Russia. (General and Special parts): textbook / ed. by dr. jurid. sciences A. V. Brilliantova. 3th ed., reprint and add.). М.: «Prospect», 2021 // СПС «Гарант». URL: <https://demo.garant.ru/#/document/77251536> (date of access: 08/29/2023).

9. Nudel S. L. Criminal law protection of financial relations: dis. ... dr. jurid. sciences. М., 2015. 429 p.

10. Explanatory dictionary of Ozhegov S. I. // Explanatory dictionary of Ozhegov S. I.: website. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36131> (date of access: 08/09/2023).

11. Entrepreneurial (economic) law: textbook: in 2 vols. Vol. 1/ ed. by O. M. Oleinik. М.: Jurist, 1999. 727 p.

12. Dolinskaya V. V. Economic activity and its types // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 3. Pp. 3–15.

13. Ershov V. V., Ashmarina E. M., Kornev V. N. Economic Law and Economic theory // State and law. 2015. No. 1. Pp. 57–70.

14. Modern business law: monograph / ed. by I. V. Yerzhova. М.: Prospect, 2014. 352 p.

15. Yerzhova I. V. Economic activity: concept and relation with related categories // Lex Russia. 2016. No. 9 (118). Pp. 46–61.

16. Pantyushov O. V. Currency corpus delicti under Article 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and Economics. 2021. No. 4 (398). Pp. 75–78.

17. Belousov D. M. Actual issues of investigation of illegal withdrawal of funds abroad // Legality. 2015. No. 3. Pp. 11–14.

18. Scientific and practical commentary on Chapter 22 «Crimes in the sphere of economic activity» of the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 vol. Vol. 2 / ed. by I. I. Kucherov, O. A. Zaitsev, S. L. Nudel // Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. «Law firm Contract». 2020 // СПС «Гарант». URL: <https://demo.garant.ru/#/document/77252988> (date of access: 08/20/2023).

19. Aksenova A. I. Problems of application of the criminal law for violation of the currency legislation of the Russian Federation as a measure to counteract illegal capital outflow (Article 193 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Scientific and practical research. 2020. No. 5-3 (28). Pp. 11–16.

20. Belousova E. A., Stepanov R. G. On the object and subject of crimes under Article 193, 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Leningrad Law Journal. 2020. No. 1 (59). Pp. 148–152.

21. Kubantseva O. O. Problems of qualification of a crime under Article 193.1 of the Criminal Code // Criminal law. 2019. No. 6. Pp. 51–57.

22. Bessonova Yu. A. The commission of currency transactions for the transfer of funds in foreign currency or the currency of the Russian Federation to the accounts of non-residents using forged documents as a criminal law novella // Law and Law. 2016. No. 8. Pp. 89–92.

Статья поступила в редакцию 16.10.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 15.03.2024

Научная статья
УДК 343.2.7

К вопросу о пропаганде и рекламе незаконного оборота наркотиков

Воспякова Ольга Федоровна¹, Свиридов Дмитрий Александрович²

^{1,2} Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Могилев,
Республика Беларусь, upik@institutemvd.by

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с пропагандой и рекламой незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Так, авторы проводят анализ категорий «пропаганда» и «реклама», разграничивая данные понятия по различным критериям. Также проанализировано законодательство ряда стран постсоветского пространства и Европы на предмет наличия либо отсутствия уголовной ответственности за пропаганду или незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и их аналогов. Авторами предлагается введение в уголовный закон Республики Беларусь нормы, устанавливающей ответственность за рассматриваемые противоправные деяния.

Ключевые слова: наркотики, уголовный закон, пропаганда, реклама, уголовная ответственность, незаконный оборот

Для цитирования: Воспякова О. Ф., Свиридов Д. А. К вопросу о пропаганде и рекламе незаконного оборота наркотиков // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 136–139.

Original article

To the question of propaganda and advertising of illegal drug traffic

Vospyakova Olga F.¹, Sviridov Dmitry A.²

^{1,2} Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev,
Republic of Belarus, upik@institutemvd.by

Abstract. The article discusses issues related to the promotion and advertising of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. Thus, the authors analyze the categories «propaganda» and «advertising», distinguishing these concepts according to various criteria. The legislation of a number of post-Soviet countries and Europe was also analyzed for the presence or absence of criminal liability for propaganda or illegal advertising of narcotic drugs, psychotropic substances, precursors and their analogues. The authors propose the introduction of a norm into the criminal law of the Republic of Belarus establishing responsibility for the illegal acts in question.

Keywords: drugs, criminal law, propaganda, advertising, criminal liability

For citation: Vospyakova O. F., Sviridov D. A. To the question of propaganda and advertising of illegal drug traffic // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 136–139.

В современном мире наркомания поразила большинство стран. По самым скромным подсчетам специалистов до 4 % населения планеты потребляет наркотические средства и другие запрещенные вещества. Проблема является актуальной и для Республики Беларусь. Так, только во втором полугодии 2022 г. под медицинским наблюдением в связи с употреблением наркотиков находилось 13 тыс. человек, и эта цифра постоянно растет [1]. Следует учитывать и то обстоятельство, что наркозависимость имеет вы-

сокую латентность, поэтому приводимые данные относительны.

Часто потребление наркотиков, особенно в молодежной среде, связано со стремлением получить новые ощущения, испытать состояние эйфории, быть в «тренде». Во многом этому способствует информация, в той или иной форме пропагандирующая и рекламирующая наркотики и иные опасные психоактивные

вещества, которая встречается в средствах массовой информации, в кино- и видеопродуции, в глобальной сети «Интернет», в иных источниках. В обществе формируется «мода» на наркотики, которая составляет основу их распространения и ведет к росту числа их потребителей.

Это побуждает государственно-властные структуры активизировать деятельность, направленную на противодействие пропаганде и рекламе наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и их аналогов, в том числе с помощью уголовно-правовых средств.

28 декабря 2014 г. Президентом Республики Беларусь издан Декрет № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков», в рамках которого установлена норма об обязательном информировании органов внутренних дел владельцами интернет-ресурсов о любых попытках использования их в распространении материалов либо сообщений, связанных с незаконным оборотом наркотиков¹. Подобная информация может рассматриваться, в том числе, и как пропаганда.

Вместе с тем действующее законодательство Республики Беларусь не предусматривает ни административную, ни уголовную ответственность за пропаганду и незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ и иных запрещенных препаратов. В связи с этим представляется целесообразным изучить опыт правовой регламентации подобных преступных деяний другими государствами.

Обратимся к законодательству некоторых стран на постсоветском пространстве. Так, в январе 2020 г. Уголовный кодекс Республики Казахстан дополнен ст. 299-1, которая предусматривает ответственность за пропаганду или незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров или их аналогов. В качестве квалифицирующие признаков данного состава преступления в ч. 2 указанной статьи закреплены совершение преступных деяний неоднократно, группой лиц по предварительному сговору, на объектах массового скопления людей, в организациях образования, с использованием средств массовой информации или электронных информационных ресурсов, также с использованием служебного положения².

Законодательством Киргизии предусмотрена административная ответственность за призывы к потреблению наркотических и иных психоактивных веществ, а также их реклама. Отягчающими обстоятельствами в ст. 101 Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях указаны место совершения деяний (объекты массового скопления людей, образовательные учреждения) и использование средств

массовой информации либо электронных информационных ресурсов³.

В Таджикистане пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или их прекурсоров влечет только административную ответственность⁴.

В российском законодательстве пропаганда, незаконное рекламирование наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, наркосодержащих растений и других запрещенных средств рассматривается с позиции административного правонарушения в соответствии со ст. 6.13 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. В качестве отягчающего обстоятельства этой статьи предусматривается использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также в ч. 2 в качестве специального субъекта указан иностранный гражданин или лицо без гражданства.

Заслуживает внимания и примечание к вышеуказанной статье, в соответствии с которым не образует состав правонарушения распространение информации о разрешенных к применению в медицинских целях наркотических средствах и иных запрещенных веществах посредством ее размещения в специализированных изданиях, рассчитанных на специальный круг субъектов – работников медицины и фармакологии⁵.

Правительство Российской Федерации в марте 2023 г. инициировало введение уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в интернете. Уголовный кодекс Российской Федерации предлагается дополнить ст. 230.3, в соответствии с которой ответственность наступает в том случае, если ранее лицо уже привлекалось за аналогичное правонарушение [2].

В европейских странах противодействие пропаганде и незаконной рекламе наркотиков также проводится, в том числе и путем установления законодательных запретов. Так, в Нидерландах в 1991 г. введен запрет на рекламу гашиша и марихуаны в средствах массовой информации. Кодекс о здравоохранении Франции предусматривает наказание за подстрекательство к употреблению наркотиков посредством средств массовой информации, с использованием аудиовизуальных источников (наказание – до пяти лет лишения свободы). Лица, виновные в совершении таких действий, обязаны информировать население о вреде наркотиков. На Кипре законодательством в качестве одного из приоритетных направлений определено пресечение пропаганды и незаконной рекламы

³ Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg> (дата обращения: 12.04.2023).

⁴ Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях. URL: <http://NCZ.TJ> (дата обращения: 12.04.2023).

⁵ Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации. URL: <https://rulings.ru/koap> (дата обращения: 13.04.2023).

¹ Декрет Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков». ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь.

² Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: <https://continent-online.com> (дата обращения: 11.04.2023).

наркотических средств и психотропных веществ [3].

Таким образом, исходя из анализа зарубежного законодательства, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о криминализации пропаганды или незаконной рекламы наркотических и других психоактивных средств и веществ в Беларуси путем внесения дополнения в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ) соответствующей нормой – ст. 328-3 «Пропаганда или незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов» следующего содержания:

«1. Пропаганда и (или) незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов наказывается штрафом или арестом, или ограничением свободы на срок до двух лет.

2. Те же действия, совершенные:

1) лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные настоящей статьей, ст. 327, 328, 329 и 331 настоящего кодекса;

2) в отношении особо опасных наркотических средств и психотропных веществ;

3) с использованием глобальной компьютерной сети «Интернет»;

4) должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, – наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок.

Вместе с тем следует учитывать проблемы, которые могут возникнуть в правоприменительной практике ввиду отсутствия в действующем уголовном законодательстве разъяснения понятий «пропаганда» и «реклама», имеющих некоторые сходные характеристики. Так, под пропагандой в общем смысле этого слова понимается систематическое распространение информации для воздействия на массовое сознание с целью формирования определенных убеждений, взглядов и поведения людей, привлечение как можно большего числа сторонников определенного образа жизни. Пропаганда может быть политической, религиозной, социальной, культурной и т. д. Пропаганда наркотиков подразумевает расширение круга потребителей запрещенных веществ.

Реклама является формой коммерческой деятельности, которая направлена на продвижение товаров или услуг на рынке, в рассматриваемом случае ими выступают наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги.

Первое сходство между пропагандой и рекламой заключается в том, что обе эти формы предполагают воздействие на массовое сознание неопределенного круга лиц с помощью различных методов. Во-вторых, и пропаганда, и реклама в конечном итоге направлены на то, чтобы убедить людей в необходимости приобретения определенного продукта или получения услуги, то есть стремятся увеличить спрос.

В тоже время между этими понятиями существует и ряд различий. Прежде всего речь идет о целях, которые преследуют пропаганда и реклама. Так, под пропагандой понимается деятельность по распро-

странению взглядов, идей, учений направленных на формирование определенных эмоциональных состояний, установок и представлений [4, с. 255–261]. Основная цель пропаганды – формирование определенных убеждений и взглядов. Целью же рекламы является продвижение товаров и услуг.

В процессе пропаганды часто используются завуалированные способы манипуляции массовым сознанием. В частности, в пропаганде наркотиков информация об истинных последствиях их потребления может искажаться путем заманчивого описания состояния измененного сознания. В рекламе наркотиков дается конкретная характеристика того или иного вещества, его цена, место, способ приобретения и т. д., то есть она является более прямолинейной.

Основные критерии разграничения рассматриваемых понятий представлены в таблице:

	<i>Характеристики</i>	<i>Реклама</i>	<i>Пропаганда</i>
1	Цель	Реализация товаров и/или услуг	Склонение к определенному поведению и мировоззрению
2	Использование СМИ	Приобретение медийного пространства и эфирного времени	Освещение деятельности любыми способами
3	Объект	Товар и/или услуга	Взгляды, учения
4	Задачи	Информирование о событиях	Привлечение сторонников
5	Функции	Трансляция информации о товаре или услуге, агитация покупателей	Позитивная пропаганда – реализация воспитательной и информационной функций в обществе. Негативная пропаганда – создание иллюзорной реальности с искаженной системой убеждений и ценностей

На основании изложенного представляется целесообразным предусмотреть в проекте ст. 328-3 УК РБ примечание следующего содержания:

«1. Под пропагандой наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов признается распространение сведений о них независимо от способа и формы представления таких сведений, о способах изготовления и использования, о пользе использования наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, направленное на формирование у неопределенного круга лиц положительного отношения к незаконному обороту и (или) незаконному

потреблению наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

2. Под незаконной рекламой наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов признается распространение информации о местах и способах их приобретения, качестве, цене и иных свойствах, независимо от формы и места распространения и (или) размещения такой информации, предназначенной для неопределенного круга лиц и призванной способствовать незаконному обороту и (или) потреблению наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

3. Не признается преступлением распространение в специализированных изданиях, рассчитанных на медицинских и фармацевтических работников, сведений о разрешенных к применению в медицинских целях наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах».

Введение данной новеллы в законодательство Республики Беларусь направлено на реализацию положений ст. 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (далее – Конвенция), которую 28 июля 1990 г. ратифицировал Верховный Совет Белорусской ССР. Согласно этой статье участники Конвенции принимают меры, направленные на признание преступлениями ряда умышленных действий, связанных с незаконным оборотом вышеуказанных средств и веществ. В их числе указано публичное подстрекательство к незаконному использованию наркотических средств или психотропных веществ [3].

Видится необходимым дополнить Уголовный кодекс Республики Беларусь ст. 328-3 «Пропаганда или незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов» и примечанием к ней вышеуказанного содержания.

Библиографический список

1. В Беларуси под меднаблюдением находится 13 тыс. наркозависимых. URL: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-pod-mednabljudeniem-nahodjatsja-13-tys-narkozavisimyh-518269-2022/> (дата обращения: 11.04.2023).

2. Правительство внесло в Госдуму законопроект об уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в сети. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5902817> (дата обращения: 13.04.2023).

3. Анисифорова М. В. Европейское законодательство в области противодействия пропаганде и незаконной рекламе наркотиков // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 73–76.

4. Джефкинс Ф., Ядин Д. Паблик рилейшнз: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ ДАНА, 2003. 416 с.

nahodjatsja-13-tys-narkozavisimyh-518269-2022/ (access date: 04/11/2023).

2. The government has submitted to the State Duma a bill on criminal liability for promoting drugs online. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5902817> (access date: 04/13/2023).

3. Anisiforova M.V. European legislation in the field of combating propaganda and illegal drug advertising // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. pp. 73–76.

4. Jefkins F., Yadin D. Public relations: a textbook for universities. M.: UNITY DANA, 2003. 416 p.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors made an equivalent contribution to the publication. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 15.03.2024

References

1. In Belarus, there are 13 thousand drug addicts under medical supervision. URL: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-pod-mednabljudeniem->

Научная статья
УДК 343.4

Проблемы применения статьи 124.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

Глебова Екатерина Петровна
Барнаульский юридический институт МВД России, Россия, Барнаул, glebovaep@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем применения новеллы отечественного уголовного закона, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Целью работы явилось выявление указанных проблем и научное обоснование путей их решения. По результатам исследования сформулировано и обосновано правило квалификации содеянного для случаев, когда способ воспрепятствования оказанию медицинской помощи образует состав самостоятельного преступления. Обоснован выбор подлежащей применению нормы в ситуации, когда воспрепятствование оказанию медицинской помощи одновременно подпадает под признаки нескольких составов преступлений (ст. 124.1, 264 УК РФ). Аргументирована позиция о наличии в действиях законного представителя пациента, отказавшегося от медицинского вмешательства либо заявившего требование о его прекращении, в случае если это повлекло наступление тяжкого вреда здоровью либо смерть представляемого, признаков состава преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 124.1 УК РФ.

Ключевые слова: право на медицинскую помощь, уголовно-правовая охрана жизни и здоровья пациента, воспрепятствование оказанию медицинской помощи

Для цитирования: Глебова Е. П. Проблемы применения статьи 124.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 140–145.

Original article

Problems of application of Article 1241 of the Criminal Code of the Russian Federation

Glebova Ekaterina P.
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, glebovaep@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of the application of the novel of the domestic criminal law, which provides for liability for obstruction of medical care (article 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation)). The purpose of the work was to identify these problems and provide scientific justification for their solutions. According to the results of the study, the rule of qualification of the deed was formulated and justified for cases when the method of obstructing the provision of medical care forms the composition of an independent crime. The choice of the norm to be applied is justified in a situation where obstruction of medical care simultaneously falls under the signs of several elements of crimes (articles 124.1, 264 of the Criminal Code of the Russian Federation). The position of the presence in the actions of the legal representative of the patient, who refused medical intervention or stated a demand for its termination, in case this entailed the occurrence of serious harm to health or death is represented, is reasoned.

Keywords: the right to medical care, criminal protection of the life and health of the patient, obstruction of medical care

For citation: Glebova E. P. Problems of application of Article 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 140–145.

Введение

Приоритетным направлением отечественной уголовной политики остается охрана жизни и здоровья личности. В целях продолжения реализации указанного направления Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников»¹ УК РФ дополнен ст. 124.1, предусматривающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи, соответствующие изменения вступили в законную силу 6 августа 2019 г.

Научное знание в области уголовной ответственности за воспрепятствование оказанию медицинской помощи является неполным без разрешения проблемных вопросов, связанных с применением указанной законодательной новеллы, и обоснования путей их разрешения.

Методология

В ходе исследования автором использован всеобщий диалектический метод познания в совокупности с комплексом таких методов, как анализ и формально-логический метод, что позволило сформулировать правило квалификации содеянного для случаев, когда способ воспрепятствования оказанию медицинской помощи образует состав самостоятельного преступления, а также аргументировать позицию о наличии в действиях законного представителя пациента, отказавшегося от медицинского вмешательства либо заявившего требование о его прекращении, в случае если это повлекло неблагоприятные для жизни или здоровья пациента последствия, признаков состава преступления, закрепленного ст. 124.1 УК РФ. Метод научного синтеза использован при формулировании выводов.

Результаты

При конструировании состава преступления, ответственность за совершение которого предусмотрено ст. 124.1 УК РФ, законодатель отказался от идеи использования как закрытого, так и открытого перечня возможных способов воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Закрепленная в диспозиции указанной уголовно-правовой нормы формулировка «в какой бы то ни было форме» позволяет утверждать, что воспрепятствующее законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи деяние как акт поведения фактически может являться самостоятельным преступлением. Например, лицо, причиняя тяжкий, средней тяжести или легкий вред здоровью медицинского работника (ст. 111, 112, 115 УК РФ), с учетом конкретной ситуации

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.07.2019 № 206-ФЗ // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лишает последнего возможности осуществления законной профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи, как результат – наступает смерть пациента либо тяжкий вред его здоровью. В этой связи практическую значимость приобретает разрешение вопроса о том, каким образом должно быть квалифицировано содеянное, когда воспрепятствующее действие (бездействие) является отдельным преступлением.

В уголовно-правовой науке общепринятым является обозначение деяния, которое «служит способом достижения цели совершения другого преступления», как «преступления-способа», в свою очередь, совершаемое преступление в целом именуется «преступление-результат» [1, с. 45–47].

Существующие варианты соотношения норм, предусматривающих ответственность за преступление-способ и преступление-результат, при квалификации ограничены содержательной конкуренцией нормы-части и нормы-целого либо совокупностью соответствующих преступлений.

Ключевым моментом в понимании конкуренции нормы-части и нормы-целого является их подчинение по содержанию, при котором норма-целое включая в себя норму-часть, не является для последней обобщающей. Выбор подлежащей применению нормы в таком случае должен быть осуществлен правоприменителем на основании сопоставления максимальных размеров наказаний санкций соответствующих норм. Надлежащей является квалификация по норме-целому при большем размере предусмотренного ее санкцией наказания, обратное требует вменения совокупности преступлений.

Однако максимальные размеры наказаний единственным критерием, влияющим на квалификацию при конкуренции нормы-части и нормы-целого, не являются. Поскольку речь идет о своеобразном поглощении нормой-целым нормы-части, необходимо учитывать, что форма вины соответствующих составов преступлений должна совпадать, в противном случае указанная конкуренция отсутствует.

На данное обстоятельство указывается исследователями уголовного права [2, с. 18–20]. В частности, такими учеными, как Н. И. Мацнев, Р. Д. Шарапов, обращается внимание на то, что «в насильственный способ сложного преступления, независимо от величины санкции за него, не должны включаться неосторожные физические последствия, наступившие в результате его применения» [3, с. 66–79].

В свою очередь, применительно к ст. 124.1 УК РФ воспрепятствующее оказанию медицинской помощи деяние как акт поведения носит исключительно умышленный характер. Воспрепятствуя, лицо должно осознавать всю потенциальную опасность своего действия (бездействия), кроме того, предвидеть абстрактную возможность того, что последствием может являться наступление смерти пациента, которому требуется оказание медицинской помощи, либо причинение тяжкого вреда его здоровью. Указанное затрагивает интеллектуальный элемент вины исследуемого деяния.

дуемого состава. Относительно волевого элемента вины в части деяния как преступного акта поведения необходимо отметить, что к факту лишения медицинского работника возможности надлежащего оказания медицинской помощи (промежуточный преступный результат) лицо относится с безразличием либо как к желаемому или допустимому. Совершение лицом воспрепятствующего деяния по неосторожности состава преступления не образует.

Принимая во внимание изложенное, содержащая конкуренция нормы-части и нормы-целого в случаях, когда противоправное воспрепятствующее поведение образует состав самостоятельного преступления, исключена, содеянное в силу положений ст. 17 УК РФ подлежит квалификации по совокупности преступлений.

Помимо формы вины при разрешении вопроса конкуренции нормы-части и нормы-целого необходимо учитывать объекты, на охрану которых соответствующие уголовно-правовые нормы направлены.

Обратимся к работе, являющейся фундаментальным исследованием многообъектных преступлений. Автор указанной работы Е. Н. Карбанова указывает на то, что «разнородность объектов деяний не позволяет без специального указания на то в законе квалифицировать их по одной норме, необходима дополнительная квалификация преступного способа совершения преступления» [4, с. 307].

Объектом состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи являются общественные отношения, складывающиеся в связи с необходимостью сохранения жизни или здоровья пациента, под которым автор предлагает понимать лицо, в отношении которого у медицинского работника возникла и продолжает существовать обязанность оказания медицинской помощи. К указанным общественным отношениям необходимо отнести в том числе те, в рамках которых реализуется само право лица на получение надлежащей медицинской помощи с целью сохранения жизни либо восстановления здоровья, а также реализуется интерес общества в их существовании. Соответствующая сфера жизнедеятельности законодательно урегулирована, в частности Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ, включающим в себя положения об обязанностях медицинских организаций и медицинских работников по оказанию медицинской помощи. На защиту каких-либо иных общественных отношений ст. 124.1 УК РФ не направлена, в том числе не направлена на охрану общественных отношений, которым причиняется вред при применении виновным лицом насилия к медицинским работникам. Напротив, составы преступлений, способные выступить как способ воспрепятствования, не направлены на защиту общественных отношений, складывающихся в сфере здравоохранения.

Учитывая, что состав воспрепятствования оказанию медицинской помощи не охватывает ответствен-

ность за нарушение каких-либо прав третьих лиц, в том числе не охватывает применение любого насилия к медицинским работникам, основания для квалификации в соответствующих случаях исключительно по ст. 124.1 УК РФ отсутствуют.

Изложенное позволяет сформулировать следующее правило квалификации содеянного, когда противоправное поведение образует отдельный состав: воспрепятствующее оказанию медицинской помощи действие (бездействие), являющееся самостоятельным преступлением, подлежит квалификации по совокупности с составом преступления, закрепленным положениями ст. 124.1 УК РФ.

Иным проблемным вопросом, связанным с применением ст. 124.1 УК РФ, является выбор подлежащей применению уголовно-правовой нормы в случае, когда виновное лицо умышленно нарушило правила дорожного движения, тем самым фактически лишив медицинского работника возможности надлежащего оказания медицинской помощи, что повлекло по неосторожности наступление неблагоприятных для здоровья (жизни) потерпевшего последствий. Необходимо установить, существует ли содержательная конкуренция между ст. 124.1 и 264 УК РФ либо данные составы преступлений являются смежными, а также обосновать выбор подлежащей применению нормы.

Основной состав преступления, закрепленный ч. 1 ст. 264 УК РФ, предусматривает ответственность за нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека. Квалифицированный состав предусматривает ответственность за то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 264 УК РФ).

С учетом содержания п. 1.2, абз. 1, 3 п. 3.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 (далее – ПДД РФ) [5], деяние лица, которое умышленно в нарушение правил дорожного движения не уступило дорогу автомобилю скорой медицинской помощи с включенными проблесковым маячком синего цвета и специальным звуковым сигналом для беспрепятственного проезда при его приближении, а равно выполнило обгон такого транспортного средства, что лишило медицинского работника возможности надлежащего исполнения профессиональных обязанностей и повлекло наступление неблагоприятных последствий для здоровья или жизни потерпевшего, может быть квалифицировано на основании ст. 264 УК РФ. Вместе с тем указанное общественно опасное деяние одновременно подпадает под признаки состава преступления, ответственность за совершение которого закреплена положениями ст. 124.1 УК РФ.

В рассматриваемом случае выбор подлежащей применению нормы не может быть осуществлен по

правилам разрешения основных видов содержательной конкуренции (конкуренция общей и специальной норм, а также нормы-части и нормы-целого).

Конкуренция общей и специальной норм предполагает, что последняя содержит в себе все признаки состава преступления, предусмотренного основной нормой, при этом в целях дифференциации ответственности конкретизирует один или более таких признаков. Применительно к воспрепятствованию оказанию медицинской помощи и нарушению правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств соответствующего подчинения объемов составов не происходит. Кроме того, соотношение ст. 124.1, 264 УК РФ не может рассматриваться как конкуренция нормы-части и нормы-целого, поскольку отсутствует их подчинение по содержанию, при котором норма-целое включает в себя норму-часть, не являясь для нее обобщающей.

От конкуренции уголовно-правовых норм необходимо отграничивать *смежные составы преступлений*, имеющие как совпадающие признаки, так и отличающиеся, которые не находятся в соотношении как норма-часть и норма-целое либо как общая и специальная нормы. Уголовно-правовая доктрина отличающиеся признаки смежных составов подразделяет на противоположные и взаимоисключающие (несовместимые признаки, наличие одного из которых автоматически исключает наличие другого), а также нейтральные (совместимые по содержанию, предполагающие в ряде случаев идеальную совокупность преступлений) [6].

Учитывая, что идеальная совокупность преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 124.1, 264 УК РФ исключена, отличающихся признаков преступлений, не находящихся между собой в соотношении, нет, указанные составы смежными не являются.

Представляется, что в рассматриваемом случае подлежащая применению норма не может быть установлена при сопоставлении всего объема составов преступлений.

Отдельными учеными в сфере уголовного права подчеркивается, что процесс образования специальной нормы в ряде ситуаций имеет более сложный характер, нежели выделение из общей нормы конкретных случаев. Так, В. Н. Кудрявцев обращает внимание на возможность приобретения образуемой специальной нормой дополнительных признаков, которые характеризуют преступление гораздо полнее, чем общая норма. Автор указывает на то, что в таких случаях «специальная норма выступает как комплексное образование и уже может быть отграничена от прежней общей нормы по ряду признаков, как смежная с ней» [7, с. 257]. Указанное правовое явление ученый обозначает как «частичную или неполную конкуренцию» [7, с. 258].

Полагаем, что соотношение ст. 124.1, 264 УК РФ представляет собой описанную частичную конкуренцию, при которой специальная норма полнее

характеризует соответствующее преступление, является приоритетной. При тождественности признаков субъекта субъективная сторона рассматриваемых составов совпадает лишь в части: нарушение лицом правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ) может носить умышленный и неосторожный характер, в то время как воспрепятствование оказанию медицинской помощи как акт поведения (ст. 124.1 УК РФ) является только умышленным. Касаемо объективной стороны, законодатель, используя в диспозиции ст. 124.1 УК РФ формулировку «в какой бы то ни было форме», по существу установил, что любое деяние, приведшее к лишению медицинского работника возможности надлежащего оказания медицинской помощи, должно рассматриваться как воспрепятствующее такому оказанию.

В этом контексте нарушение установленных правил дорожного движения является одной из возможных форм (способов) воспрепятствования, основания для его исключения из объективной стороны состава, предусмотренного ст. 124.1 УК РФ, отсутствуют. Кроме того, рассматриваемые составы, с учетом их расположения в главах, имеют различные видовые объекты. Видовым объектом состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни или здоровья личности, а состава преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 264 УК РФ, – общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта. Последний из указанных составов преступлений имеет дополнительный объект – отношения, складывающиеся по поводу жизни или здоровья человека. Основной непосредственный объект состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи (общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни или здоровья лица, обладающего статусом пациента) является частным случаем дополнительного объекта состава преступления, закрепленного положениями ст. 264 УК РФ. Потерпевший в составе преступления, предусмотренного ст. 124.1 УК РФ является специальным.

Изложенное свидетельствует о том, что ст. 124.1 УК РФ относительно ст. 264 УК РФ является подлежащей применению приоритетной нормой, как наиболее детально и полно описывающая признаки преступного деяния, в наибольшей степени охватывающей совершенное.

Иной подлежащей рассмотрению проблемой применения уголовного законодательства об ответственности за воспрепятствование оказанию медицинской помощи является вопрос о надлежащей квалификации содеянного в случае наступления неблагоприятных последствий в виде тяжкого вреда здоровью либо смерти пациента при отказе его законного представителя от медицинского вмешательства или заявлении требования о его прекращении.

В силу ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача на него информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя.

Исходя из содержания ч. 3, 9 указанной статьи один из родителей или иной законный представитель лица вправе отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения, за исключением случаев, когда, в частности, лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих либо страдает тяжелым психическим расстройством.

В силу ч. 5 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» при отказе одного из родителей или иного законного представителя лица от медицинского вмешательства, необходимого для спасения его жизни, медицинская организация имеет право обратиться в суд для защиты интересов последнего.

Решение родителя либо иного законного представителя пациента об отказе от оказания медицинской помощи или заявлении требований о ее прекращении не является произвольным и с позиции уголовного закона. Деяние, выразившееся в отказе законного представителя от медицинского вмешательства и повлекшее наступление тяжкого вреда здоровью представляемого либо его смерть, содержит все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 124.1 УК РФ.

Непосредственным объектом преступления в рассматриваемом случае будут являться общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни или здоровья лица, обладающего статусом пациента, что тождественно непосредственному объекту состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Отказ законного представителя от медицинского вмешательства либо заявление требования о его прекращении возможны только после приобретения представляемым лицом статуса пациента. С прекращением указанного статуса (что обусловлено отказом) аннулируется обязанность по оказанию медицинской помощи, утрачивается возможность восстановления здоровья лица.

С *объективной стороны* отказ представителя от оказания медицинской помощи (заявление требования о ее прекращении) выступает одной из возможных форм воспрепятствования. Результатом такого волеизъявления является полное недопущение надлежащего осуществления медицинским работником его правомерной профессиональной деятельности по диагностике и лечению заболеваний (состояний) с целью поддержания и (или) восстановления здоро-

вья пациента. Деяние выражено в форме бездействия – лицо, на которое в силу действующего законодательства (ст. 63, 65 Семейного кодекса Российской Федерации, ст. 31 Гражданского кодекса Российской Федерации) возложено бремя заботы о благополучии представляемого, соответствующую обязанность при наличии к тому возможностей не исполняет. Отсутствие информированного добровольного согласия законного представителя лица на медицинское вмешательство как необходимого предварительного условия в полном объеме лишает медицинского работника возможности оказания медицинской помощи в силу императивных требований ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

В ситуации, когда надлежащее оказание медицинской помощи было способно предотвратить тяжкий вред здоровью лица либо его смерть, являлось необходимым и достаточным условием их ненаступления, отказ законного представителя от такого вмешательства состоит в причинно-следственной связи с преступными последствиями.

Кроме того, рассматриваемое деяние содержит в себе признаки *субъективной стороны* состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи, характеризующейся неосторожной формой вины в виде легкомыслия. Виновный предвидит абстрактную возможность наступления общественно опасных последствий в виде тяжкого вреда здоровью представляемого лица (в случае квалифицированного состава преступления – его смерти), но самонадеянно рассчитывает на их предотвращение. При этом предвидение последствий осуществляется субъектом не только исходя из своего жизненного опыта, но и с учетом информации о возможных последствиях такого отказа, в том числе о вероятности развития осложнений заболевания (состояния), полученной в соответствии с ч. 4 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в доступной форме от медицинского работника. Отказ от медицинского вмешательства как акт поведения носит осознанный характер, а промежуточный этап в наступлении общественно опасных последствий, заключающийся в полном лишении медицинского работника возможности надлежащего оказания медицинской помощи, является для субъекта преступления желаемым.

Мотив воспрепятствования оказанию медицинской помощи в рассматриваемом случае может носить как социально отрицательный (например, мать не желает находиться совместно с малолетним в медицинском учреждении на стационарном лечении), так и социально положительный характер (например, родители несовершеннолетнего отказываются от медицинского вмешательства по религиозным соображениям).

Лицо, наделенное в соответствии с действующим законодательством полномочиями законного представителя, обладает всеми признаками общего субъек-

1 8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».-

екта преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 124.1 УК РФ.

Подводя итог изложенному, сформулируем основные выводы.

Исходя из особенностей субъективной стороны и объекта состава воспрепятствования оказанию медицинской помощи в случае, когда умышленный противоправный воспрепятствующий акт поведения образует самостоятельный состав преступления, содеянное подлежит квалификации по совокупности с составом преступления, закрепленным положениями ст. 124.1 УК РФ.

В случае когда лицо умышленно нарушило правила дорожного движения, тем самым лишив медицинского работника возможности надлежащего оказания медицинской помощи, что повлекло по неосторожности наступление неблагоприятных для здоровья (жизни) пациента последствий, содеянное подлежит квалификации в соответствии со ст. 124.1 УК РФ как приоритетной по отношению к ст. 264 УК РФ нормой, наиболее полно охватывающей совершенное.

Деяние, выразившееся в отказе законного представителя пациента от медицинского вмешательства, что повлекло наступление тяжкого вреда здоровью представляемого либо его смерть, подлежит квалификации в соответствии с положениями ст. 124.1 УК РФ.

Библиографический список

1. Карабанова Е. Н. Совершение преступления как способ мошенничества // Уголовное право. 2015. № 5. С. 45–47.

2. Абубакиров Ф. М. Квалификация преступлений при конкуренции части и целого // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей II Международной науч.-практ. конференции (Пенза, 25 октября 2017 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 18–20.

3. Мацнев Н. И., Шарапов Р. Д. Основы квалификации сложных насильственных преступлений по совокупности уголовно-правовых норм и при их конкуренции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 4 (261). С. 66–79.

4. Карабанова Е. Н. Многообъектные преступления: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 469 с.

5. О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

6. Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2015. 288 с.

7. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1972. 352 с.

References

1. Karabanova E. N. Committing a crime as a method of fraud // Criminal law. 2015. No. 5. pp. 45–47.

2. Abubakirov F. M. Qualification of crimes in competition between parts and the whole // Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations: collection of articles of the II International Scientific and Practical. conference (Penza, October 25, 2017). Penza: Science and Education, 2017. pp. 18–20.

3. Matsnev N. I., Sharapov R. D. Fundamentals of qualification of complex violent crimes according to the totality of criminal law norms and their competition // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2005. No. 4 (261). pp. 66–79.

4. Karabanova E. N. Multi-objective crimes: theory, legislation, practice: dis. ... Doctor of Law. Sci. M., 2020. 469 p.

5. On the Rules of the Road [Electronic resource]: Decree of the Government of the Russian Federation of October 23, 1993 No. 1090 // The document was not published. Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

6. Inogamova-Khegai L. V. Conceptual foundations of competition in criminal law norms: monograph. M.: Norma: Infra-M, 2015. 288 p.

7. Kudryavtsev V. N. General theory of qualification of crimes. M.: Legal literature, 1972. 352 p.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 29.12.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 29.12.2023; accepted for publication 15.03.2024

Научная статья

УДК 343.23(07)

К вопросу о содержании термина «иная компьютерная информация» для целей статьи 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

Ермолаев Николай Валерьевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, Nikolaiermolaev96@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9336-4628>

Аннотация. На основе анализа нормативно-правовой базы, разъяснений Пленума Верховного суда РФ и трудов ученых автор дает толкование понятий «информация», «компьютерная информация» и определяет содержание термина «иная компьютерная информация» для целей статьи 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации».

Ключевые слова: компьютерная информация, компьютерная программа, иная компьютерная информация, вредоносная программа, критическая информационная инфраструктура Российской Федерации

Для цитирования: Ермолаев Н. В. К вопросу о понятии «иной компьютерной информации» в контексте статьи 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 146–150.

Original article

On the question of the concept of «other computer information» in the context of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

Ermolaev Nikolay V.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia,
Nikolaiermolaev96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9336-4628>

Abstract. Based on the analysis of the regulatory framework, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the works of scientists, the author interprets the concepts of «information», «computer information» and defines the content of the term «other computer information» for the purposes of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation».

Keywords: Computer information, computer program, other computer information, malware, critical information infrastructure of the Russian Federation

For citation: Ermolaev N. V. On the question of the Concept of «Other Computer Information» in the Context of Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 146–150.

На сегодняшний день активно формируется информационное общество, а вместе с ним, отдельная отрасль российского права – информационное право. Появляются новые феномены, требующие уголовно-правового регулирования. В том числе для этих целей в систему уголовного законодательства включена ст. 274.1 УК РФ, которая предусматривает ответ-

ственность за неправомерное воздействие на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации¹ (далее – КИИ РФ).

¹ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации

Диспозиция ч. 1 ст. 274.1 УК РФ указывает, что неправомерное воздействие на объекты КИИ РФ может быть осуществлено с использованием компьютерных программ или иной компьютерной информации, заведомо предназначенной для такого действия. Однако не до конца ясно, что следует понимать под иной компьютерной информацией применительно к ст. 274.1 УК РФ.

Необходимость разъяснения указанных понятий обусловлена тем, что неправильное толкование отдельных специальных терминов может привести к неверной квалификации общественно опасного деяния.

Для уточнения содержания понятия «иная компьютерная информация» считаем целесообразным, в первую очередь, определить, что является информацией в целом и компьютерной информацией в частности.

Так, согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ информация признаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления¹;

Перед тем, как продолжать исследование, приведем соотношение понятий «сведения», «сообщения», «данные». Согласно большому толковому словарю русского языка:

- сведения – это данные, характеризующие кого-либо, что-либо;
- сообщение – это информация, сведения, сообщаемые, излагаемые кем-либо;
- данные – сведения, показатели, характеризующие кого-либо, что-либо как основа каких-либо выводов [1].

Таким образом, понятия «сообщения» и «данные» синонимичны понятию «сведения», поэтому предлагаем взять понятие «сведения» за основу при определении содержания понятия «компьютерная информация».

Обратимся к примечанию ст. 272 УК РФ. Законодатель определил, что к компьютерной информации могут быть отнесены те сведения (сообщения, данные), которые существуют в форме электрического сигнала, тем самым отграничив компьютерную информацию от иных видов информации.

В данном случае, справедливо отмечает В. Б. Вехов – электрический сигнал – это способ внешнего оформления такой информации [2, с. 78].

На наш взгляд, определение, приведенное в примечании к ст. 272 УК РФ, вряд ли можно считать полным, поскольку электрические сигналы далеко не единственный способ представления компьютерной информации.

и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Исходя из анализа специальной технической литературы, под сигналом следует понимать физическую величину, изменяемую с течением времени.

А под электрическим сигналом понимается импульс тока, содержащий в себе информацию, воспринимаемую компьютерной системой. Существуют следующие виды электрических сигналов:

Так, М. В. Старичков, В. А. Сапрыкин полагают, что компьютерная информация может быть представлена в форме магнитного импульса или пучка света, как, например, на магнитных дискетах или оптических дисках соответственно [3, 4].

Помимо этого, компьютерная информация может передаваться в форме радиоволн, Wi-Fi и Bluetooth сигналов.

Аналогичной позиции придерживается В. Жижин, который в своем исследовании, посвященном изучению беспроводной передачи информации, подтвердил, что компьютерная информация может передаваться с помощью магнитного импульса, но на небольшие расстояния [5].

М. В. Старичков не дает определения понятию «компьютерная информация», однако относит к ее критериям форму ее существования и возможность ее обработки компьютерной техникой.

А. В. Воронин, исследуя понятие компьютерной информации, отметил, что она представляет собой информационный массив, который обрабатывается и хранится на компьютере для нужд пользователя [6].

Считаем, что данное определение является корректным, но не исчерпывающим, поскольку не указано, как такая информация может передаваться с одного компьютера на другой. Более того, возникает тавтология, при которой информация представляет собой информационный массив.

По мнению Е. Р. Россинской, компьютерная информация представляет собой фактические данные, обрабатываемые компьютерной системой, передаваемые по телекоммуникационным каналам, доступные для восприятия, на основе которых в определенном законом порядке устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела [7].

Понимание компьютерной информации, приводимое Е. Р. Россинской, на наш взгляд, является в целом корректным, но не вполне достаточным для целей ст. 274.1 УК РФ, поскольку в нем нет указания на то, каким образом такая информация хранится в компьютерной системе и передается ли она иным путем, например, с помощью твердотельных внешних носителей.

На наш взгляд, наиболее полное и емкое понятие компьютерной информации приведено в Соглашении о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. (далее – Соглашение). Статья 1 Соглашения гласит, что компьютерной информацией признается такая информация, которая хранится в памяти компьютерной системы, на машинных или иных носителях информации в такой форме, которая доступна для восприятия компьютер-

ной системой или пользователем или передается по каналам связи [8].

Под каналом связи понимается система технических средств, предназначенная для передачи сведений от источника к приемнику. К видам каналов связи относятся проводные и беспроводные.

Обозначенное в Соглашении понятие «компьютерной информации» представляется наиболее удачным по сравнению с остальными, поскольку оно точно отражает суть.

В большинстве рассматриваемых определений термина «компьютерная информация», выделяются такие признаки, как:

1) информация содержится в памяти компьютерной системы или на иных технических носителях информации (флеш-карты, магнитные диски и т. д.);

2) существует возможность для восприятия информации пользователем компьютерной системы и ее обработки такой системой (т. е. она воспринимается компьютерной системой);

3) информация передается в пространстве с помощью каналов связи или иных программно-технических средств.

Представляется, что указанный перечень признаков не является исчерпывающим.

При этом важно отметить, что для признания сведений компьютерной информацией важно установить три критерия – ее существование в компьютерной системе, возможность компьютерной системы обработать такую информацию и возможность передачи последней по каналам связи. Компьютерная информация не всегда может быть воспринята пользователем компьютерной системы.

Полагаем, что такие критерии относятся также к иной компьютерной информации. Как ранее было отмечено, понятия «иной компьютерной информации» в науке уголовного права, как такового, до конца не выработано, однако предпринимаются попытки его установить.

Так, например, П. В. Галушин предлагает понимать под иной компьютерной информацией «комбинацию компьютерной информации разных типов, не являющихся программой или взаимодействующих с не вредоносными программами, которые способны осуществить блокирование, модификацию, копирование компьютерной информации без согласия обладателя такой информации» [9, с. 6].

На наш взгляд, такое определение понятия не может быть взято за основу, поскольку методологически неверно определять понятие через обращение к нему самому, такая позиция противоречит как основам логики, так и теории методологии.

Пункт 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуни-

кационных сетей, включая сеть «Интернет»¹ (далее – ППВС РФ № 37 от 15 декабря 2022 г.) не содержит в себе понятия «иная компьютерная информация», однако указывает на то, что может относиться к такой информации.

Согласно пункту 8 к иной компьютерной информации могут относиться:

- 1) ключи доступа (код-пароль),
- 2) элементы кодов компьютерных программ.

На основании изложенного допускаем, что к иной компьютерной информации могут относиться отдельные программные элементы, такие как код программы, составные части этих кодов или ключи доступа (логин/пароль), т. е. то, что в совокупности или по отдельности не является компьютерной программой. Также полагаем, что частично написанный код вредоносной программы (п. 10 ППВС РФ № 37 от 15 декабря 2022 г.) также будет являться иной компьютерной информацией, поскольку он отвечает ранее указанным критериям компьютерной информации.

Дополнительно укажем, что ключи доступа представляют собой логин или код-пароль, которые, хоть и не являются компьютерной программой, но предоставляют доступ к информационной системе объектов КИИ РФ. Заметим, что ключи доступа обладают такими свойствами, как:

- 1) значимость в отдельной компьютерной системе,
- 2) доступность к обработке только с помощью средств компьютерной техники.

Проанализировав приведенные ранее определения и содержание понятия «компьютерная информация», можно сделать вывод, что перечень признаков недостаточно полон и нуждается в дополнении.

Компьютерная информация может быть обработана только с помощью компьютерной техники, поэтому для определения содержания анализируемого нами понятия необходимо установить наличие следующих признаков:

- 1) существование такой информации на машинном носителе или в компьютерной системе;
- 2) осуществление обработки такой информации только с помощью средств компьютерной техники;
- 3) передача такой информации с помощью информационно-телекоммуникационных сетей или путем ее перенесения из памяти компьютерной системы на твердотельный носитель информации с последующим введением таких сведений в другую компьютерную систему;
- 4) сведения имеют значение и могут быть использованы только в компьютерной системе.

Далее обратимся к материалам судебной практики и изучим, что в правоприменительной деятельности

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»».

сти вкладывается в содержание «иной компьютерной информации».

Примером может послужить приговор Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону Ростовской области от 30 мая 2023 г. по делу № 1-227/2023, в котором указано, что гражданин Б. использовал иную компьютерную информацию, заведомо предназначенную для неправомерного воздействия на сайты Сбербанка, Почтабанка, Газпромбанка, что привело к блокированию компьютерной информации на определенное количество времени. Указанные сайты, согласно материалам уголовного дела, являются объектами КИИ РФ¹.

Согласно материалам дела, гражданин Б. использовал интернет-ресурс, отнесенный решением эксперта ФСТЭК к иной компьютерной информации.

Такой интернет-ресурс формировал многочисленные запросы для отправки их на атакуемую компьютерную систему с целью перегрузить эту систему и вывести ее из строя.

Интернет-ресурс (сайт) относится к компьютерной информации, поскольку он отвечает следующим критериям:

- 1) обрабатывается компьютерной системой;
- 2) содержится в памяти компьютерной системы (в случае с интернет-ресурсом – в памяти удаленного сервера, который является компьютерной системой);
- 3) передается по каналам связи (с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»);
- 4) имеет значение и может быть использован только в компьютерной системе.

К сожалению, в иных приговорах, вынесенных по ч. 1 ст. 274.1 УК РФ, не имеется указаний на то, что может быть включено в содержание иной компьютерной информации. Однако в случае с приговором Прикубанского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 5 мая 2023 г. по делу № 1-11/2023 гражданин А. был осужден по ч. 4 ст. 274.1 УК РФ, то есть за использование иной компьютерной информации, заведомо предназначенной для неправомерного воздействия на объекты КИИ РФ для модификации такой информации.

В приговоре имеется указание на то, что сотрудником медицинской организации при внесении данных о фиктивной вакцинации граждан в Единую государственную информационную систему в сфере здравоохранения (далее – ЕГИСЗ) использовались логин и пароль для осуществления доступа к такой системе².

В данном случае логин или код-пароль не могут быть включены в содержание анализируемого нами понятия, поскольку такие логин и пароль были выданы лицу на основании трудового договора и должностного регламента с целью осуществления

деятельности по ведению реестра вакцинированных лиц, т. е. правомерно.

Таким образом, под иной компьютерной информацией для целей ч. 1 ст. 274.1 УК РФ предлагается понимать сведения, хранящиеся в компьютерной системе, обрабатываемые ею. При этом такие сведения, как в совокупности, так и по отдельности, являются составным элементом компьютерной программы, заведомо предназначенной для неправомерного воздействия на объекты КИИ РФ, в том числе для доступа к информации, хранящейся в информационных системах объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также для уничтожения, блокирования, модификации, копирования такой информации или нейтрализации средств ее защиты.

К таким сведениям предлагается относить программные коды и части таких кодов, ключи доступа, интернет-ресурсы и другие.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 05.07.2023).
2. Вехов В. Б. Преступления, связанные с неправомерным использованием баз данных и содержащейся в них компьютерной информации // Защита информации. Инсайд. 2008. № 2 (20). С. 78–81
3. Старичков М. В. Понятие «Компьютерная информация» в российском уголовном праве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 1 (68). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.07.2023).
4. Сапрыкин В. А. Солодков О. В., Павликов С. Н., Убанкин Е. И. Оптические информационные технологии. Владивосток: Морской государственный университет, 2018. 97 с
5. Жижин В. Магнитные системы передачи информации. Новые решения // Беспроводные технологии. 2016. № 3. С. 67–71. URL: <https://rucont.ru/> (дата обращения: 07.07.2023).
6. Воронин А. В. Вычислительные сети: учебное пособие. ВлГУ, 2011. 88 с.
7. Россинская Е. Р. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М.: Право и закон, 2001. 219 с.
8. Минькашев Э. Г. Понятие информации и компьютерной информации: правовые аспекты. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 283–287. URL: <https://moluch.ru/> (дата обращения: 04.07.2023).
9. Галушин П. В., Лапина Е. А. Иная вредоносная компьютерная информация как предмет преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ // Научный компонент. 2020. № 1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.07.2023).

References

1. Large explanatory dictionary of the Russian language. URL: <http://www.gramota.ru> (access date: 07/05/2023).

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону Ростовской области от 30 мая 2023 г. по делу № 1-227/2023.

² Приговор Прикубанского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 5 мая 2023 г. по делу № 1-11/2023.

2. Vekhov V. B. Crimes related to the unlawful use of databases and computer information contained therein // Information Protection. Insider. 2008. No. 2 (20). pp. 78–81

3. Starichkov M.V. The concept of “Computer information” in Russian criminal law // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 1 (68). URL: <https://cyberleninka.ru> (access date: 07/04/2023).

4. Saprykin V. A. Solodkov O. V., Pavlikov S. N., Ubankin E. I. Optical information technologies. Vladivostok: Maritime State University, 2018. 97 p.

5. Zhizhin V. Magnetic information transmission systems. New solutions // Wireless technologies. 2016. No. 3. pp. 67–71. URL: <https://rucont.ru/> (access date: 07/07/2023).

6. Voronin A.V. Computational networks: textbook. VIGU, 2011. 88 p.

7. Rossinskaya E. R. Forensic computer-technical examination. M.: Law and Law, 2001. 219 p.

8. Minkashev E. G. The concept of information and computer information: legal aspects. Text: immediate // Young scientist. 2021. No. 50 (392). pp. 283–287. URL: <https://moluch.ru/> (access date: 07/04/2023).

9. Galushin P.V., Lapina E.A. Other malicious computer information as the subject of a crime under Art. 273 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific component. 2020. No. 1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru> (access date: 07/04/2023).

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 05.10.2023; accepted for publication 15.03.2024

Особенности уголовно-правовой оценки предмета составов преступлений, предусмотренных статьями 207.1, 207.2 и 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации

Малышев Константин Сергеевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, k.malyshev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой характеристики предмета составов преступлений, предусмотренных ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ. Автор обосновывает целесообразность унификации анализируемого признака в частности и самих статей в целом в рамках единого вида преступления, закрепленного в отдельной уголовно-правовой норме. В статье исследуются действующие редакции норм уголовного законодательства, раскрывающие содержание анализируемого предмета, на основе чего автор предлагает нормативную формулировку публично распространяемой под видом достоверной заведомо ложной общественно значимой информации. Кроме того, автором проводится классификация признаков, характеризующих форму публично распространяемой под видом достоверной заведомо ложной общественно значимой информации.

Ключевые слова: общественная безопасность, заведомо ложная информация, публичное распространение, недостоверная информация

Для цитирования: Малышев К. С. Особенности уголовно-правовой оценки предмета составов преступлений, предусмотренных статьями 207.1, 207.2 и 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 151–156.

Original article

Features of the criminal legal assessment of the subject of the elements of crimes provided for in Articles 207.1, 207.2 and 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation

Malyshev Konstantin S.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, k.malyshev@mail.ru

Abstract. The article deals with the issues of criminal-legal characteristics of the subject of the elements of crimes provided for in Articles 207.1, 207.2 and 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author substantiates the expediency of unifying the analyzed feature in particular and the articles themselves as a whole within the framework of a single type of crime enshrined in a separate criminal law norm. The article examines the current versions of the norms of criminal law, revealing the content of the analyzed subject, on the basis of which the author proposes a normative formulation of publicly disseminated under the guise of reliable, deliberately false, socially significant information. In addition, the author classifies the signs characterizing the form of publicly disseminated under the guise of reliable, deliberately false, socially significant information.

Keywords: public safety, knowingly false information, public dissemination, false information

For citation: Malyshev K. S. Features of the criminal legal assessment of the subject of the elements of crimes provided for in Articles 207.1, 207.2 and 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 151–156.

Используя системный анализ, а также результаты исследования позиций ученых в вопросе об обоснованности введения в уголовное законодательство специальных видов того или иного преступления, следует отметить, что стремление законодателя к «...повышению качества работы по выявлению и расследованию таких преступлений, правильной квалификации содеянного...»¹ не всегда является научно обоснованным и практически оправданным [1, с. 32].

На наш взгляд, целесообразность такого деления отсутствует в тех случаях, когда разграничительный признак можно унифицировать, что при этом никак не усложнит квалификацию содеянного. Более того, когда предлагаемая унификация может повысить эффективность правоприменения за счет исключения необходимости установления аспектов разграничительного признака, не влияющего на дифференциацию уголовной ответственности.

Так, например, при введении в уголовное законодательство в 2019 г. статей 207.1 и 207.2 УК РФ, а также в 2022 г. – ст. 207.3 УК РФ, в их основных составах преступлений законодатель не дифференцировал уголовную ответственность, отнеся категории данных преступлений к небольшой тяжести. Основное разграничение при этом законодатель проводит по содержанию предмета основных составов преступлений, составляющих указанные нормы. Такой подход позволяет усомниться в целесообразности выделения специальных видов публичного распространения под видом достоверной заведомо ложной общественно значимой информации.

Представляется, что анализируемое законодательное решение в данном случае было бы обоснованным, если бы содержание публично распространяемой информации понижало или повышало степень общественной опасности анализируемых норм по отношению друг к другу.

Следует отметить, что в марте 2023 г. в связи с особой общественной значимостью в современный период противодействия преступным посягательствам на общественные отношения, связанные с проведением специальной военной операции, ч. 1 ст. 207.3 УК РФ была отнесена к категории преступлений средней тяжести. Тем не менее считаем, что распространяемая под видом достоверной заведомо ложная информация о «чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, чрезвычайных экологических ситуациях, в том числе эпидемиях, эпизоотиях и иных обстоятельствах, возникших в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекших (могущих повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью лю-

дей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения» создает угрозу общественной безопасности не меньшую, чем распространяемая ложная информация о действиях вооруженных сил, а тем более, не меньшую угрозу, чем распространяемая ложная информация об отдельной личности.

Так, публичное распространение под видом достоверной заведомо ложной информации, например, об эпидемиях, что следует из примечания ст. 207.1 УК РФ, может рассматриваться в качестве деяния, связанного с распространением информации, представляющей угрозу жизни и безопасности граждан. Вместе с тем клевета, даже в отсутствии условия публичности, распространяемая о том, что хотя бы одно лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, предусматривает наказание по ч. 4 ст. 128.1 УК РФ в виде лишения свободы сроком до четырёх лет. Такой вид клеветы отнесен законодателем к категории преступлений средней тяжести, в отличие от ст. 207.1 УК РФ, которая является преступлением небольшой тяжести, при этом с точки зрения правовой природы является неким условным видом клеветы [2, с. 176].

На основании выявленного несоответствия степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 207.1, 207.2 УК РФ, их основные составы, на наш взгляд, должны соответствовать категории основного состава преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ.

При реализации указанного предложения снова возникает вопрос о том, влияет ли содержание предмета анализируемых составов преступлений на дифференциацию уголовной ответственности. Исследование структуры каждой отдельной статьи – 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ – показало, что квалифицированные составы не имеют в качестве признака, повышающего степень общественной опасности, предмет преступления. Следовательно, в целях решения проблемы возможности влияния содержания предмета анализируемых составов преступлений на дифференциацию уголовной ответственности достаточно провести анализ особенностей уголовно-правовой характеристики предмета каждого из основных составов преступлений в их соотношении.

В ст. 207.1 УК РФ в качестве предмета состава преступления указана «распространяемая под видом достоверных сообщений заведомо ложная информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств».

При этом в примечании к ст. 207.1 УК РФ законодатель пояснил, что «обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате ава-

¹ Отзыв о проекте Федерального закона о внесении в УК РФ дополнений и изменений, касающихся уголовной ответственности за мошенничество, подготовленный коллективом авторов кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова // Опубликовано на сайте Международной Ассоциации Содействия Правосудию. URL: <http://www.iuaj.net/node/1169> (дата обращения: 20.06.2023).

рий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения».

Уяснение предметного содержания указанной в ст. 207.1 УК РФ информации, исходя из бланкетной характеристики данного признака преступления, требует обращения к ряду нормативных актов¹.

В ст. 207.3 УК РФ под предметом понимается «распространяемая под видом достоверных сообщений заведомо ложная информация, содержащая данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности либо об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно содержащая данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации».

Использование Вооруженных Сил, других войск и органов, их основные задачи в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время регламентировано Военной доктриной Российской Федерации, утвержденной Президентом 25 декабря 2014 г. № Пр-2976². Исходя из структуры доктрины, под термином «использование Вооруженных Сил», по нашему мнению, следует понимать их деятельность по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, непосредственное применение в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время, а также деятельность по развитию военной организации, строительству и развитию Вооруженных Сил, по мобилизационной подготовке и мобилизационной готовности Российской Федерации, военно-экономическому обеспечению обороны (оснащение военной и специальной техникой, материальными средствами, развитие оборонно-промышленного комплекса, военно-политическое и военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами).

Следует отметить, что в ст. 207.3 УК РФ ничего не указано о месте использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов

¹ Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 08.06.2023); Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих». URL: <https://base.garant.ru/12137881/> (дата обращения: 08.06.2023).

² Военная доктрина Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/ (дата обращения: 09.06.2023).

Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Следовательно, это могут быть данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации как на территории РФ, так и за её пределами.

Возникает вопрос об ответственности за распространение заведомо ложной информации под видом достоверной об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий на территории нашего государства.

Данные об использовании на территории России Войск национальной гвардии Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и многих других федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации могут также стать предметом информационного воздействия при публичном распространении под видом достоверной заведомо ложной информации. Следует отметить, например, высокую степень общественной опасности и общественный резонанс распространения заведомо ложной информации об использовании полномочий МЧС России при ликвидации последствий пожара в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня»³.

Однако в ст. 207.3 УК РФ в отношении распространения ложной информации о государственных органах ответственность по анализируемой статье наступает только за распространение ложных данных об исполнении ими своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в тех же целях, которые указаны для Вооруженных Сил Российской Федерации.

До марта 2023 г. предмет основного состава преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, был ограничен информацией о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации и государственных органов Российской Федерации. В марте 2023 г. в целях защиты интересов добровольческих формирований, организаций или лиц, содействующих в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, предмет анализируемого состава преступления был расширен.

В целом положительно отмечая важность охраны общественной безопасности при выполнении общественного долга указанными лицами, считаем общую тенденцию к постоянной детализации предмета в рамках специальных норм – ст. 207.1 и 207.3 УК РФ не оправданной с точки зрения законодательной техники, так как стремительная динамика общественных отношений будет требовать все новых и новых уточнений и преобразований предмета.

Вместе с тем решением указанной проблемы может стать унификация анализируемых статей уголовного законодательства в рамках одной статьи, в осно-

³ Расследование обстоятельств трагедии в ТЦ «Зимняя вишня» в Кемерово // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/cases/item/1213398/> (дата обращения: 09.06.2023).

ве которой будет предмет оценочного бланкетного характера, который указан в ст. 207.2 УК РФ.

В ст. 207.2 УК РФ в качестве предмета преступления законодатель закрепил «распространяемую под видом достоверных сообщений заведомо ложную общественно значимую информацию».

Такая формулировка, на первый взгляд, внешне отличается от предмета преступлений, указанных в ст. 207.1 и 207.3 УК РФ.

Однако сравнение фактического содержания признаков предмета в рамках исследуемых норм уголовного законодательства приводит к выводу о том, что они описывают с различных сторон одно и то же явление, преступное воздействие на которое при публичном распространении причиняет вред общественной безопасности или создаёт угрозу такого вреда.

Информация как предмет анализируемых составов преступлений при ее публичном распространении способна представлять угрозу здоровью или жизни отдельного человека через распространение ложной информации, например, о методах лечения опасной болезни, либо угрозу обороноспособности нашего государства при распространении ложной информации о действиях Минобороны РФ и органов исполнительной власти за пределами территории РФ, а также угрозу массовых беспорядков, стихийных несанкционированных митингов, организационной остановки предприятий, сбоев связи, продовольственной паники, стихийных миграционных (эвакуационных) процессов, срыва избирательной кампании или её дискредитации и прочие угрозы общественной безопасности в целом.

Отвечая на поставленный ранее в рамках данного исследования вопрос о том, влияет ли узконаправленное содержание предмета анализируемых составов преступлений на дифференциацию уголовной ответственности, по нашему мнению, следует ответить, что не влияет, так как такие социальные явления, как пандемии, военные действия и проч., имеют, как правило, обозримый период существования. Однако защита общественных отношений, обеспечивающих состояние защищенности личности, общества и государства от информационных манипуляций, будет востребована и в дальнейшем, с развитием информационного общества как некой новой его формации, пришедшей на смену индустриальному обществу [3, с. 35].

Поэтому в случае унификации анализируемых норм по предмету преступления необходим единый подход в толковании бланкетного признака, которым является распространяемая информация. В этих целях, на наш взгляд, следует на законодательном уровне обеспечить единообразное применение терминов, используемых в нормах уголовного законодательства и федерального законодательства, регламентирующего общественные отношения в сфере распространения информации.

Исследование ч. 1 ст. 15.3 Федерального закона от

27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» выявило использование термина «недостоверная» общественно значимая информация при определении признака предмета преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, на который ссылается при разъяснении его содержания в том числе Президиум Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), данных в Обзоре от 21 апреля 2020 г. № 1. Вместе с тем в ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ законодатель закрепляет термин «ложная» информация.

В настоящий момент «недостоверная» общественно значимая информация нормативно закреплена как «информация, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи и (или) повлекла указанные и иные тяжкие последствия, распространяемой под видом достоверных сообщений недостоверной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно содержащей данные об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, или информации, направленной на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе призывов к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях».

На основании вывода о необходимости корректировки на законодательном уровне предмета преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, который, на наш взгляд, в уголовном законодательстве следовало бы использовать в качестве основы при унификации предмета преступлений, предусмотренных ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ в рамках одной статьи УК РФ, а также вывода о содержании основного непосредственного объекта анализируемых преступлений, сформулируем определение заведомо ложной общественно значимой информации.

На наш взгляд, заведомо ложная общественно значимая информация – это не соответствующая действительности информация, целью создания и распространения которой является манипулирование общественным поведением, создающее угрозу кон-

ституционным правам и свободам человека и гражданина, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету, территориальной целостности и устойчивому социально-экономическому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства. Такое определение, по нашему мнению, позволит законодателю «не гнаться» за возникающими «новыми» негативными социальными аспектами посягательства на общественную безопасность путем публичного распространения под видом достоверной заведомо ложной общественно значимой информации, а правоприменителю – правильно квалифицировать деяние и акцентировать внимание при разграничении его со смежными составами преступлений по особенностям содержания информации и механизму совершаемого преступления.

Проведя анализ предметного содержания распространяемой в рамках ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ информации, необходимо также охарактеризовать предмет составов анализируемых преступлений с точки зрения признаков его формы.

Характерными признаками предлагаемого предмета анализируемых преступлений, в качестве которого выступает публично распространяемая информация в рамках ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ, на наш взгляд, являются следующие его существенные стороны.

Во-первых, это объективная природа ложности распространяемой информации.

Важной особенностью является объективный аспект, который состоит в несоответствии распространяемой информации действительности в целом или в части.

Используя системный анализ норм уголовного законодательства, связанных с ответственностью за изготовление и использование определенных носителей информации, таких как фальсифицированные доказательства, поддельные документы, поддельные денежные купюры, ценные бумаги, знаки соответствия и проч., мы пришли к выводу о том, что распространяемый аудио-, видеоконтент, электронные, устные или письменные сообщения будут объективно ложными в случае несоответствия действительности распространяемого контента целиком, а также в случае, когда действительности не соответствует какая-либо часть контента.

Ложность информации, в том числе ее объективный аспект, должна быть установлена на момент ее распространения. Если когда-либо ранее информация соответствовала действительности либо если информация, не относящаяся к прогнозу, стала соответствовать действительности после ее распространения, это не влияет на общественную опасность в момент ее распространения, следовательно, за такое деяние должна наступать уголовная ответственность.

В указанном контексте хотелось бы отметить, что А. Г. Кибальник, на наш взгляд, верно заметил, что оценочные суждения, мнения, предположения, прогнозы не должны влечь ответственность по анализи-

руемым составам [4]. Содержание информации должно относиться исключительно к фактам.

Устанавливая несоответствие действительности, правоприменителю необходимо использовать данные официальных источников органов власти, результаты судебной экспертизы, которые могут установить признаки технической подделки аудио- или видеоконтента, показания свидетелей и прочие доказательства, устанавливающие объективную ложность распространяемого сообщения.

Во-вторых, признаком анализируемого предмета является его фиктивная достоверность. Объективно ложный предмет в виде определенной информации даже при ее публичном распространении не несет общественной опасности, если он не выдается кем-либо за достоверный. Художественные фильмы, постановочные ролики и прочий контент, который публикуется как творческий продукт не соответствующий действительности, не является предметом анализируемых преступлений.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что «о придании ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям»¹.

И, наконец, в-третьих, ложная информация, выступающая в качестве предмета составов преступлений, предусмотренных ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ, обладает свойством манипуляции и инвективы – это воздействие на адресата информации, побуждающее его к резкой негативной эмоциональной оценке, обвинению органов власти, общественных организаций, общественных и политических деятелей и проч.

Подводя итог исследованию особенностей уголовно-правовой оценки предмета составов преступлений, предусмотренных ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ, сформулируем вывод о том, что содержание предмета в анализируемых статьях уголовного законодательства не влияет на дифференциацию уголовной ответственности, что может служить основанием для объединения указанных статей в одну, которая будет содержать общее бланкетное содержание предмета как «распространяемой под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации». Кроме того, форма анализируемого предмета обладает общими универсальными признаками, такими как объективная ложность, фиктивная достоверность, манипуляция и инвективность.

Библиографический список

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Президиум Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28882/?ysclid=l27wy7wh1n> (дата обращения: 20.06.2023).

1. Ермакова О. В. Обоснованность введения в Уголовный кодекс РФ специальных видов мошенничества (ст. 159.1–159.6 УК РФ) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2014. № 14-2. С. 31–33.

2. Новикова О. В. Сущность публичного распространения заведомо ложной информации применительно к ст. 207.3 УК РФ // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 175–180.

3. Тимербулатов З. М. Информационное общество России: этапы становления и развития: дис. ... канд. философ. наук. Уфа, 2006. 163 с.

4. Кибальник А. Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. URL: <http://www.consultant.ru>.

References

1. Ermakova O. V. Justification for introducing special types of fraud into the Criminal Code of the Russian Federation (Art. 159.1–159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Current problems in the fight against crimes and other offenses. 2014. No. 14-2. Pp. 31–33.

2. Novikova O. V. The essence of public dissemination of knowingly false information in relation to Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Military law. 2023. No. 1 (77). Pp. 175–180.

3. Timerbulatov Z. M. Information society of Russia: stages of formation and development: dis. ... cand. philosopher. sciences. Ufa, 2006. 163 p.

4. Kibalnik A. G. Criminal legal reaction to the coronavirus pandemic // Legality. 2020. No. 5. URL: <http://www.consultant.ru>.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 29.12.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 29.12.2023; accepted for publication 15.03.2024

Подходы к пониманию условий освобождения от уголовной ответственности (на основе анализа судебно-следственной практики применения статей 76 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации)

Фризен Петр Дмитриевич¹, Суверов Сергей Евгеньевич²

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ frizenpd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5655-3750>

² s.suverovse95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-9276>

Аннотация. Авторы анализируют содержание законодательных требований, выполнение которых необходимо для рассмотрения вопроса об освобождении лиц от уголовной ответственности на основании статьи 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Делается акцент на понимании таких условий сотрудниками судебно-следственного аппарата, принимающих решение о возможности прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по указанным нереабилитирующим основаниям. Предпринимается попытка объяснения причины незначительной распространенности принятия процессуальных решений об освобождении лиц от уголовной ответственности на этапе предварительного расследования. Представлено авторское видение решения проблем, возникающих у практических работников в понимании данного вопроса.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, условия и основания, примирение с потерпевшим, судебный штраф

Для цитирования: Фризен П. Д., Суверов С. Е. Подходы к пониманию условий освобождения от уголовной ответственности (на основе анализа судебно-следственной практики применения статей 76 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 157–163.

Original article

Approaches to understanding the conditions for exemption from criminal liability (based on an analysis of the judicial and investigative practice of applying Articles 76 and 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Frizen Petr D.¹, Suverov Sergey E.²

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ frizenpd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5655-3750>

² s.suverovse95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2870-9276>

Abstract. The authors analyze the content of the legislative requirements, the fulfillment of which is necessary to consider the issue of exempting persons from criminal liability, on the basis of Art. 76 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Emphasis is placed on the understanding of such conditions by the employees of the judicial and investigative apparatus, who decide on the possibility of terminating a criminal case (criminal prosecution) on the indicated non-rehabilitating grounds. An attempt is made to explain the reason for the low prevalence of the adoption of procedural decisions on the release of persons from criminal liability at the stage of preliminary investigation. The author's vision of solving the problems that arise for practitioners in understanding the conditions for exemption from criminal liability is proposed.

Keywords: exemption from criminal liability, conditions and grounds, reconciliation with the victim, judicial fine

For citation: Frizen P. D., Suverov S. E. Approaches to understanding the conditions for exemption from criminal liability (based on an analysis of the judicial and investigative practice of applying Articles 76 and 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 1. Pp. 157–163.

Развитие доктрины уголовного права имеет своей целью формирование актуальных и эффективных предложений по приведению отечественного законодательства в соответствие с правовыми учениями. Не менее важной представляется роль теоретических разработок в решении тех проблем, с которыми сталкиваются практические сотрудники в своей профессиональной деятельности. Одной из наиболее актуальных тем современной доктрины уголовного права является оптимизация правового регулирования норм, освобождающих от уголовной ответственности, обращение к которым стало неотъемлемым инструментом уголовной политики России.

Действительно, использование ресурсов альтернативного механизма привлечения к уголовной ответственности позволяет во многом разгрузить систему уголовной юстиции, создать стимул для положительного посткриминального поведения лиц, избавить их от негативных последствий судимости (хотя значительные правовые ограничения такие лица все же будут претерпевать), уделить большее внимание интересам потерпевших. Приведенный тезис находит свое подтверждение в широкой практике использования поощрительных мер, закрепленных как в Общей, так и в Особой частях УК РФ. На сегодняшний день наиболее привлекательными для практических сотрудников видятся такие основания освобождения от уголовной ответственности: в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). Именно этим обстоятельством обусловлен выбор предмета настоящей работы.

Видится, что освобождение от уголовной ответственности является альтернативой не наказанию, а уголовному преследованию лица, поскольку назначение наказания может не состояться до полного завершения уголовно-процессуальной деятельности и признания лица виновным. Такой вывод следует с методологических позиций, без детального рассмотрения отдельных норм, составляющих институт освобождения от уголовной ответственности. Необходимо рассматривать освобождение от уголовной ответственности как правомерную замену основной традиционной реакции на общественно опасное посягательство путем прекращения уголовного преследования лица, совершившего преступление. Свое выражение оно находит в постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

В отличие от нормы о примирении с потерпевшим, которая была введена в уголовный закон с при-

нятием УК РФ 1996 года, норма о судебном штрафе появилась значительно позже – лишь в 2016 году. Примечательно, что введение в уголовный закон ст. 76.2 УК РФ незамедлительно было учтено судебными органами в своей деятельности, что прямым образом сказалось на изменении внутреннего соотношения норм исследуемого института. Так, согласно сведениям, представленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, с 2017 г. по 2020 г. наблюдалось сокращение практики применения ст. 76 УК РФ, а также одновременный рост обращений к ст. 76.2 УК РФ. В указанный период удельный вес реализации ст. 76 УК РФ был снижен с 75,59 % до 56,45 %, тогда как обращение к ст. 76.2 возросло с 11,5 % до 32,45 %. Однако уже с 2021 года стала проследиваться обратная тенденция: к 2022 году удельный вес реализации ст. 76 УК РФ был увеличен с 56,45 % до 70,52 %, а использование нормы о судебном штрафе, напротив, уменьшилось с 32,45 % до 14,12 % [1].

Значимо и то обстоятельство, что обобщенные статистические данные относительно числа лиц, освобождаемых от уголовной ответственности, на стадии предварительного расследования отсутствуют в открытых источниках информации, что не позволяет объективно и точно оценить полную практику применения исследуемого института. По мнению А. А. Толкаченко, на досудебных стадиях органами дознания и следствия прекращается лишь 1,5–4,5 % от всех уголовных дел, по которым принимается итоговое процессуальное решение [2, с. 18–20]. Так, в МВД России данный показатель не превышает 2 % от общего числа прекращенных уголовных дел, а в Следственном комитете Российской Федерации – 5–6 % [3, с. 282–283]. Близкие значения решений, принимаемых органами предварительного следствия МВД России относительно нормы о примирении с потерпевшим, были установлены Л. А. Воскобитовой в 2005 году [4, с. 8–9].

Представленные данные подтверждают актуальность анализа уголовных дел, в которых решался вопрос о возможности их прекращения (прекращения уголовного преследования) на основании ст. 76 УК РФ (ст. 25 УПК РФ) (поскольку такие процессуальные действия могут осуществляться дознавателями с согласия прокурора и следователями с согласия руководителя следственного органа), а также о направлении в суд ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) на основании ст. 76.2 УК РФ (ст. 251 УПК РФ). Не менее важным является определение тех причин, которые не позволяют более активно использовать институт освобождения

от уголовной ответственности на досудебной стадии судопроизводства, что позволило бы в большей степени претворять принцип «экономии уголовной репрессии» (относительно нормы о судебном штрафе законодатель предусмотрел лишь усеченный, упрощенный механизм).

Без углубления в рассмотрение сущности особой правовой природы судебного штрафа для настоящего исследования важно, что назначение такой меры уголовно-правового характера по замыслу законодателя может производиться только судом. Это связано с определением суммы судебного штрафа, который должно оплатить освобожденное от уголовной ответственности лицо (аналогичный выбор сохранился бы при принятии предложения о расширении таких мер за счет включения в них общественных и ограничено-оплачиваемых работ). В этой связи верной видится точка зрения Ю. Е. Пудовочкина, который пишет, что условия освобождения от уголовной ответственности не должны дублировать в своем содержании меры уголовного наказания [5, с. 590]. Действительно, содержательным компонентом наказаний является их карательный потенциал, который за рамками уголовной ответственности не может и не должен находить своего воплощения. На основании изложенного необходимыми представляются научные работы, в которых разрабатываются перспективы совершенствования такой нормы [6, с. 84; 7, с. 4–5; 8, с. 45].

Подчеркнем, что для всего института освобождения от уголовной ответственности существуют общие (теоретические) основания, осмысление которых происходит в доктрине уголовного права и находит свое отражение в соответствующих диспозициях уголовно-правовых норм (например, ч. 1 ст. 75 УК РФ) [9, с. 53–54]. Для практических работников же наиболее актуальным является уяснение содержания специальных условий, которые воздействуют на применение конкретной нормы, освобождающей от уголовной ответственности (такие условия также могут распространяться сразу на несколько норм) [10, с. 176]. При этом среди специальных условий относительно каждой вышеупомянутой нормы также возможно выделить одно наиболее значимое среди прочих (относительно ст. 76 УК РФ таковым является примирение с потерпевшим) [11, с. 79]. Более того, дискреционный характер норм о примирении с потерпевшим и судебном штрафе предполагает дифференцированное отношение к разрешению каждого отдельного случая их реализации даже при формальном выполнении всех установленных уголовным законом условий.

Содержание ст. 76 и 76.2 УК РФ указывает на возможность их применения, когда лицо совершило преступление впервые, при этом само преступное посягательство соответствовало небольшой или средней степени тяжести, а также, когда виновное лицо загладило причиненный потерпевшему вред (причиненный преступлением вред). Для первой упомянутой нормы обязательно требуется достижение примирения с потерпевшим.

В целях единого понимания обозначенных условий и особенностей реализации норм института освобождения от уголовной ответственности высшим судебным органом России было дано соответствующее разъяснение, в котором отмечено наполнение законодательных конструкций¹. Своевременной реакцией на рост практики применения нормы о судебном штрафе можно признать принятие Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019 «Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ)»², в котором были раскрыты значимые вопросы реализации указанной статьи. Однако предпринятые высшим судебным органом меры не смогли в полной мере разрешить все вопросы, возникающие при трактовке условий освобождения от уголовной ответственности. Более того, указания в разъяснительных актах на то, что при принятии процессуального решения о применении таких норм должны учитываться и иные сведения, характеризующие личность совершившего деяние и само преступление, в определенной степени ввели в заблуждение практических работников.

Например, в п. 1 вышеупомянутого Обзора ВС РФ указал на необходимость учета достаточности предпринятых действий для уменьшения общественной опасности содеянного. Дополнительно необходимо учитывать объект преступного посягательства, обстоятельства совершения, конкретные действия по возмещению ущерба или заглаживанию вреда, изменение степени общественной опасности деяния в связи с этими действиями, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Схожие уточнения могут быть обнаружены в п. 9 обозначенного постановления Пленума ВС РФ (особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание). При этом представляется удачным указанием именно на уменьшение степени общественной опасности именно личности преступника после осуществления им ряда позитивных посткриминальных действий, поскольку дискуссионным предстает утверждение, согласно которому их результатом может стать снижение общественной опасности совершенного противоправного деяния.

Обобщая изученные нами материалы уголовных дел, подчеркнем, что основные проблемы в интере-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сующей нас части возникают при установлении уровня общественной опасности лица, которого можно освободить от уголовной ответственности, а также при оценивании факта возмещения ущерба или заглаживания вреда иным образом. Дело в том, что закрепление конкретных категорий совершенного преступления не предусматривает какой-либо вариации, поскольку находит единое выражение в уголовном законе. Разъяснение термина «лицо, впервые совершившее преступление», выраженное ВС РФ, является исчерпывающим и безальтернативным.

Во-первых, в практической плоскости существенным маркером повышенной общественной опасности личности является состоявшееся использование норм, освобождающих от уголовной ответственности, хотя такой факт позволяет соответствовать статусу лица, впервые совершившего преступление. Анализ уголовных дел, прекращенных по ст. 25 УПК РФ следственными органами ГУ МВД России по Алтайскому краю за 2022 г. показал, что 448 лиц ранее привлекались к уголовной ответственности, но судимость у них была погашена, либо ранее они освобождались от уголовной ответственности (по нереабилитирующим основаниям), 92 лица привлекались к уголовной ответственности дважды, 129 лиц – три и более раз.

В частности, при рассмотрении материалов уголовного дела № 11701010006713309, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, СО ОМВД России по Ребрихинскому району Алтайского края, в обосновании невозможности освобождения обвиняемого К. от уголовной ответственности отмечалось, что ранее данное лицо дважды совершало хищение чужого имущества, и по каждому из таких фактов уголовное преследование прекращалось в связи с примирением с потерпевшим. Органы предварительного следствия сделали вывод о том, что К., несмотря на предоставленную ему возможность вернуться к общепринятым нормам жизни, положительных выводов для себя не сделал, на путь исправления не встал, продолжил совершать аналогичные корыстные имущественные преступления¹.

Еще более показательным является уголовное дело № 11701010006509101, возбужденное по признакам состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158, УК РФ СО ОМВД России по г. Новоалтайску Алтайского края, поскольку обвиняемый Н. ранее девять раз привлекался к уголовной ответственности, из которых дважды освобождался от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ².

По уголовному делу № 11701010006472117, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, СУ УМВД России по г. Барнаулу Алтайского края, обвиняемая М. ранее семь раз привлекалась к уголовной ответ-

ственности, дважды освобождалась от нее в связи с примирением с потерпевшим³.

Такие же доводы приводились при решении вопроса о реализации ст. 76.2 УК РФ и направлении соответствующего ходатайства в суд по уголовному делу № 11701010006565738 (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ) СО МО МВД «Поспелихинский» Алтайского края⁴.

В представленных примерах органами предварительного следствия был сделан вывод о нецелесообразности прекращения уголовного дела и необходимости его направления в суд с обвинительным заключением.

Также во внимание принимаются отрицательные характеристики личности того, вопрос освобождения от уголовной ответственности которого рассматривается органами следствия. Например, как следует из материалов уголовного дела № 11701010006600197, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158, СО МО МВД России «Алейский» Алтайского края, подозреваемый М. нигде не работает, не имеет средств к существованию, склонен к антиобщественному образу жизни. Кроме того, указанное лицо ранее дважды освобождалось от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим⁵. Аналогичный вывод был сделан в рамках уголовного дела № 11701010047662250 по обвинению лица в преступлении, предусмотренном п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ⁶.

В свою очередь, в рамках уголовного дела № 11701010047662092 прямо указывалось на следующие сведения об обвиняемом: «мужчина 34 года, длительное время нигде не работающий, не имеющий средств к существованию, проживает вместе с родителями, полностью находясь на их иждивении, вновь совершил циничное преступление с прямым умыслом – похитил имущество у своего отца. Данное обстоятельство характеризует его как человека стойкой криминальной направленности, склонного к антиобщественному образу жизни и не вставшего на путь исправления»⁷.

Учет общественной опасности личности также может происходить через оценку особенностей потерпевших лиц. Так, по уголовному делу № 11701010006713347, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 160 УК РФ, СО ОМВД России по Ребрихинскому району Алтайского края, хищение имущества совершено у неработающей потерпевшей, имеющей на иждивении трех малолетних детей, о чем обвиняемой было из-

³ Уголовное дело № 11701010006472117. Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края.

⁴ Уголовное дело № 11701010006565738. Архив Поспелихинского районного суда Алтайского края.

⁵ Уголовное дело № 11701010006600197. Архив Алейского городского суда Алтайского края.

⁶ Уголовное дело № 11701010047662250. Архив Бийского городского суда Алтайского края.

⁷ Уголовное дело № 11701010047662092. Архив Бийского городского суда Алтайского края.

¹ Уголовное дело № 11701010006713309. Архив Ребрихинского районного суда Алтайского края.

² Уголовное дело № 11701010006509101. Архив Новоалтайского городского суда Алтайского края.

вестно. Ранее к виновной уже применялся механизм освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ, в связи с чем органы предварительного следствия сделали вывод, что дальнейшее использования такой нормы не будет способствовать ее исправлению¹.

В материалах уголовного дела № 11701010006711543 отмечается, что потерпевшим являлся несовершеннолетний сын сожительницы, который был признан инвалидом 2 группы².

Диспозитивный характер применения ст. 76 УК РФ и ст. 76.2 УК РФ позволяет учитывать дополнительные обстоятельства, характеризующие личность виновного, на что прямо указывает ВС РФ. Ранее в своих научных работах один из авторов настоящей статьи выражал критическое восприятие термина «лицо, впервые совершившее преступление», предлагая при этом компромиссные варианты разрешения обозначенной проблемы [12, с. 286–287]. Думается, что именно внутреннее противоречие между содержанием предложенного расширительного толкования данного термина и необходимостью учета общественной опасности личности обвиняемого (подозреваемого) приводят к вынесению следственными органами решений о невозможности их освобождения от уголовной ответственности.

Во-вторых, сложным видится понимание условия о возмещении ущерба или заглаживании вреда, причиненного потерпевшему (причиненного преступлением) иным образом. Ключевым тут является вопрос о возможности выполнения этого требования путем возвращения похищенного имущества сотрудниками правоохранительных органов. По нашему мнению, виновное лицо в любом случае должно осуществить определенные действия, направленные на заглаживание причиненного вреда, объем которых реально может быть восстановлен подозреваемым (обвиняемым) исходя из фактических обстоятельств уголовного дела, например, заглаживание морального вреда допустимо в форме принесения соответствующих извинений.

Так, исходя из материалов, содержащихся в уголовном деле № 11701010006396193, возбужденном по признакам состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, СО МО МВД России «Хабарский» Алтайского края, следственные органы не посчитали возможным прекратить уголовное преследование, поскольку вред, причиненный потерпевшему, был заглажен путем возвращения похищенного самими сотрудниками полиции. Каких-либо дополнительных действий для заглаживания причиненного вреда обвиняемый не предпринял³. Аналогичное виденье было отражено в уголовных делах №

11701010006565783⁴ и № 11701010007714100⁵. Не отличаются в части мотивированного отказа в направлении в суд постановления о возбуждении ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа доводы, изложенные в уголовном деле № 117010100064695062⁶.

В-третьих, органы следствия дополнительно рассматривают реализацию таких целей, как исправление виновного лица, возвращение его к правомерному образу жизни. Как следует из материалов уголовного дела № 11701010047478061, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, СУ МУ МВД России «Бийское» Алтайского края, в своем отказе от применения ст. 76 УК РФ следователь указал на следующее: «Данное решение является правом следователя или суда и осуществляется по их усмотрению, обусловленному, в том числе, интуицией, знанием дела, опытом и уверенностью в последующем позитивном поведении лица, освобождаемого от ответственности»⁷.

В-четвертых, результатом приведенного ранее разъяснения ВС РФ стало обязательное отражение снижения степени общественной опасности совершенного преступления (о чем ранее мы высказали свои критические соображения). Например, в апелляционной инстанции суд отказал в применении ст. 76.2 УК РФ к подсудимой, совершившей преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 293 УК РФ, хотя ей были выполнены все установленные законом формальные требования, поскольку в уголовном деле отсутствовали данные, указывающие на наступление результата в виде снижения общественной опасности содеянного⁸. Эти же аргументы были приведены судебным органом и при рассмотрении иного уголовного дела⁹.

Говоря о причинах редкого применения норм, освобождающих от уголовной ответственности, на досудебной стадии, подчеркнем, что согласно положениям приказа МВД России от 31.12.2013 № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» прекращение уголовных дел (уголовного преследования) по основаниям ст. 76 УК РФ, равно как и вынесение постановления о возбуждении перед судом ходатайства в применении ст. 76.2 УК РФ,

⁴ Уголовное дело № 11701010006565783. Архив Поспелихинского районного суда Алтайского края.

⁵ Уголовное дело № 11701010007714100. Архив Родинского районного суда Алтайского края.

⁶ Уголовное дело № 117010100064695062. Архив Кулундинского районного суда Алтайского края.

⁷ Уголовное дело № 11701010047478061. Архив Бийского городского суда Алтайского края.

⁸ Апелляционное постановление Ярославского областного суда по делу № 22-210/2023 от 06.02.2023. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.09.2023).

⁹ Апелляционное постановление Ярославского областного суда по делу № 22-2812/2022 от 21.12.2022. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.09.2023).

¹ Уголовное дело № 11701010006713347. Архив Ребрихинского районного суда Алтайского края.

² Уголовное дело № 11701010006711543. Архив Поспелихинского районного суда Алтайского края.

³ Уголовное дело № 11701010006396193. Архив Хабаровского районного суда Алтайского края.

не учитывается в показателях работы следственных органов¹. Вероятно, внесение в методику расчета ведомственного показателя деятельности органов предварительного следствия числа уголовных дел, прекращенных по нереабилитирующим основаниям на стадии расследования (числа лиц, в отношении которых было прекращено уголовное преследование), будет способствовать активизации использования норм института освобождения от уголовной ответственности.

В завершении настоящей статьи отметим, что основные проблемы понимания юридических условий исходят из предоставления права следственным и судебным органам дополнительной оценки общественной опасности личности освобождаемого от уголовной ответственности лица, достаточности выполнения требования о заглаживании вреда и установления серьезных рамок содержания законодательных конструкций. В этой связи считаем необходимым учесть ранее вынесенные предложения о трактовке термина «лицо, впервые совершившее преступление», о формах и степени заглаживания виновным причиненного вреда, об отказе от подхода к оценке снижения общественной опасности совершенного преступления. Более того, концептуального переосмысления требуют содержательные элементы института освобождения от уголовной ответственности с точки зрения определения допустимых ограничений, налагаемых на освобождаемых лиц, и их соотношения с «мерами безопасности», что становится недостижимой целью, если не установить сущность такого явления, как освобождение от уголовной ответственности.

Таким образом, законодательная регламентация оснований освобождения от уголовной ответственности не является оптимальной. Для повышения эффективности уголовного закона и его понимания практическими работниками требуется выработка единых подходов к определению как общих оснований, так и частных условий освобождения от уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» за 2017–2022 гг. (сводный по всем судам Российской Федерации общей юрисдикции).
2. Толкаченко А. А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Судья. 2020. № 8. С. 18–27.
3. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика : монография / В. К. Андрианов, Н. В. Генрих, Д. А. Дорогин [и др.]; под. ред. Ю. Е. Пудовочкина. Москва, 2021. 436 с.

4. Воскобитова Л. А. Перспективы развития института примирения сторон в уголовном судопроизводстве России // Мировой судья. 2007. № 1. С. 8–10.

5. Пудовочкин Ю. Е. Теоретические вопросы совершенствования законодательства об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 3. С. 584–603.

6. Звечаровский И. Э. Освобождение от ответственности и наказания в уголовном праве России // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2018. № 12. С. 81–87.

7. Луценко Н. С. Судебный штраф: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2020. 26 с.

8. Новикова Е. В. Судебный штраф: дискуссия продолжается // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2022. № 10. С. 44–52.

9. Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении. Проблемы теории и практики. СПб., 2008. 583 с.

10. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. 396 с.

11. Суверов С. Е. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 257 с.

12. Нечепуренко А. А., Суверов С. Е. Влияние факта совершенного ранее преступления на освобождение лица от уголовной ответственности (на основании применения ст. 76 УК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 4. С. 281–288.

References

1. Form №. 10.2 «Report on the features of the consideration of criminal cases, the application of real types of punishment and the grounds for terminating criminal cases» for 2017–2022. (consolidated for all courts of the Russian Federation of general jurisdiction).
2. Tolkachenko A. A. Modern features of the implementation of the norms on exemption from criminal liability and punishment // Judge. 2020. №. 8. P. 18–27.
3. Exemption from criminal liability: theory, law, practice: monograph / V. K. Andrianov, N. V. Heinrich, D. A. Dorogin [and others]; under. ed. Yu. E. Pudovochkin. Moscow, 2021. 436 p.
4. Voskobitova L. A. Prospects for the development of the institution of reconciliation of parties in the criminal proceedings of Russia // Magistrate. 2007. № 1. P. 8–10.
5. Pudovochkin Yu. E. Theoretical issues of improving legislation on exemption from criminal liability // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2021. V. 12. №. 3. P. 584–603.
6. Zvecharovsky I. E. Exemption from liability and punishment in the criminal law of Russia // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. 2018. №. 12. P. 81–87.

¹ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Lutsenko N. S. Judicial fine: problems of theory and practice: abstract of dis. ... cand. legal sciences. Krasnoyarsk, 2020. 26 p.

8. Novikova E. V. Judicial fine: the discussion continues // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. 2022. №. 10. P. 44–52.

9. Sverchkov V. V. Exemption from criminal liability, termination of a criminal case (prosecution), refusal to initiate it. Problems of theory and practice. SPb., 2008. 583 p.

10. Endoltseva A. V. Institute of exemption from criminal liability: theoretical, legislative and law enforcement problems: dis. ... doctor of law Sciences. Moscow, 2005. 396 p.

11. Suverov S. E. Reconciliation with the victim as a basis for exemption from criminal liability: dis. ... cand. legal sciences. Omsk, 2022. 257 p.

12. Nechepurenko A. A., Suverov S. E. The influence of the fact of a crime committed earlier on the release of a person from criminal liability (based on the application of Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. V. 27. № 4. P. 281–288.

Информация об авторах

Фризен Петр Д. – кандидат юридических наук, доцент

Суверов Сергей Е. – кандидат юридических наук

Information about the authors

Frizen Petr D. – Candidate of Law, Associate Professor

Suverov Sergey E. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; одобрена после рецензирования 19.09.2023; принята к публикации 15.03.2024

The article was submitted 12.09.2023; approved after reviewing 19.09.2023; accepted for publication 15.03.2024